ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КІЕВЪ

ВЪ 1817 ГОДУ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1870 г. кн. 2-я.

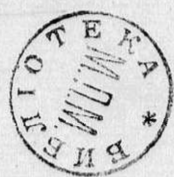
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое путешествіе мое въ Одессу и Кіевъ, въ 1810 году, имѣло причину совсѣмъ другую, чѣмъ нынѣшнее. Я былъ огорченъ потерею двухъ дочерей: моей и жениной, и искалъ развлеченія. Ни что такъ не дѣйствуетъ въ пользу омраченнаго воображенія, какъ движеніе.

Нынѣ совсѣмъ другія побужденія заставили меня предпринять второе путешествіе въ Кіевъ; но я не лукавъ и льстить не хочу. Совсѣмъ не набожность влекла меня туда: однѣ родственныя связи, одна чистая благодарность сестрѣ и зятю, оказавшимъ дочерямъ моимъ благородное вспоможеніе уступкой имъ части имѣнія, слѣдующей сестрѣ моей по раздѣлу послѣ матери, были виною новаго моего странствованія. Не скажу, чтобъ такое предпріятіе безъ тягости было мною совершено: при моихъ недостаткахъ дорога съ семьею въ отдаленную довольно сторону, потеря цѣлаго лѣта въ деревенскомъ хозяйствѣ, не могли не быть чувствительны карману; но для сердца благороднаго деньги — слабое препятствіе. Скупой этой логики не пойметъ; но я и предъ нимъ оправдаться готовъ собственнымъ его расчетомъ: я проѣздилъ 3 тысячи, а сестра подарила дочерямъ 11: какой гарпагонъ не согласится съ такимъ барышомъ употреблять своихъ сокровищъ?..

Многіе мои пріятели перестали знать меня съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ быть молодъ и вѣтренъ, и подумали, я чай, увидя мое имя въ газетахъ, въ спискѣ отъѣзжающихъ, что я все еще зараженъ припадкомъ любопытства, не могу сидѣть на одномъ мѣстѣ и готовъ мыкаться сюду и сюду безъ иной причины, какъ по безпокойному свойству моего воображенія. Прошу ихъ повѣрить, что мнѣ очень хорошо дома, что я давно отвыкъ искать добра отъ добра, и что, сидя за перомъ въ моемъ кабинетѣ, я гораздо дѣятельнѣе умѣю жить, нежели сидя въ каретѣ и передвигаяся съ мѣста на мѣсто.

Первое мое путешествіе было мною тогда же написано; нѣкоторые пріятели мои его читали; инымъ оно полюбилось; это заставило меня и второе путешествіе описать, безъ прикрасъ и въ наго-

тѣ истины. Первой трудъ мой былъ для публики, послѣдній собственно для меня, а по тому я вмѣшивалъ въ повѣтствованіи историческія разныя мои разсужденія. Я бесѣдовалъ, такъ сказать, самъ съ собою, и сіи два путешествія имѣютъ различную форму въ слогѣ: первое раздѣлено было на главы, послѣднее писано въ видѣ дневнаго журнала. Я давалъ себѣ отчетъ въ каждомъ днѣ и его употребленіи; это занимало меня пріятнѣе самаго путешествія. Но я признаюсь, что хотя 7 лѣтъ, протекшія между двумя моими отлучками, давали мнѣ надежду, что я много новаго найду въ нынѣшнемъ осмотрѣ тѣхъ же городовъ и областей, однако большой разницы и улучшенія ни въ какомъ отношеніи не нашелъ: 4 мѣсяца больше перемѣнили Москву, въ ожиданіи Двора, нежели 7 лѣтъ всю Россію; колосальное наше Государство образуется весьма медленно. Чтобъ уподобить его значущему члену Европейской твердыни, потребны не годы, а времена и вѣки.

Слава Богу! Я исполнилъ обѣтъ моего сердца: хотѣлъ быть еще въ Кіевѣ, и небо благословило мое путешествіе. Послѣ посѣщенія онаго въ 1810 году меня постигли различныя житейскія напасти. Я ихъ забылъ уже; Небо уврачевало раны мои. Я на опытѣ познaлъ, что тотъ не можетъ быть долго несчастливъ, кто довольствія своего чаетъ отъ Бога, а не отъ внѣшнихъ прелестей міра; будущее покажетъ мнѣ послѣдствія нынѣшняго моего странствованія; ежели и оно, какъ прежнее, должно нести за собою новыя искушенія и печали, то та же десница мочная изгладитъ ихъ, которая и отъ прежнихъ исцѣлила. Вѣрю сему несомнѣнно!...

И такъ, вотъ моя новая рукопись! Я ею не хвастаюсь, и не старался сдѣлать ее образцомъ слога: все просто, но справедливо. У меня нѣтъ обычая жертвовать мыслію красотѣ изреченія. Счастливъ тотъ, кто можетъ книгу свою обогатить тѣмъ и другимъ; для меня довольно и того, ежели разсужденія мои покажутся правильными. Мыслить справедливо о вещахъ есть первое достоинство человѣка просвѣщеннаго; изъясниться пріятно есть искуство соблазнительное, которое иногда заводитъ умъ нашъ въ страшные лабиринты софизма. Боже избави перо мое и духъ отъ такого краснорѣчія!....

ДНЕВНИКЪ

МОЕГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ КІЕВЪ.

Маія 31-е. Нанявши вольныхъ, по 100 рублей на тройку, отъ Москвы до Орла, отправились мы: жена, я, двѣ дочери мои, на 15 лошадяхъ, кромѣ почтовой передовой пары, которая возила повара съ кухней. Ночевали въ Подольскѣ (городъ Уѣздный, въ 33 верстахъ отъ Москвы). Поваръ нашъ напился пьянъ, и мы безъ ужина легли спать: начало не очень пріятное!

Іюня 1-е. Лошадей кормить остановились въ Лопаснѣ, а для насъ та же исторія, что на канунѣ. Обѣда нѣтъ; поваръ съ перепою оказался въ бѣлой горячкѣ: худо, но дѣлать нечего! Нанялъ тройку за 35 руб. въ Москву и обратно сюда же, отправилъ вольнаго моего фигаро (цырюльника) съ больнымъ поваромъ, велѣлъ привезти другого, а сами, пообѣдавши Московскимъ холоднымъ запасомъ, поѣхали до ночлега. Повозка почтовая осталась въ Лопаснѣ; ночевать поспѣли въ Серпуховъ. Ужинали чаемъ съ хлѣбомъ... Квартира на выѣздѣ попалась тѣсная и нечистая...

2-е. Отслушавъ обѣдню и панихиду по матушкѣ (сего дни бывалъ день ея рожденія) въ мужескомъ Высоцкомъ монастырѣ, ходилъ къ Городничему просить повара, а къ Почтмейстеру о дачѣ безъ задержки лошадей подъ мою поварню, когда она прибудетъ... Шатаясь по городу, встрѣтилъ Зыбина: онъ скакалъ въ Елецъ къ полку, оплакивать потерю богатой невѣсты. Обѣдали мы всѣ въ Серпуховскомъ трактирѣ, гдѣ за очень скверной столъ, но для голодныхъ и тотъ былъ кстати, содрали съ меня 2 цѣлковыхъ, да за ночлегъ одинъ. Въ трактирѣ видѣлся я съ Тульскимъ однимъ помѣщикомъ, знакомымъ, Татариновымъ, и

мы побесѣдовали послѣ обѣда.... Выкормя лошадей, но не дождавшись поварни, поѣхали далѣе, и ночевали въ Заводахъ; тутъ, по счастью, держитъ гостинницу отставной солдатъ, котораго Полковникъ мнѣ былъ знакомъ. Онъ намъ сварилъ хорошій супъ, зажарилъ цыплятъ, далъ огуречный салатъ, и взялъ только цѣлковой. Хотя мы ночевали у мужика въ избѣ, но сидѣли на зеленыхъ кожаныхъ креслахъ и ѣли за столомъ (краснаго дерева). На дорогѣ сюда повстрѣчались съ Герардомъ: онъ летитъ въ Москву изъ деревни. «Стой! стой!» обнялись.... и простились....

3-е. Поварни еще нѣтъ, и мы въ безпокойствѣ оставили станцію. Кормили лошадей за 25 верстъ отъ Тулы, въ селѣ Господина Нестерова (Никола на Выкуни). Тутъ, кромѣ чашки шеколаду для меня и холоднаго цыпленка для товарищей, ни чего не было къ обѣду. Лишь впрягли лошадей, нагналъ насъ другой поваръ изъ Москвы, и съ нимъ пакетъ писемъ. Велія радость! Мы погнали въ Тулу, куда прибыли на закатѣ солнца, остановились въ домѣ шурина моего, Безобразова. Я сбѣгалъ повидаться съ Архіереемъ; дома плотно поужиналъ, вымещая прошедшій голодъ, и легли спать на покойной кровати прекраснѣйшей женщины, хозяйки нашей квартиры. Сколько бы я стиховъ сочинилъ, когда бы 20 лѣтъ поменьше!

4-е. Весь день простояли въ Тулѣ; по утру я отправлялъ почту. Отобѣдавши дома, пошелъ гулять одинъ по городу: былъ въ книжной лавкѣ, нашелъ свои стихи на невинность, купилъ ихъ; завернулъ въ кондитерскую лавку, не оставя въ ней ни гроша: не за что!... Въ рядахъ купилъ ключикъ къ часамъ (потерявши дорогой прежній); подъ вечеръ ходили (не я одинъ, а мы), въ соборъ, и помолились у вечерни; зашли къ Архіерею (старой пріятель); и у него просидѣли до сумерокъ. У него застали Апухтина, Московскаго знакомца, только что изъ Москвы и мчится въ Орелъ. Тульскіе мое знакомые, Почтмейстеръ Бабаевъ и Учитель Евгеновъ, насъ не покидали.

5-е. У Княжны Варвары прорвался нарывъ подъ рукой, который въ дорогѣ замучилъ ее и насъ. Отобѣдали въ той же компаніи, въ которой ужинали; распрощались съ Тульскими пріятелями, и отправились на станцію Солова (деревня въ 35 верстахъ отъ Тулы), тутъ и ночевали. На дорогѣ у чьей-то мызы попалась намъ на мосту кормилица съ ребенкомъ: мы съ нимъ поиграли; на пути всякой вздоръ въ диковинку. Я далъ младенцу Московскую карамельку, и ребенокъ мнѣ сдѣлалъ ручками... Въ Москвѣ ихъ пронесутъ мимо двора сотню, и ни одного не замѣтишь, а дорогой все интересно. До Тулы погода была хороша, жарко, но дорога шишковата; за Тулу то же время, но дорога глаже, за то показались частые пригорки, и мы, то и знай, что изъ кареты вонъ, да пѣшкомъ. Ночлегъ былъ сносенъ, но уже не хорошъ.

6-е. Обѣдали въ селѣ Сергіевскомъ Князя Гагарина (семь лѣтъ назадъ я тутъ ночевалъ въ господскомъ домѣ, а теперь обѣдалъ въ гнусной избѣ). Сута человѣческая! Въ Сергіевскомъ мы осмотрѣли домъ, церковь и садъ: въ покояхъ новая мебель, но стѣны старыя и домъ вообще малъ.

Въ церкви иконостась прекрасной; колонны изъ зеленаго мрамора, на тумбахъ изъ мрамора же Мордера цвѣта съ насѣчками рѣзными подъ бронзу; живопись образная и стѣнная вообще очень хороша; утварь богата. Въ саду старинныя аллеи, много акаціевыхъ шпалеръ и яблонь: вотъ все его богатство! Положеніе мѣста хотя нагорное, однако же пріятно; взойдешь очень высоко, чтобъ видѣть только пространныя и ровныя поля, да большую деревню изъ гнилушекъ, покрытую соломой: удѣлъ хлѣбопашца въ степныхъ мѣстахъ! Здѣсь мужикъ платитъ барину 100 руб. съ тягла, да сверхъ того еще и барщину отправляетъ... Великъ успѣхъ промышленности! Естьли бъ помѣщикъ 17 душъ дерзнулъ такъ распространить свое хозяйство, тотъ часъ Губернаторъ и Министръ ославили бы его тиранномъ и вмигъ опека.... Но у здѣшняго помѣщика 15 тысячъ душъ: кто не замолчитъ предъ такимъ владѣльцемъ? Тутъ встрѣтили мы богомолку Московскую, идущую изъ Кіева пѣшкомъ, у которой отняли, не подалеку отсюда, всю ея милостыню, составлявшую 10 руб... сильная потеря для пѣшехода! Странно, что ранѣе ее не пощипали; видно, чѣмъ далѣе отъ столицы, тѣмъ больше добрыхъ людей: тамъ давали, а подъ Москвой отнимать стали... Мы ночевали въ Маломъ Скуратовѣ (имѣніе Князя Григорья Николаевича Волконскаго). Ночлегъ нашъ былъ не прекрасенъ: изба мерзкая и тѣсная, и за ту взяли съ насъ дорого. Хвастайте, журналисты, гостепріимствомъ Россійскаго поселянина! Вотъ вамъ съ моего пера еще опытъ!

7-е. Послѣ ночлега въ Маломъ Скуратовѣ, пріѣхали обѣдать въ Большое Скуратово, въ которомъ помѣщица, того же имени, скончалась на сихъ дняхъ въ Орлѣ. Тутъ для обѣда отвели намъ избу еще хуже той, въ которой ночевали. На дорогѣ испугали насъ лошади: подсѣдельная споткнулась, форейторъ упалъ, и она его придавила; крикъ заставилъ насъ опрометью изъ кареты выскочить; вытащили его; я ему далъ выпить стаканъ мадеры, и онъ (какъ ни въ чемъ ни бывало) началъ снова коня сѣдлать. Отвага Русскаго мужика непостижима: не сдержи кучеръ коренныхъ, форейторъ изувѣченъ. Однако, мы больше страдали отъ испугу за него, нежели онъ отъ убою. Ужинали во Мценскѣ, въ трактирѣ. Гостинница прекрасная и очень хорошо содержится: хозяинъ далъ намъ щи, бифштекъ очень вкусной, и вафли, по названію и по формѣ, а по вкусу простое пирожное. При насъ прилетѣла Московская почта. Я пользовался «Инвалидомъ» отъ Почмейстера и прочелъ послѣдніе номера, ложась спать. За ночлегъ взяли съ насъ 4 руб., а за кушанье на 4 прибора 3 руб. 60 к. Рекомендую всѣмъ проѣзжимъ этотъ трактиръ: комнаты чисты, свѣтлы, мебель порядочная. Стѣны всѣ исписаны, стихами, какъ водится... всего достанешь, были бы деньги, а безъ нихъ гдѣ же и что ни будь?

8-е. Воспоминая сего дни плачевной день кончины отца моего, я ходилъ къ Обѣдни и принесъ умилительныя молитвы о душѣ его предъ Богомъ, но, къ несчастію, причетъ той церкви, въ которую я попалъ, возмутилъ мои чувства. Священникъ престарѣлый и лишенный средства дѣйствовать у престола, похожъ былъ на каррикатуру. Есть періодъ въ жизни нашей, до котораго достигши мы, уже не должны и не можемъ дѣйствовать. Молитва не требуетъ движенія тѣла; съ нею кончаться можетъ на прискорбномъ одрѣ своемъ и паралитикъ, и расслабленный; но Обѣдня не есть только молитва: она дѣйствіе духовное, которое исправлять не способенъ человѣкъ, едва движущійся ногами, едва могущій воздѣть руки свои къ небу, и у котораго слякошася вся кости... Діаконъ, содѣйствовавшій ему, только что выздоровѣлъ послѣ бѣлой горячки, котораго мутный взоръ свидѣтельствовалъ еще минувшіе припадки; на крылосѣ пѣлъ молодой Дьяконъ же: онъ и читалъ, и кадило раздувалъ, и свѣчи зажигалъ до конца почти Литургіи, слѣдовательно, суетился. Къ

концу подоспѣлъ Дьячокъ, коротенькой мальчишка, который такъ взгаркнулъ Аллилуія въ Причастнѣ, что всѣхъ насъ пронялъ трепетъ. Когда въ городахъ, да и въ хорошихъ, встрѣчаемъ въ храмѣ подобные соблазны, чего жь ожидать по селамъ? Выѣхали мы поздо, почти въ полдень, изо Мценска, довольны очень своимъ ночлегомъ, и, отъѣхавъ верстъ 20, попали обѣдать къ доброму моему пріятелю и родственнику, а Московскому сосѣду Н. А. Л., у котораго весь день препроводили въ сельской простотѣ и искренней пріязни. Хозяева намъ, а мы имъ, обрадовались. Сутки летятъ въ такомъ обращеніи, и мы тутъ ночевать остались.

9-е. Хозяева предложили намъ завтракъ (на деревенскомъ языкѣ это значитъ полной обѣдъ, только ранѣе городскаго). Мы наѣлись, напились, распрощались и поскакали въ Орелъ. Пріѣхавши въ Вечерни, заняли квартиру готовую, въ пустомъ домѣ одного родственника, на послѣднемъ краю города (въ захолустьѣ). Ни кто, кромѣ скотины на водопой, мимо насъ не таскался. И такъ мы хотя въ городѣ, но не въ немъ. Сегодни же меня приняла мигрень моя обыкновенная, и я весь вечеръ и ночь до утра проспалъ благополучно. Домашніе мои тѣмъ же Морфеевымъ даромъ насладились. Къ намъ принесли афишу въ театръ Графа Каменскаго; завтра спектакль: авось и мы соберемся посмотрѣть этой диковинки; объ ней говорятъ и въ Москвѣ, и далѣе....

10-е. Отлежавшись порядочно отъ мигрени, нанялъ съ утра извощика и покатилъ по городу. Обѣдня была рано: я ни къ одной не попалъ, да и, признаться, побоялся Мценскаго повторенія. Былъ на почтѣ, хлопоталъ объ лошадяхъ до Болхова, но безъ пользы. Почтовыхъ нѣтъ, а на вольныхъ власть мѣстная не дѣйствуетъ. Заѣзжалъ къ Тарара (такъ называется въ извѣстномъ свѣтѣ Московскомъ, къ которому онъ и принадлежалъ, Князь Трубецкой): все таковъ же! Квартира убрана прелестно: картины, бронзы, бездѣлушки всякаго художества разбросаны въ безпорядкѣ. Самъ хозяинъ всегда въ суетѣ и никогда ни чего не дѣлаетъ. Наслушавшись его болтовни, обратился я съ визитомъ къ Графу Каменскому: это здѣшній вельможа! Домъ обширной, великолѣпной! Въ немъ богатая домовая церковь, галереи для торжественныхъ столовъ пространныя. Театръ на 500 человѣкъ. Служителей баталіонъ, свои актеры, своя музыка всякаго рода и вся боярская роскошь въ полномъ видѣ; у всѣхъ крылецъ

кирасиры на часахъ, чего мы и въ Москвѣ не видимъ... Онъ никого въ праздничные дни по утрамъ не принимаетъ, но мнѣ позволилъ войти и, какъ бы съ старымъ знакомымъ, обошелся очень ласково. Мундиръ, усыпанный крестами и зашитой звѣздами, не сходитъ у него съ плечъ отъ утра до ночи. При мнѣ въѣхалъ къ нему изъ Питера проѣзжій, начальникъ Одессы, знаменитый Графъ Ланжеронъ, который у него и остановился на три дни. Хозяинъ унималъ меня обѣдать: онъ кушаетъ въ 12 часовъ, но я поспѣшилъ къ своимъ домашнимъ. Двумъ Генераламъ худой товарищъ въ бесѣдѣ отставной приказный. Поблагодаря за вѣжливость, пріѣхалъ домой.

Городъ наполненъ войсками. Здѣсь расположенъ цѣлой корпусъ конницы, и легкой и тяжелой, разумѣется, въ Губерніи. Нѣсколько Генераловъ живутъ въ городѣ. Сегодни они всѣ поѣхали на встрѣчу Фельдмаршалу, который на дняхъ ожидается въ Орелъ. Тарара поскакалъ съ ними въ качествѣ маркитанта, и къ кому-то на балъ. Послѣ домашняго обѣда я ходилъ въ аптеку за лѣкарствомъ, и подивился проворству здѣшнихъ химиковъ. Рецептъ въ Москвѣ сочинятъ въ четверть часа, а кушанье поспѣло въ 5 минутъ. Между тѣмъ приходили ко мнѣ ямщики просить до Болхова, за 50 верстъ, 75 руб., на пять троекъ: цѣна безприкладная! Я рѣшился послать своего слугу къ той родственницѣ, для которой своpачивалъ съ прямой дороги въ сторону, съ письмомъ, и просилъ о присылкѣ за нами лошадей, въ ожиданіи которыхъ осудилъ себя жить въ Орлѣ. И тутъ затрудненіе! Вице-Губернаторъ, управляющій нынѣ Губерніей, не смотря на двѣ подорожныя, Московскую и Тульскую, не рѣшался мнѣ дать такой же до Болхова на пару, безъ особой какой-то записки. По счастью, онъ жилъ отъ меня близко, я пошелъ къ нему самъ, успокоилъ его страхи и добился подорожной. Это мнѣ доставило его знакомство, которое не вовся для насъ было безполезно. Въ вечеру, по приглашенію Графа Каменскаго, пошелъ я къ нему въ театръ. Онъ мнѣ самъ далъ по утру билетъ въ первой рядъ. Здѣсь публика пользуется симъ удовольствіемъ за деньги: по 2 р. 50 к. билетъ въ креслы. Но Графъ, какъ Директоръ и помѣщикъ своей труппы, жалуетъ изъ пріязни знакомыхъ билетами безъ платы. Не хотя въ учтивости остаться назади, я отпустилъ своихъ людей въ театръ, и они за 4 мѣста въ галерею заплатили цѣлковой, слѣдовательно, Графу отъ меня убытку не было.

Театръ очень хорошъ снаружи и внутри: декораціи прелестны, музыка пріятна, костюмы опрятны, вообще зрѣлище весьма благопристойное. Сегодни давали драму: «Аббатъ де Лепе,» и съ ней маленькую піесу: «Часъ ѣзды.» * Въ этой явились актеры его собственные, то есть, домашніе, и не очень удачно забавляли; въ той играли его же актеры, но купленные недавно у такого же охотника... Для пріобрѣтенія ихъ, говорятъ, будто Графъ продалъ 500 душъ хлѣбопашцевъ. Находка не велика!.. Эта труппа лучше первой и изрядно отправляетъ свое дѣло, но все еще не актеры. Отличнѣе прочихъ играли аббатъ и нѣмой. Женщины всѣ плохи. Лучшая актриса, Кузмина, сегодни не показалась. Публика съѣзжается охотно. Театръ не въ убыткѣ. Низъ состоитъ изъ креселъ, а верхъ весь подъ галереями и двумя ложами, есть и раекъ. Освѣщается свѣчами. Привыкнувши къ лампамъ, я находилъ его темнымъ. Послѣ театра всѣ по домамъ. Между дамъ замѣтилъ я одну въ 3 ряду, о которой спросилъ, и мнѣ назвали ее Кириловой (хотя всѣ уже знаютъ, а на ухо шепчутъ другъ другу, что это Графиня: ибо онъ на ней потаенно женился). Изъ театра Вице-Губернаторъ изволилъ меня завезти домой въ своей каретѣ, вышелъ къ намъ и посидѣлъ, а на завтра пригласилъ къ обѣду. Такъ-то проводилъ я первой день моего пребыванія въ Орлѣ!!!

11-е. Сегодня отходитъ почта изъ Орла во всѣ стороны. Я отнесъ самъ большую кучу писемъ въ Москву, Питеръ и проч., написанныхъ заранѣе мною и дочерьми моими, которыя такъ же, какъ я, охотницы марать бумагу, особливо на бездѣльѣ. На почтѣ нашелъ множество народу. Видно, и здѣшняя корреспонденція обширна. Насъ посѣтили по утру два Генерала и Графа, Каменскій и Ланжеронъ, мы провели съ часъ времени въ пріятной съ ними бесѣдѣ. Скоро потомъ пріѣхалъ къ намъ помѣщикъ здѣшній и мой родственникъ, С. И. Кологривой, сынъ той сестры моей двоюродной, къ которой я собирался отсюда. Онъ у насъ пробылъ до обѣда, а я пошелъ, по приглашенію здѣшняго Вице-Губернатора, обѣдать къ нему. Компанія состояла только изъ 6 человѣкъ, и предметы его званія составляли весь нашъ

* Комедія въ 1 дѣйствіи, перев. Н. Свѣчина. М. 1816. О. Б.

разговоръ. Отдохнувши нѣсколько дома, я отправился на вечеръ къ Графу Каменскому, который меня еще на канунѣ звалъ посмотрѣть репетицію драмы: «Марѳа Посадница.» * Она готовилась къ публичному представленію на этой недѣлѣ. При ней происходила проба піесы Г. Ильина: «Физіогномистъ и Хиромантикъ.» Я ни той, ни другой еще не видывалъ и не читалъ. Зрѣлище блистательное наружностью въ отношеніи къ одеждѣ. Думаю, что въ Москвѣ Императорская Дирекція не могла бы его лучше представить: все строено здѣсь расточительною рукою, но сама драма ни на что не похожа. Сочиненіе посредственное, разыграно очень худо! Я не смѣю судить ни о расположеніи драмы, ни о слогѣ, а скажу только слѣдующую мою мысль: когда мы видимъ безпрестанно почти торжество порока и злодѣянія надъ скромной добродѣтелью въ практической жизни, то пріятно ходить въ театръ хоть для того, чтобъ въ мечтахъ искуснаго творца видѣть противоположныя картины. Здѣсь цѣль другая... Новгородъ поруганъ, и побѣжденъ, свободу его умерщвляетъ примѣрный въ лѣтописяхъ Россійскихъ тиранъ, Іоаннъ Грозный. Сила ломитъ народъ, не знающій рабства; онъ вторгается въ городъ вольной и торжествуетъ... Марѳа лишается дѣтей на брани, и сама не переживаетъ своего уничиженія. Кто жь изъ насъ въ тѣ времена, будучи гражданиномъ Новгорода, не бросился бы въ ряды воиновъ, одушевленныхъ Посадницей и звономъ вѣчеваго колокола? Кто жь бы не сталъ оспаривать злодѣю своей свободы, яко добычи драгоцѣннѣйшей въ природѣ? Но Іоаннъ все разбилъ и порабощаетъ: такой конецъ драмы приводитъ зрителя въ уныніе, онъ лишенъ очаровательной мечты своей, и, не успѣвши стать на ноги, паки бьетъ землю челомъ предъ властителемъ жестокимъ и своевольнымъ. Къ счастію, актеры не твердо еще и не хорошо играли свои роли: они не производятъ полнаго дѣйствія на чувства, и многія слова отборныя произносятся ими неправильно.

Маленькую комедію играли очень изрядно. Кузмина даже такъ хороша, въ разныхъ своихъ превращеніяхъ, что ей бы и въ Москвѣ, между свободными талантами, ударили въ ладоши. Голосъ небольшой, но вѣрной, произношеніе правильно, игры и натуры довольно для бездѣлки. Піеса мнѣ полюбилась: она очень затѣйлива. Я съ удовольствіемъ хвалю сочинителя и тѣхъ, кои ее разыграли. Пусть критикуютъ ее другіе: мое правило находить хорошимъ не то одно, что всѣ условились хвалить, но то, что мнѣ самому нравится. У каждаго свой вкусъ: онъ долженъ быть прямой оцѣнщикъ чужихъ произведеній. Часто не все то хорошо, что правильно, и то прекрасно, что отъ всѣхъ условныхъ правилъ отобьешься.

---

* Въ 3 дѣйст., Павла Сумарокова. Спб. 1807. О. Б.

Послѣ этого театра слѣдовало бы мнѣ ѣхать въ другой. Съ утра еще полицейской Офицеръ приносилъ мнѣ билетъ въ механической спектакль. Какіе-то Нѣмцы представляли, въ пользу инвалидовъ, оптическое зрѣлище. Отказаться нельзя: Правительство приглашаетъ. Я заплатилъ 5 руб.: взялъ для себя одинъ билетъ. Время представленія назначено въ 9-мъ, но репетиція отошла въ 9 часовъ. Хозяинъ и Ланжеронъ полѣнились ѣхать туда же, и я рѣшился лучше остаться съ ними. Ихъ и мой билетъ достались домашнимъ Графскимъ, и Инвалиды ни чего не потеряли. Деньги взяты, а до глазъ нашихъ имъ какое дѣло? И такъ я весь вечеръ провелъ у Каменскаго. Тутъ ужиналъ, и на балконѣ весь вечеръ до ночи проговорили. Видъ изъ его дома очень красивъ. Онъ застроилъ выше города на главной площади, почти на выѣздѣ, цѣлой кварталъ земли, да и слишкомъ. Ночь была прекраснѣйшая. Мѣсяцъ озарялъ ее своимъ свѣтомъ. Ланжеронъ разговорчиваго свойства: изъ шутки въ шутку забавлялъ насъ своимъ легкимъ Французскимъ остроуміемъ, и я очень былъ доволенъ моимъ вечеромъ. Карета хозяйская, т. е., Графская, довезла меня домой. Я засталъ жену и дочерей за ужиномъ. Съ ними, вмѣсто меня, сидѣлъ за столомъ Кологривой, который, простясь съ нами, уѣхалъ въ свое помѣстье, въ 20 верстахъ отсюда по нашей дорогѣ, ждать насъ къ себѣ въ гости. Легенькая простуда жены моей помѣшала ей дѣлить со мною городскія увеселенія. Все утро, пока домашнія спали, я маралъ бумагу, и прочелъ кучу газетъ, присланныхъ мнѣ отъ Графа и Вице-Губернатора. Подводы за нами отъ Княгини Урусовой натекли; можно бы и уѣхать, но дано слово быть въ театрѣ у Каменскаго, которой видѣлъ только я одинъ, а жена, за нездоровьемъ, просидѣла въ своей темницѣ, дочери мои такъ же. Я познакомился

сегодни съ Плещеевымъ, который извѣстенъ по своимъ деревенскимъ праздникамъ, театральному и музыкальному искуствамъ. Онъ лѣчитъ свою жену въ Орлѣ, въ ожиданіи возможности отправиться съ ней въ чужіе краи. Его ко мнѣ привезъ Ланжеронъ, и мы поболтали. Отобѣдавши дома, я сбѣгалъ въ ряды; отдалъ Плещееву визитъ, посидѣлъ съ нимъ, и замаршировалъ въ театръ. Графъ еще былъ дома; я зашелъ къ нему, потомъ вмѣстѣ пошли въ комедію, гдѣ я нашелъ уже своихъ домашнихъ на своихъ мѣстахъ. Графъ прислалъ намъ 4 билета даромъ: мнѣ одинъ въ первой рядъ, женѣ и дочерямъ три во второй, по тому, что чѣмъ далѣе сидимъ отъ актера, тѣмъ оптика лучше обманываетъ глаза. Сегодни давали Молинару, Италіянскую оперу, и комедію: «Молодые супруги,» въ стихахъ, переведенную съ Французскаго (*Le secret du ménage*); ту и другую играли обыкновеннымъ образомъ. Краснова въ оперѣ была очень изрядна, а прочія, даже хваленая здѣсь Кузмина, посредственны; но спектакль прелестной: что за декораціи! Всѣ съ иголочки и работы искусной; о платьяхъ говорить не чего: всегда роскошны и съ крайнимъ вкусомъ. Изъ театра мы вышли поздо. Графъ пригласилъ насъ къ себѣ. Тутъ мы увидѣли домъ его во всемъ величіи: весь освѣщенъ съ края до другого, какъ будто бы въ день особаго торжества. Говорятъ, что онъ и одинъ не сидитъ въ немъ иначе. Въ большой залѣ загремѣла роговая музыка, которая выше всякой похвалы; въ гостиной столъ, наполненный фруктами и конфектами; услуга пышная и многолюдная; словомъ, въ Москвѣ ни кто не въ состояніи вдругъ ни кого принять къ себѣ такимъ образомъ, не готовясь дни два, а иной недѣли. У Каменскаго все поспѣло въ одинъ мигъ.... Тутъ я простился съ Лэнжерономъ, откланялся Графу и поѣхали домой, совершенно очарованы знаменитымъ обывателемъ Орла.

13-е. По утру Плещеевъ зашелъ къ намъ, принесъ книгъ на дорогу, поболталъ и проводилъ насъ шаговъ двѣсти пѣшкомъ. Сегодни у Графа даютъ «Мароу Посадницу» и «Говоруна,» * но мы съ нимъ разстались и, выѣхавши изъ Орла, почти

* Есть двѣ передѣлки этой комедіи въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Буаси, Н. Ильина, М. 1807, и Н. И. Хмельницкаго, Спб. 1817. О. Б.

въ 11 часовъ, прибыли за 20 верстъ къ Кологривому обѣдать. Онъ насъ накормилъ не по дорожному и напоилъ такъ же. Отъ него пріѣхали въ Болховъ, верстъ 40, въ сумерки, и пока городомъ шли пѣшкомъ, на небѣ наволокло, стало холодно; пошелъ дождь и мы въ половинѣ только 11 часа доѣхали до Урусовой деревни. Она въ 2 верстахъ отъ города, но въ дурную погоду онѣ покажутся за 10, по тому, что городомъ ѣхать очень скверно. У нея я нашелъ кучу писемъ изъ Москвы, отъ 5 и 8 Іюня, занялся ими и, не ужинавши, легъ спать за полночь. Усталость заставила насъ отложить до другого дня всѣ восторги радушнаго нашего свиданія. По всей дорогѣ мужики чинятъ клеи и ямы. Фельдмаршалъ ѣдетъ въ Орелъ, а лошади возятъ изъ стороны въ сторону аммуницію и провіянтъ на солдатъ. Весело поселянину тамъ, гдѣ полки стоятъ! Все такъ живо, такъ дѣятельно: нѣкогда задуматься. Я читалъ въ каретѣ «Провербы,» и между прочими одинъ старинной, по названію: «*On fait ce qu'on peut*;» онъ мнѣ напомнилъ Гатчины, гдѣ мы нѣкогда съ Чернышовымъ, разыгрывая его, самъ другъ забавляли Великаго Князя, безъ музыки и прочихъ театральныхъ затѣй, за просто. Эта мысль затащила бы меня въ лабиринтъ думъ, не очень сладкихъ: я поскорѣй сбился съ нея на первомъ толчкѣ, и мурлычалъ съ дочерми пѣсню Малороссійскую изъ Козака Стихотворца.

14-е. Погода такъ была холодна, что не доставало только снѣгу, а то бы мы встрѣтили первозимье. Вспомнишь плѣннаго Француза: «*Ces chiens de russes vous nomment ça une patrie*.» Подлинно, что въ деревнѣ тошнѣе непогодъ? Одна природа заставляетъ предпочитать ее городамъ, да и та въ безпрестанномъ капризѣ. Лучше же выносить людскія, и жить въ столицѣ, по своей волѣ. Деревня очень хороша, когда живущій въ ней можетъ упражняться въ сельскихъ занятіяхъ; но когда ненастье ихъ прекращаетъ, тогда деревня ни то, ни се: городской жизни въ ней не заведешь. Да естьли бъ сосѣди и наѣхали, хозяинъ тяготится ими, по тому что онъ оставляетъ свои занятія уединенныя, не имѣя возможности доставить имъ забавы, а гости тяготятся тѣмъ, что они не дома и принужденно проводятъ время. Въ городахъ, напротивъ, и хозяинъ и гость находятъ свои удовольствія, а въ деревнѣ, такъ какъ заимствовать ихъ надобно отъ природы, то, гдѣ она пасмурна сама, тамъ и скучно и тош-

ню. Вотъ наше положеніе здѣсь! Все утро я готовилъ почту свою, отобѣдалъ, сочинилъ пѣсенку, спалъ въ другой разъ днемъ, а вечеръ провелъ въ 4 стѣнахъ съ двумя Учителями, кои занимаются въ Болховскомъ Училищѣ. Они часто къ сестрѣ ходятъ на поговорку: и я былъ имъ очень радъ, признаюсь, только по пословицѣ: «На безлюдьи» и проч.

15-е. Скука страшная: во весь день ни кого, кромѣ домашнихъ! Подъ вечеръ тѣ же Харьковскіе студенты: бѣдная находка! Стужа та же, и носу выставить на дворъ нельзя. Виватъ сельскія удовольствія! Обманъ людской! Ими пользуется лишь тотъ, кто страстенъ къ работамъ хлѣбопашца, или изъ корысти занимается ими точно такъ, какъ охотникъ до театра не скучаетъ никогда на сценѣ, писатель не выходитъ изъ кабинета, сибаритъ пролежитъ весь день на диванѣ; но кто въ деревнѣ не занимается хозяйствовъ, или по охотѣ, или по расчету, тотъ долженъ непремѣнно переносить въ нее суеты городской жизни: иначе онъ умретъ съ тоски. Такъ точно и наши Московскіе богачи думаютъ, будто они съѣзжаютъ въ деревню тогда, какъ перевезутъ ихъ со всѣми ихъ прихотями, за нѣсколько верстъ отъ столицы. Пустое! Они Московской же жизнію пользуются, да не въ Москвѣ, а на мызѣ, посреди роскошныхъ Армидиныхъ садовъ, подъ шумомъ искуственныхъ фонтановъ, и, обманывая себя, мечтаютъ, что они въ деревнѣ. Пускай заѣдутъ въ степную и посмотрятъ на воловъ орющихъ—запоютъ другую пѣсню: исчезнутъ сюрпризы, водевили, проверби, и скука ихъ замучитъ.

16-е. Сегодни день рожденія жены моей. День пріятнѣйшій для моего сердца, но ознаменованный горестнымъ искушеніемъ. Нѣкогда сатана, во образѣ Левита, вошелъ сегодни ко мнѣ на пиршество, кинулъ мнѣ камень въ ноги, я споткнулся, и судьба моя перевернулась: пошли сопровождать одна бѣда другую. Но поелику Божіе было на то соизволеніе, то и вѣрю, что все, случившееся со мною, отъ дня того, и потомъ, было къ лучшему. * Худое торжество имянинное въ деревнѣ пустой и въ не-

* Намекъ на причину потери сочинителемъ мѣста Губернаторскаго во Владимірѣ. См. разсказъ о томъ М. А. Дмитріева, въ его: «Князь Иванъ Михайловичь Долгорукой и его сочиненія.» Изд. 2-е. М. 1863, стр. 99—104. О. Б.

настье! Я отслушалъ Обѣдню въ селѣ. Спасибо причту: я долженъ о немъ доброе слово молвить. Днемъ опять, противъ обыкновенія моего, спалъ часа съ два, точно отъ скуки. Вечеромъ, съ двумя Болховскими барынями и съ хозяйкой, игралъ въ бостонъ, и изъ малаго моего запаса денегъ на дорогу отдалъ имъ 18 руб. Тугому кошельку вздоръ, а моему важной ущербъ.

17-е. День воскресной! Я съ меньшею дочерью, которая всѣхъ ранѣе встаетъ въ семьѣ, отправился, въ каретѣ по городскому, въ мужской Тихвинской монастырь, что подъ Болховомъ къ Обѣдни. Обитель заштатная, но богата. Чудотворной образъ Тихвинской Богоматери привлекаетъ сюда множество поклонниковъ, всѣ почти граждане города здѣсь слушаютъ Обѣдню въ праздники. Управляетъ монастыремъ Игуменъ, братіи очень мало. Въ храмахъ большая нечистота: грачи, подъ куполомъ соборной церкви, летаютъ свободно, какъ въ рощи, и крикъ ихъ заглушаетъ иногда голосъ Діакона. Образъ Тихвинской, къ которому прикладывался, есть списокъ съ настоящаго, и стоитъ на его мѣстѣ подъ балдахиномъ, раззолоченнымъ со всѣхъ сторонъ, а настоящій тогда куда-то отнесли на богомолье. Письмо прекраснѣйшее. Я въ иконахъ Дѣвы еще не видывалъ такого совершеннаго пригожства въ чертахъ. Кто не знаетъ, что чудотворные наши образа по большой части славятся письмомъ старинымъ; ни въ чемъ нѣтъ пропорціи: чѣмъ безобразнѣе письмо, тѣмъ и поклонниковъ больше. Здѣсь напротивъ: ликъ Владычицы наполненъ пріятностей красоты человѣческой. Сказывали мнѣ, что сію икону писалъ живописецъ Болховской. Судя, по образу, о его талантѣ, жаль, что онъ не учился въ Академіи. Предъ симъ образомъ поется по Воскресеньямъ соборной молебенъ: я его не дождался. Обѣдня идетъ хорошо, и отправляется по образу извѣстнѣйшихъ пустынь въ Арзамасѣ. Начинается поздо, поется долго, всякой день бываетъ три Обѣдни: ранняя въ 6, вторая въ 9, а третья въ 10 часовъ. Соборъ старинаго вкуса, а новая церковь въ послѣднемъ и въ два этажа на сквозь; чего я ни въ какой церкви не терплю, это истукановъ, представляющихъ Христа то въ темницѣ, то на крестѣ, и въ разныхъ страдательныхъ положеніяхъ. Здѣсь есть точно такихъ же два, и отъ пояса до подошвы на нихъ висятъ фартуки. Подъ образомъ это была бы пелена, но у статуи это какъ юбка. Я не понимаю, какъ до сихъ

поръ не запретятъ такого глупаго обычая, который сближаетъ насъ со временемъ идолопоклонства. По моему, такія произведенія рѣзца не что иное, какъ кумиръ. Соглашаясь на одну живопись въ храмѣ, я все бы рѣзное отмѣнилъ касательно иконъ. Но у насъ умныя головы кинулись въ мистику, и между тѣмъ, какъ они проповѣдуютъ метафизическія свои бредни, простой народъ боготворитъ кумиръ, и вѣра его есть невѣжественное суевѣріе: такъ валялись Израильтяне предъ златымъ тельцомъ въ Хоривѣ.

Положеніе монастыря красиво: онъ на горѣ. Съ колокольни весь городъ видѣнъ. А Болховъ издали—картина; городъ разбросанъ по буграмъ и весь въ садахъ. Въ немъ 11 тысячъ душъ, населенныхъ безъ тѣсноты, на обширномъ пространствѣ. Болѣе всего удивило меня въ немъ то, что конечно четыре пятыхъ частей населенія составляетъ женской полъ. На каждаго мущину можно счесть по нѣскольку женщинъ. Естьли не Религія, то натура, конечно, присудила этотъ городъ слѣдовать правилу Магометанъ и соблазняться многоженствомъ.

При томъ монастырѣ, о которомъ упомянуто, я видѣлъ гробъ Князя Юрія Николаевича Трубецкаго; вспомнилъ, поклонясь ему, мою сумасбродную поѣздку въ Нарву въ 85 году, и его ласковое угощеніе. У хозяйки моей тѣ же были гостьи, что на канунѣ: опять бостонъ! Опять я проигралъ 15 руб. Горе моимъ финансамъ! Въ вечеру стало тепло, а я, какъ голодной кидается на обжорное блюдо, весь остатокъ дня просидѣлъ на крыльцѣ, любуясь на природу и оживотворенъ лучами солнца. Нѣтъ восторговъ равныхъ тѣмъ, какіе мы ощущаемъ, подъ открытымъ небомъ, въ ясную и теплую погоду.

18-е. День рожденія меньшей дочери моей: хотѣлось къ Обѣдни, но когда въ Понедѣльники онѣ поются? Особенно въ селахъ, не смотря на то, что постъ, всѣ дни равны для духовенства, въ смыслѣ супружескихъ обязательствъ. Бѣдные люди наши Левиты въ этомъ разумѣ, хотятъ, или нѣтъ, а только тогда пользуются правами Гименея, когда уставомъ дозволено. Все утро я маралъ бумагу. О! мнѣ за этѣмъ упражненіемъ никогда не скучно. Сулили намъ, въ Болховскомъ Училищѣ, для разсѣянія, экзаменъ; ждали и Плещеева, какъ Почетнаго Смотрителя, но жена его, будучи при смерти, не допустила сего приключенія.

Безъ него Учители осиротѣли и экзаменъ не состоялся. Вмѣсто сей суеты была въ Болховѣ другая. Фельдмаршалъ, Князь Барклай, проскакалъ, въ 2 часа по полудни, въ Козельскъ, осматривать полки своей арміи. Пыль столбомъ отъ побѣдоносной его колесницы крутилась по дорогѣ, до предѣловъ нашихъ убогихъ хижинъ, и мы по вихрю узнали, что герой летитъ на подвигъ. Какъ пыль улеглась, я пошелъ пѣшкомъ и, считая шаги, дошелъ почти до города. Вечеръ просидѣлъ долготерпѣньемъ (grande patience): по крайней мѣрѣ забавляетъ даромъ. Педагоги Болховскіе съ нами ужинали, и мы кончили день въ разныхъ фарсахъ, которые, утомя силы тѣлесныя, дали крѣпкой сонъ.

19-е. Отобѣдавши здѣсь поранѣе городскаго, а въ самую пору въ деревнѣ, т. е., въ полдни, распрощались и отправились къ Кологривому на перепутье ночевать, и доѣхали туда около 6 часовъ. Проѣзжая Болховъ, видѣли его и въ долготу и широту. Дорога и погода намъ благопріятствовала. Въ Паюсовѣ (деревня Кологриваго) я много ходилъ пѣшкомъ. Положеніе мѣста прекрасное, домикъ небольшой: нѣтъ въ немъ, какъ у Урусовой, ни залъ, ни пространныхъ анфиладовъ, въ которыхъ еще скучнѣе, когда мало въ нихъ людей, но свѣтлой и угодной флигелекъ, колонны не отнимаютъ солнца, оно всѣ окошки въ гости ходитъ, а подъ вечеръ это отмѣнно пріятно. Въ добавокъ хорошій ужинъ и покойной ночлегъ. Здѣсь насъ ожидала хозяйка дома одна. Племянникъ, проводя насъ къ матери своей, въ то же время уѣхалъ въ Москву, по своимъ нуждамъ. Здѣсь склеиваютъ полъ въ гостиной, а на время наслали просто доски, по которымъ ходя, надобно твердо знать правило равновѣсія, чтобъ ногъ не изуродовать. По этому случаю я отпустилъ хозяйкѣ слѣдующіе два стишка:

Вашъ полъ, какъ Крымской бродъ: ступя на половицу,
Такова дашь прыжка, что сломишь поясницу.

20-е. Пріѣхали обѣдать въ Орелъ. Ожидали удовольствія, нашли скуку, да и мрачную. Театра въ этотъ день не было. Я исходилъ весь городъ пѣшкомъ, ни кого не видалъ. Стараго знакомца, Тарара, не засталъ дома, Каменскаго такъ же, а бѣдной Плещеевъ лишился жены. Она сего дни, въ 7 часовъ вечера, скончалась. Картина смерти, такъ близко поднесенная моему взо-

ру, доставила мнѣ, и по воспоминаніямъ, собственно къ себѣ относимымъ, и по размышленіямъ стороннимъ, весьма унылой вечеръ. И я также овдовѣлъ нѣкогда. Ужасная минута! Я былъ весь въ Плещеевѣ: то же почти число дѣтей и сиротъ, и состояніе разстроенное, все это живо мнѣ напомнило 1804 годъ. Вотъ и Плещеева, сіе дитя, родившееся, по видимому, для блаженства, балованное отцомъ и матерью, дочь знаменитаго человѣка въ Россіи, отродье Чернышовыхъ, объѣхавшая всю Италію и Германію, обогащенная науками, искуствами, умомъ и всѣми дарами природы, вотъ, по человѣческимъ расчетамъ, дѣтище слѣпой фортуны! Я ее видѣлъ младенцемъ на рукахъ отца и матери, обвороженныхъ ею въ преклонной старости: и сія-то счастливая женщина, проживши въ глухой деревнѣ женою Коллежскаго Ассесора Плещеева, почти все время своего супружества, близъ 17 лѣтъ, осужденная мучиться ревностью къ мужу моложе себя и не пригожей наружности, хотя умному и просвѣщенному, пріѣхала, наконецъ, куда же? Въ Орелъ, томиться недугомъ водяной, и умереть сухоткой, далеко отъ колыбели своей славы, отъ друзей, родныхъ, на чужихъ, такъ сказать, людяхъ, безъ инаго сожалѣнія, какъ то, которое намъ доставляетъ грубое человѣчество. О жизнь! О міръ! вмѣстилище суетъ и сѣтованій нашихъ! Жаль намъ тебя, хоть вѣримъ, что сладокъ сонъ отходящаго. Господи! Когда, въ непреложномъ твоемъ совѣтѣ, смерть есть неминуемый конецъ бытія нашего, то отжени отъ меня уныніе сего мучительнаго часа, и да услышу гласъ твой, когда призовешь меня, съ духомъ спокойнымъ въ мирной совѣсти! Съ симъ размышленіемъ я уснулъ, готовясь на завтра продолжать временное мое странствіе...

21-го. Съ утра нанялъ я лошадей до Нѣжина по 120 руб. на тройку, и ямщики попались тѣ же, которые довезли насъ до Орла изъ Москвы. Выпросивъ на передовую пару подорожную, заплатилъ пошлины—и ни одной лошади не дали: прекрасная контрибуція! У непр.... и у казны!.... видно—одна таблица, но это дѣло не новое. Нечего было иного дѣлать, какъ размѣстить поварню на прочія повозки и такъ ѣхать до Кромъ. Утромъ сбѣгалъ я навѣстить Плещеева: онъ съ дѣтьми перевезенъ былъ въ домъ къ Прокурору, увидѣлъ его и, конечно, ни кто болѣе меня не могъ въ немъ принять участія; ибо я былъ въ его положеніи, и зналъ, что въ немъ происходило... Оплакавши всю семью сиротъ, по

тому, что и самъ отецъ безъ жены своей становился сиротой, я пришелъ домой и сожалѣлъ о такомъ худомъ началѣ моего съ этѣмъ любезнымъ человѣкомъ знакомства. Богъ мнѣ приготовилъ въ Орлѣ неожиданныя слезы. Отобѣдавши и наскучивъ городомъ, мы отправились въ Кромы. Дороги хороши, жаръ утомительный. Лошади довезли насъ рано, но мы долго прослонялись по городу безъ ночлега, и хотѣли было его готовить въ каретѣ. Послалъ на удачу къ Городничему, и онъ мнѣ отвелъ квартиру у одного купца. Домишка тѣсной, каморка скверная, по обоямъ только можно назвать не избою... Хозяева и за то просили два цѣлковыхъ. На силу согласились на 4 руб., и мы тутъ не очень спокойно ночевали. Войска здѣсь нѣтъ, по улицамъ движенья мало, городъ—изъ послѣднихъ въ Россіи.

22-е. Здѣсь дали почтовыхъ, и моя передовая по прежнему поскакала въ Чувардино. Я узналъ, что тутъ живетъ помѣщикъ самой гостепріимной, Шиповъ. Онъ меня, 7 лѣтъ назадъ, подчивалъ у себя чаемъ. Всякое время переходчиво. Я и не смѣлъ рѣшительно прямо къ нему ѣхать, но Г. Шиповъ всѣмъ проѣзжимъ радъ, не по обстоятельствамъ и погодѣ, а по любезному свойству благосклонности, врожденной въ благородномъ его сердцѣ. Поѣхали мы въ Чувардино. Передовой встрѣтилъ меня съ тѣмъ, что Г. Шиповъ проситъ къ себѣ кушать. Для путешественника вездѣ нечаянность. Мы вошли къ Шипову, и нашли тутъ Графиню Кутайсову, которая самъ-четвертъ ѣдетъ изъ Парижа въ Питеръ къ мужу, и тутъ остановилась, пока лошадей мѣняли; разумѣется, для нея вездѣ есть почтовыя. Они вышли, а мы вошли. Хозяинъ крайне доволенъ, когда у него гости не перемежаются. Онъ насъ принялъ очень ласково. Далъ намъ прекрасной обѣдъ съ десертомъ и напоилъ меня славнымъ Донскимъ виномъ, какого я давно не отвѣдывалъ. Я нашелъ тутъ много новаго строенія. Шиповъ завелъ ресторацію для пріѣзжающихъ, и самъ ее содержитъ. Онъ насъ водилъ смотрѣть ее. Очень хорошие покои, кровати, чистое бѣлье, и все нужное въ дорогѣ, на образецъ описываемыхъ подобныхъ домовъ въ чужихъ краяхъ. Вы тутъ можете спросить чай, кофе, обѣдъ и ужинъ во всякое время, днемъ и ночью; все готово и за самую сходную цѣну. Помѣщикъ это завелъ не для прибытку, а изъ удовольствія быть полезнымъ. Какая благодѣтельная выдумка для до-

рожныхъ! Вотъ настоящее гостепріимство! Шиповъ извѣстенъ вездѣ по пути, и другого нѣтъ въ Россіи. Послѣ обѣда намъ заложили лошадей. Въ особенное достоинство должно и то поставить хозяину, что онъ ни кого не задерживаетъ, не дѣлаетъ насильства снисхожденію, радъ гостю, но отпускаетъ его, какъ скоро онъ захочетъ ѣхать, не докучливъ и бесѣдуетъ весьма пріятно. Домъ, услуга, все на лучшей ногѣ Московскихъ домовъ. Только что мы съ нимъ простились, и выѣхали изъ его усадьбы, поднялся вихрь, загремѣлъ громъ, скоро потомъ посыпался мелкой градъ и оросилъ поля крупной, проливной дождь. Здѣсь давно объ этомъ молились. Засуха губитъ яровое. Подъ тучею мы ѣхали съ часъ. Небо скоро прояснилось, вечеръ сдѣлался прекрасной. Мы доѣхали до Дмитровска, и успѣли по городу погулять. Мѣстечко не обширное, но хорошо расположено. По милости Городничаго, намъ отведена квартира у купца. Домъ каменной, въ два этажа, стѣны расписаны, есть эстампы отмѣнной работы. Хозяинъ вѣжливъ, и весь вечеръ мы съ нимъ о разныхъ любопытныхъ предметахъ здѣшняго края протолковали. Въ городѣ стоятъ кирасиры. Улицы нашли мы сухохоньки. Туча, которая намочила насъ, прошла стороною, не коснувшись города. Соборъ, который при мнѣ еще былъ въ лѣсахъ, назадъ 7 лѣтъ, совсѣмъ отстроенъ и очень украшаетъ площадь. Движенія больше, чѣмъ въ Кромахъ, и здѣсь можно безъ скуки дожидаться, пока выкормятъ лошадей. Домъ Графа Безбородька былъ запертъ: и онъ и садъ приходятъ въ ветхость. Наслѣдники, видно, не возжелали имъ пользоваться. Нѣкоторыя принадлежности этого дворца сломаны и свезены въ другое мѣсто. Потомки всегда оставляютъ въ запустѣніи мѣста, кои украшали предки. И они, со временемъ, обратятся въ предки! Пусть того же ожидаютъ отъ внучатъ своихъ, когда кладутъ основаніе своимъ зданіямъ.

23-е. Сегодни жена моя имянинница. Проснувшись, я крѣпко прижалъ ее къ сердцу. Совѣстно было дать за постой меньше 10 руб., но хозяинъ, имѣющій нарочитой торгъ пенькой, не хотѣлъ мнѣ уступить въ благородныхъ побужденіяхъ, и платы не принялъ. Мы обѣдали въ худой избенкѣ, которую зовутъ постоялымъ дворомъ, и за которую съемщикъ, Курской купецъ, платитъ богатой Княгинѣ Н. П. Голицыной по 600 руб. въ годъ аренды. Здѣсь начинаются ея маетности: по обѣ стороны, верстъ

на 10 проспекты показываютъ къ нимъ дорогу. При ея богатствѣ, можно бы и ей перенять у Шипова, и хоть получше построить покой для проѣзжихъ. Сколькими бы восклицаніями благодарности окупились ея издержки! Ночевать пріѣхали мы въ Сѣвскъ. Дорога сюда смѣшана съ пескомъ и не такъ уже легка. Въ Сѣвскѣ стоитъ Глуховской кирасирской полкъ. Мы, ѣхавши мимо какого-то сборища народнаго, слышали его трубы и музыку. Квартиру занялъ я у купца, въ каменномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, на большой улицѣ. Ночлегъ былъ довольно покоенъ. Я узналъ, что здѣшній Архіерей уволенъ: это мнѣ не помѣшало поранѣе лечь спать, чтобъ успѣть у него Обѣдню отслушать завтра.

24-го. Для Воскресенья и Иванова дня, Архіерей служилъ самъ Обѣдню на своемъ загородномъ подворьѣ. Отъ насъ до него было версты двѣ. Мы отправились часовъ въ 7 и застали уже Евангеліе. Онъ рано служитъ. Пѣвчіе его не только хорошо, но и роскошно, одѣты, а поютъ дурно. Самъ онъ далекъ отъ тѣхъ примѣрнымъ служителей своего сана, на коихъ онъ могъ насмотрѣться, обучавшись въ Лаврѣ. Служба его не нарядна, и не величественна. Архіерей не простой Попъ: онъ обязанъ непремѣнно окружить себя великолѣпіемъ и пышностію для предстоящихъ. Послѣ Обѣдни, въ которую замѣтилъ я, что уже его не величали ни Господиномъ, ни Орловскимъ и Сѣвскимъ, попросилъ онъ насъ къ себѣ, и мы зашли. Келья его очень хороша. Намъ подносили чай и кофей. Онъ намъ сказалъ о своей отставкѣ съ видомъ удовольствія, которое можетъ оказать человѣкъ долго служившій и отходящій на покой. Такъ ли чувствовалъ, не знаю: по крайней мѣрѣ, отставка его очень хороша: ему данъ монастырь, по его желанію и выбору, въ Орловской Епархіи, оставленъ при немъ того монастыря Архимандритъ, крайній его пріятель, и обоимъ пожалована пенсія: чего же больше для Архіерея, принужденнаго, какъ говорили еще въ Москвѣ, проситься на обѣщаніе, дабы спастись отъ кучи доносовъ на него, дошедшихъ до Синода? Къ особенной чести его отнести должно, что онъ раченіемъ своимъ устроилъ здѣсь прекраснѣйшее каменное зданіе, въ которомъ помѣщается Семинарія. Оно начато было въ прежнее мое путешествіе, а теперь я имѣлъ удовольствіе видѣть его въ совершенной отдѣлкѣ. Обѣдали мы въ городѣ, и прости-

лись съ Досиѳеемъ, котораго уже, думаю, нигдѣ не встрѣчу до дня вѣчнаго. Не успѣли мы очутиться на квартирѣ, какъ проскакала мимо насъ дорожная карета: въ ней сидѣлъ Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ; онъ ѣдетъ домой, въ Москву, изъ Парижа: узналъ жену мою въ окошкѣ, выскочилъ изъ кареты, зашелъ къ намъ: мы другъ другу сообщили наши взаимныя новости. Я проводилъ его до Городничаго дома, гдѣ онъ остановился отобѣдать и перемѣнить лошадей. Городничій былъ нѣкогда подъ его начальствомъ, и хотѣлъ ему принесть жертву благодарности. Двое мальчиковъ, изъ его семейства, встрѣтили Князя на лѣстницѣ и, шедши передъ нимъ, сыпали по пути полевые цвѣты изъ корзинокъ. Я, не хотя, улыбнулся. Тутъ, простившись съ Княземъ, воротился домой, отобѣдали и махнули ночевать за 40 верстъ отсюда. Хотѣли рано лечь спать, вмѣсто того легли поздо. Черезъ это селеніе, Толстодубье именуемое, проѣзжалъ Нефедьевъ, армейской Маіоръ, на своихъ лошадяхъ, и остановился на чистомъ полѣ кормить и ночевать. Я узналъ, что онъ братъ родной тому Нефедьеву, который служилъ при мнѣ въ Суздалѣ Исправникомъ, и ѣдетъ туда къ своему полку. Дѣло, стало быть, знакомое! Я его обласкалъ, зазвалъ къ себѣ, и съ женою: она изъ Полячекъ. Мы всѣ отужинали вмѣстѣ, и разошлись въ полночь, а въ дорогѣ это очень поздо. Квартира наша была пренегодная: сверчки и тараканы не дали покойно уснуть. Здѣсь начинается Малороссія и вольная продажа вина. Мы видѣли ее слѣдствія: вино дешево, день праздничной, всѣ пьяны, и мы нѣсколько дракъ своими людьми розняли. Въ Сѣвскѣ, говоря о винѣ, нашелъ я свой любимой напитокъ, Донское полынное красное вино, отмѣннаго вкуса, и запасся имъ на остальное время нашего путешествія.

25-го. Вскочили и поднялись ранѣе обыкновеннаго. Прибыли обѣдать въ Глуховъ; остановились въ трактирѣ: онъ очень хорошъ и покойно расположенъ, мебели довольно, все чисто и опрятно. Какое сокровище для странника въ пыли! Жаръ и сухота насъ замучили. Всѣ мы поѣли, и подремали въ Глуховѣ. Ни кого тутъ не видали, ни о чемъ не слыхали, и поѣхали далѣе. Ночевали въ большомъ селѣ Тулиголовъ. Здѣсь обитаютъ Козаки. Покойцы намъ отвели тѣсныя, но изрядныя. Началась Малороссія: другое нарѣчіе, другіе обычаи. Труднѣе всего достать

сливокъ; погребовъ нѣтъ; они скоро киснутъ. Я обрадовался проспектамъ, которые заведены бывъ еще, какъ думать должно по возрасту посаженныхъ деревъ, при Румянцевѣ, поддерживаются и нынѣшними властями. Я видѣлъ много подсадокъ. Слава Богу! Надобно путешествовать, чтобъ отдать полную справедливость сей, по видимому, ничтожной, но, по существу своему, весьма большой, пользѣ общей: лѣтомъ тѣнь, прохлада отъ зноя; богомолецъ пѣшій тутъ подъ ветлами приляжетъ и отдохнетъ; зимой убѣжище отъ мятелей и суровыхъ непогодъ. Хорошо бы и вездѣ завести такія аллеи, но мужикъ лѣнивъ, принуждать его станешь, пойдутъ доносы, наклеплютъ всякой всячины, и прослывешь, ни дай, ни вынеси за что, негодяемъ.

26-го. Обѣдали мы въ городѣ Уѣздномъ, Черниговской Губерніи, Королевцѣ. Дорога сюда песчана и очень утомительна, городъ ни на что не похожъ; всѣ хаты одна другой хуже. Вино продаютъ столовое, какого въ ротъ взять нельзя. Я заплатилъ за это познаніе 2 р. 50 к., купя бутылку самаго негоднаго напитку. При насъ еще поднялась гроза, но отдаленная, и такъ тревога наша была не велика, дождь шелъ мелкой, но не продолжительной, однако и тотъ надѣлалъ намъ много безпокойства. Отсюда до ночлега 19 верстъ, дорога болотистая и состоитъ вся почти изъ плотинъ и фашиннику. Дождь ихъ намочилъ, грязь мѣшала скоро ѣхать. Мы всю станцію почти забавлялись шагомъ: съ утра замучили пески сухіе, а къ вечеру гати топкія. Алтыновка—большое село, въ которое мы пріѣхали ночевать, въ самомъ грязномъ мѣстѣ. Священникъ, по фамиліи Вербицкой, изъ Шляхты: пустилъ насъ къ себѣ въ домъ: у него садъ и изрядное убѣжище; самъ онъ человѣкъ молодой, вѣжливой и разговорчивой: цѣлой вечеръ мы съ нимъ перебивали. Съ удивленіемъ слышалъ я здѣсь, что очень много Козаковъ, едва знающихъ грамотѣ, преимущественно предъ студентами Богословіи, ставятся въ Дьяконы, и даже въ Попы, изъ уваженія мѣстнаго Владыки къ ходатайству помѣщиковъ, кои сами иногда не знаютъ, о чемъ просятъ, и Владыка не стыдится столь предосудительно угождать имъ. Снаровка дѣло хорошее, но надобно и ей знать мѣру, а на всякаго неуча надѣвать стихарь можно, да не должно и не хорошо: это унижаетъ духовной чинъ, соблазняетъ вѣрующихъ и въ оскорбленіе превращается ученымъ людямъ.

27-го. Хозяинъ нашъ Левитъ доброй и почтенной. Окрестилъ при насъ въ покояхъ своихъ новорожденнаго младенца мужеска пола, и нарекъ его Давидомъ. Для дѣтей моихъ сіе представило новое зрѣлище; они не имѣли понятія о томъ, что мы называемъ обливанцы: во всей Малороссіи иначе не крестятся. Богъ разсудитъ, чей образъ видимой заповѣданнаго крещенія лучше—ихъ, или нашъ. По совершеніи сего Таинства, мы поѣхали, и обѣдъ нашъ приготовленъ былъ въ Батуринѣ. Дорога не дальняя, но песчана, и очень тяжко бѣжать лошадямъ. Я выходилъ изъ терпѣнія, и часто, не смотря на жаръ, бродилъ пѣшкомъ безпрестанно, благодаря здѣшнее начальство за проспекты. Я между тѣнистыхъ деревъ проходилъ часто нѣсколько верстъ, гораздо пріятнѣе, нежели на пыльномъ Московскомъ бульварѣ. Батуринъ— мѣстечко не важное; одинъ дворецъ Графа Разумовскаго его краситъ. Мы не могли гроба его видѣть: церковь заперта, Попы въ разбродѣ. Квартира наша была не хороша, но три часа и во всякой просидишь. Другое дѣло ночлегъ. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну въ звонкой монетѣ: серебро ниже мѣди; за мѣдныя деньги за 15 к. такой купишь хлѣбъ, котораго менѣе 20 к. не отдадутъ на серебро. Потеря большая для путешествующихъ, особливо для низкаго рода людей. Пѣшеходцы по большой части богомолки, толку не найдутъ въ расчетѣ; между ими повстрѣчалъ я тутъ двухъ Владимірскихъ мѣщанокъ изъ Переславля, которымъ обрадовался, какъ роднымъ: такъ-то сильно дѣйствуетъ на насъ привычка! Я нѣкогда былъ въ ихъ краю начальникомъ. Проѣзжая изъ Батурина до Борзны, видѣлъ я, въ 12 верстахъ, какіе-то курганы, но не у кого спросить, что они напоминаютъ; думаю, что это какой ни будь монументъ убійствъ и вмѣстилище костей храбрыхъ чадъ Беллоны. Гдѣ и кто не дрался въ Россіи? Вездѣ ходитъ плугъ по трупамъ человѣческимъ. Между тѣмъ настигла насъ ужасная туча, громъ гремѣлъ далеко, но молніи путь намъ озаряли, потекли воды небесныя, солнце спряталось, и мы въ непріятныхъ сумеркахъ достигли до Борзны. И Борзна городъ! а ни чего не сыщешь: ни хлѣба, ни свѣжаго молока, ни доброй рюмки вина. Здѣсь поставленъ Литовской драгунской полкъ, всѣ домы заняты постоемъ. Намъ отвели самую дрянную хату, и Православный ея хозяинъ не постыдился взять за ночлегъ 5 руб. Жиды даже дивились этой дороговизнѣ; сыту можно быть всѣмъ, но со вкусомъ здѣсь ни чего не скушаешь.

28-го. Изъ Борзны отправились мы на послѣднюю станцію, до мѣста нашего пребыванія. Пока запрягали, я сводилъ дочерей посмотрѣть, какъ Жиды молятся. Ихъ здѣсь уже есть душъ съ 20. Доѣхали мы до Комаровки, гдѣ ждалъ насъ человѣкъ отъ сестры. Передовой мой имѣлъ отъ меня письмо къ ней, которое съ нимъ и отправлено. Я просилъ о присылкѣ за нами подводъ. Тутъ пристали мы у Г. Коницкаго (Конискаго), знакомца моего зятя, которой принялъ насъ въ своемъ домѣ весьма ласково. У нихъ гостилъ какой-то ихъ пріятель съ женою, отставной морской Офицеръ. Всего за столъ сѣло насъ, мужеска и женска половъ, 9 человѣкъ; мы скоро между собой ознакомились. Морякъ занялъ меня своимъ разговоромъ; онъ охотникъ политиковать, и какъ у всякаго есть какая ни будь своя привычка, то мнѣ полюбилось въ немъ, что онъ все начнетъ системой, и кончитъ доводомъ, а иногда отдалится такъ отъ перваго члена матеріи, что зайдетъ и самъ въ лабиринтъ доказательствъ, не доказывая еще ни чего; изъясняется піитически, волшебною кистію описываетъ предметы и миѳологически толкуетъ о вещахъ весьма простыхъ. Я съ нимъ безъ скуки просидѣлъ тутъ часа три, и онъ очень меня занялъ. Молоденькая бабочка побренчала на гитарѣ, пропѣла намъ нѣсколько Польскихъ пѣсенъ; все сіе для ушей нашихъ было ново, слѣдовательно, и заманчиво. Но не вѣкъ жить въ Комаровкѣ, думалъ я, пора ѣхать, а какъ? Богъ знаетъ. Подводъ я ожидать скоро не могъ отъ сестры, а Петровъ день хотѣлось уже быть на мѣстѣ. Почтовыхъ, во всякое другое время, панъ, угощающій насъ, могъ бы намъ согнать и доставить, но на ту пору 50 лошадей ожидали Графа Витгенштейна, который здѣсь долженъ былъ проѣхать; совѣстно было роптать. Витгенштейнъ заслужилъ, чтобъ все для него было въ Россіи готово, хотя бы съ безпокойствомъ многихъ частныхъ лицъ. Оставалось одно средство—обратиться къ ямщикамъ нашимъ; расплатясь съ ними, я имъ далъ 10 руб. на водку. Они были мною очень довольны, и, вмѣсто того, чтобъ ити въ Нѣжинъ искать работы порожнякомъ, они согласились своротить въ сторону и довезти насъ къ Селецкимъ, изъ одного корму лошадямъ. И такъ запрягли ихъ опять. Мы съ нашей компаніей распрощались и поѣхали въ Дѣвицы: отсюда до этого мѣстечка 25 верстъ. Дорогой мы проѣхали два

большія села: Британовку, * гдѣ встрѣтилъ насъ большой, но не продолжительной, дождикъ, и Колодькову, ** гдѣ самъ панъ Самуйловичъ жить изволитъ, и за тѣмъ, наконецъ, прибыли въ селеніе, или мѣстечко, моего зятя. Тутъ сестра съ сыномъ ожидали насъ на крыльцѣ, и всѣ мы перецѣловались отъ чистаго сердца: подали намъ тотчасъ чаю, ягодъ, зять напоилъ хорошимъ виномъ. Расположились мы на житье до Сентября въ ихъ домѣ, и, благодаря Бога, кончили преднамѣренное путешествіе сюда благополучно. Ямщиковъ напоили, скотъ ихъ накормили. Я имъ еще прикинулъ 10 руб. на водку, и они поѣхали въ Нѣжинъ, 40 верстъ отсюда. Я имъ очень благодаренъ. Естьли бъ они заупрямились, мы бы, за рабочей порой, не прежде подводы получили, какъ на завтра, т. е., въ Петровъ день, а сутки прожить въ Комаровкѣ, сколько ни любезенъ систематической съ доводами Г. мореходецъ, показалось бы очень тягостно, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ родныхъ, и все еще въ разлукѣ съ ними.

29-го. Съ какимъ удовольствіемъ я началъ нынѣшній день въ храмѣ Господнемъ, принося молитвы о сынѣ моемъ первенцѣ, которой сегодни имянинникъ. Здѣшній Священникъ—братъ родной Астраханскаго Губернатора; онъ постарался показать намъ Богослуженіе во всемъ Малороссійскомъ обрядѣ, которое, хотя въ бездѣлицахъ, но имѣетъ различіе съ Великороссійскимъ. Весь день потомъ провели мы въ семейныхъ довѣренностяхъ: давно не видавшись, было о чемъ поговорить. Дѣвицы—мѣстечко большое, принадлежащее нѣсколькимъ панамъ. Самой главной по имѣнію нѣкто Романовскій, ябедникъ жестокой, съ которымъ зять мой нѣсколько уже лѣтъ тягается; безконечно оба тратятъ деньги; но Романовскій всегда въ выигрышѣ, по тому что связь родства съ большой особой у Двора даетъ ему сильную протекцію. Подъ нимъ первой панъ зять мой, а тамъ еще нѣсколько дробныхъ. У Селецкаго здѣсь винокурня, садъ, изобильный плодами, и всякое довольство, луга обширные, орошаемые прекрасною Десною: рѣка широкая и какой я не видалъ еще во всю

* Или Британы, при урочищѣ Стадницѣ, въ 27 в. отъ Борзны, съ 141 дв. за 1000 д. населенія и 1 церковью. О. Б.

** Собственно Кладьковка, при р. Деснѣ, въ 36 в. отъ Борзны, съ 255 дв. за 1500 д. населенія, 2 церквами и винокуреннымъ заводомъ. О. Б.

мою дорогу, имя ея славно съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина сѣла въ Кіевѣ на суда, сплавленныя по ней въ Днѣпръ, для ея водной прогулки. Я смотрѣлъ на нее съ чувствительнымъ удовольствіемъ, и ощутилъ, что есть еще предметы въ свѣтѣ, способные вывести мое воображеніе изъ его усыпленія. Посѣтителей у насъ сего дни не было, но гдѣ свобода и пріязнь, тамъ часовъ не считаемъ, и сутки летятъ, какъ молнія.

30-го. Движеніе кареты моей кончилось: она въ сараѣ, а я на одномъ мѣстѣ и въ деревнѣ. Театръ природы все одинъ и тотъ же, разнообразіе въ предметахъ изчезло, разсказывать нечего. И такъ станемъ рассуждать о положеніи настоящаго нашего жительства. Пусть каждая строка напоминаетъ мнѣ со временемъ мѣста, въ кои я, оставя однихъ родныхъ далеко за собой, пріѣхалъ искать другихъ, въ сторонѣ, для меня совсѣмъ чужой, но по нихъ только любезной.

Дѣвицы—мѣсто большое, на которомъ поселено до 1000 душъ слишкомъ; въ старину жили тутъ все Козаки, и здѣсь ихъ Сотенной дистриктъ или округъ находился; * изъ сихъ душъ большая часть принадлежитъ Романовскому. Три церкви деревянныя, всѣ одной фасадой выстроенныя, о трехъ главахъ рядомъ, средняя выше двухъ прочихъ, и всѣ покрыты бѣлымъ желѣзомъ. Очень близко отсюда протекаетъ Десна. Я зачалъ мои вечернія прогулки по берегамъ ея, и мечтаю... Къ несчастію, не могу равновѣсія учредить въ моихъ упражненіяхъ, все пишу, а читать не-

* Солтыкова Дѣвица, при р. Деснѣ и Дѣвицѣ, въ 36 в. отъ Чернигова. Это мѣстечко, въ 177 (по другимъ свѣдѣніямъ въ 225) дв. или около 1500 д. населенія, съ 2 церквами, 2 ярмарками и базарами. Мѣстъ съ симъ названіемъ нѣсколько: есть село Володькова Дѣвица, по Кіевскому почтовому тракту изъ Козельца въ Нѣжинъ, между мѣстечкомъ Носовкой и Нѣжинымъ, при рѣчкѣ Новый Потокъ, въ 14 в. отъ Нѣжина, съ 2 церквами, и станціей, ярмаркою (24 Іюня) и пр.; кромѣ того двѣ Дѣвицы въ Полтавской Губерніи, Прилуцкаго Уѣзда: Великая и Малая Дѣвицы. Солтыкова Дѣвица, по словамъ однихъ, такъ названа по какому-то Солтыку, Польскому пану, а по другимъ по Солтыковымъ, Русскимъ выходцамъ въ XVII столѣтіи (Павлу и Василю), получившимъ ее отъ Поляковъ во владѣніе. Первоначально мѣстечко это находилось въ 3 верстахъ отъ нынѣшняго; въ 1663 г. оно, за сопротивленіе Польскому войску, было до конца разорено, а жители истреблены (около 10,000). При Гетманахъ было сотеннымъ городомъ Нѣжинскаго полка.

чего; причина этому естественна: для письма мнѣ ни чего не надо, кромѣ собственной своей мысли; она всегда готова къ услугамъ моимъ, а для чтенія мнѣ надобны чужіе мозги, чужія сочиненія. Здѣсь ихъ нѣтъ! И такъ одно перо почти до вечера не выходитъ изъ рукъ моихъ. Почта принесла мнѣ много писемъ и нѣсколько листовъ 3-го изданія моихъ сочиненій. Я все это пересмотрѣлъ и прочелъ въ минуту, и опять читать нечего. Наѣхали Черниговскія сосѣдки, коихъ родственники живали со мною во Владимірѣ и мнѣ знакомы. Я увидѣлъ одну барышню, выпущенную, нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ Института: она во Владимірѣ украшала балы и отличалась въ танцахъ, теперь живетъ въ деревнѣ у 30 душъ самъ-пятъ съ сестрами, и братомъ, и всѣ искуства пропали: вмѣсто Козачка занимается приспѣшной, и поетъ отъ скуки. Глядя на нее, я подумалъ: на что бѣдныхъ дѣвушекъ обучаютъ разнымъ роскошнымъ художествамъ, когда ни состояніе ихъ, ни отношеніе, не готовятъ къ той жизни, въ которой столь пріятны преимущества тонкаго вкуса? Не убійство ли такое воспитаніе? Оно пріучаетъ только къ несчастію чувствовать свое превосходство предъ тѣми, съ кѣмъ осуждены жить, познаютъ только неравенство состояній и зло, на нихъ падающее? Не лучше ли ихъ пріучить управлять вертеномъ, шить въ пяльцахъ? Музыка для нихъ заповѣдной товаръ: имъ негдѣ клавикордъ взять; танцы—пустота; не во что одѣться, не куда ѣхать, не съ кѣмъ пропрыгать, и сколько такихъ жертвъ показываютъ намъ ежегодно въ столичныхъ Институтахъ! Я всегда тужилъ объ нихъ, и дивлюсь, что до сихъ поръ тиранятъ нашихъ бѣдныхъ дочерей ознакомливая ихъ съ такими наслажденіями, коихъ онѣ, по роду жизни, имъ обстоятельствами предназначенному, нигдѣ не найдутъ. Одна, можетъ быть, выскочитъ сегодни замужъ, а сотни ихъ помрутъ въ тоскливой молодости. Разбери хорошенько всѣ наши учрежденія: вездѣ тщеславіе, ни гдѣ пользы!

Іюля 1-го. Я вижу съ утра до вечера движущихся воловъ, пустыя хаты подъ соломой и лѣнивыхъ Хохловъ, возбуждаемыхъ къ дѣятельности плеткой. Ими обработываются пространныя нивы, скашиваются луга необозримые; природа здѣсь плодоносна; Малороссія изобилуетъ хлѣбомъ; жгутъ его по винокурнямъ и горѣлкой устроиваютъ свое состояніе. Натура всему дала основу; всѣми необходимостями человѣка снабдила, но какого человѣка? При-

роднаго! А гдѣ онъ на шару земномъ? Нигдѣ! Всякой человѣкъ нынѣшняго времени есть животное общественное, а не дикое, по лѣсамъ блуждающее, ищущее пищи своей въ оврагахъ; для общественнаго гостя, каковъ нашъ человѣкъ, мало натуры одной; надобно искуство; для искуства необходима роскошь; она, кто что ни говори,—краса жизни, душа міра; безъ нея не было бы ни чего, кромѣ степей и лѣсовъ пустынныхъ. Естьли строгіе послѣдователи чистыхъ нравовъ и вооружаются противъ нея—они въ ошибкѣ: не роскошь вредна, а чрезвычайность. Мы во всемъ видимъ грѣхъ злоупотребленія; но искуство и роскошь, съ приличной тому и другой мѣрою, не только не вредно, но, смѣю сказать, даже и полезно. Само Божество, наградивъ человѣка разумомъ и, поставя его выше всей прочей твари, указало ему способъ доходить до усовершенствованія природы посредствомъ искуства. Что бы сталъ дѣлать человѣкъ, когда бы все для него родилось готово? Этотъ автоматъ не сталъ бы трудиться, и уподобился бы скотамъ несмысленнымъ, которые ни чего не умѣютъ обработать; слѣдовательно, самое побужденіе къ наслажденіямъ умѣреннымъ, но отборнымъ, которое человѣкъ образованный въ себѣ находитъ, есть доказательство, что Всевышній, давъ ему натуру, какъ первый матеріялъ, требуетъ отъ него, чтобъ онъ придумывалъ трудомъ способы украсить грубую натуру, сдѣлать ее для себя не только полезной, но и пріятной. Натура сотворила вола, но безъ искуства мы бы его не заставили плугъ возить и раздирать утробу земли, не съѣли бы бѣлаго калача. Натура дала жизнь овцамъ и украсила ихъ шеи волною, но безъ искуства мы бы не имѣли вигоня, казимира и тонкихъ суконъ для кафтана. Натура покрыла землю льномъ, но искуство одѣло нашихъ женъ и дочерей въ тѣ прелестныя въ холщовыя ткани, которыя подъ разными наименованіями такъ щеголевато ихъ украшаютъ. Я вижу большой садъ, усѣянный цвѣтами, отѣненный плодовитыми деревьями; природа все это произвела и испестрила; но безъ садовника я не съѣмъ хорошаго плода, не прогуляюсь по гладкой тропѣ въ тонкой обуви, не произведу изъ дикаго абрикоса такого, какимъ пресыщается богатой владѣлецъ огромной оранжереи; сорву землянику, но не ту сочную и крупную, какою зарасли гряды подъ Москвой у всякаго огородника; нарву множество красивыхъ цвѣ-

товъ, но что они въ сравненіи съ садовыми цвѣтниками Петербургскихъ дачъ! Все, все есть въ натурѣ, но придай ей искуство, и міръ простой, которой въ мигъ пряглидится, сдѣлается міромъ волшебнымъ, котораго прелести, мѣняясь поминутно, никогда не увядаютъ. Такъ размышлялъ я, сидя на крыльцѣ и смотря на здѣшнія равнины. И такъ помиримся съ роскошью, но не теряя мѣры, и увѣримся, что природы нагой, для человѣка одѣтаго, обутаго, обработаннаго воспитаніемъ, не довольно; но что на сей основѣ разводя искуственные узоры, можно, во ожиданіи царства небеснаго, которое обѣщалъ намъ Творецъ за добрыя дѣла души, можно, по Его же всещедрой къ намъ милости создать и для тѣлесъ нашихъ изрядной раекъ въ вещественномъ мірѣ.

2-го Іюля. Здѣсь, подъ именемъ сада, огорожено стѣной деревянной, въ кирпичныхъ столпахъ, большое пространство земли, на которой, среди многочисленныхъ грядъ, кои составляютъ богатой, по нашему, огородъ или травникъ, растутъ плодовитыя деревья, какъ-то: яблони, груша, сливы, орѣхи, бергамоты и вишни; деревья покрыты плодами, но все это еще не поспѣло; ибо натура скачковъ не любитъ и наблюдаетъ въ своихъ трудахъ постепенность. Всѣ эти плоды созрѣваютъ въ Августѣ, но тогда здѣшній помѣщикъ уже отъѣзжаетъ въ Кіевскую свою деревню, въ которую къ нему фрукты повезутъ и половину сгноятъ; слѣдовательно, онъ такъ же яблоко и грушу свою съѣстъ не во время, какъ и Московской житель кушаетъ Лисабонской апельсинъ, купя его у Троицы подъ горой. И вотъ какая разница между тѣмъ, кто имѣетъ, и тѣмъ, кто наслаждается. Все, что здѣсь созрѣваетъ на воздухѣ, считается во владѣніи безспорномъ моего зятя. Я его съ этимъ и поздравляю. Но мы еще видимъ зеленые фрукты на деревьяхъ, а кушать ихъ станемъ, Богъ знаетъ, когда; между тѣмъ какъ я, не владѣя ни однимъ плодовитымъ деревомъ, давно уже, по милости безчисленныхъ оранжерей чужихъ, насладился всѣмъ тѣмъ въ Москвѣ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ прежде осени на столъ не подадутъ. Правильно сказалъ Фигаро: «Posseder est peu de chose, mais c' est jouer qui rend heureux.» Оранжерей здѣсь нѣтъ; все, что ни заводится въ Малороссіи, имѣетъ цѣлію одинъ прибытокъ. Дрова нужны для курки горѣлки, а фруктовъ продавать некому; и по

тому нѣтъ ничего искуственнаго. Хохолъ живетъ по натурѣ, и ждетъ благъ своихъ отъ нея, не стараясь ни улучшить ихъ, ни ускорить. Разумѣется, что по симъ садамъ и прогуляться негдѣ; ибо деревья растутъ на свободѣ; ни кто ихъ не подстригаетъ; дорожки проростаютъ травой по поясъ; сучья лѣзутъ въ глаза; надобно добираться до плодовъ и ягодъ, нагнувшись, чтобъ глазъ не попортить. Это, по моему, и не прогулка. О, счастливые жители Москвы! Вашъ климатъ хуже здѣшняго: но какъ затопятъ всѣ ваши оранжереи хорошими сосновыми плахами, то не успѣетъ еще солнышко здѣсь приняться за свою работу, а у васъ, не успѣетъ снѣгъ сойти съ лица земли, какъ ужь вы ананасами, персиками и сосѣдей подчиваете, и сами безбѣдно питаетесь: и пусть послѣ этого бранятъ роскошь!

Іюля 3-го. Сегодни мы ѣздили за 6 верстъ отъ села, смотрѣть зятнинова хутора: такъ называется большое поле, по которому разсажено множество плодовитыхъ деревъ, и по тому величается титломъ сада. Тутъ содержится рогатой скотъ помѣщичій; стада его коровъ, табуны лошадей и свиньи—первой доходъ поселянина. Здѣсь этотъ поганой скотъ въ большой чести. Тутъ между кустовъ малины и черники, подъ сѣнью деревъ съ грушами и бергамотами, сплотили намъ столъ изъ досокъ, и посадили на крестьянскія лавки, покрытыя коврами, подали намъ ягодъ, сливокъ, творогу, сметаны, чаю, и мы порядочно тутъ послужили чреву. Желалъ бы я заманить сюда нашихъ чувствительныхъ лириковъ, когда, въ минуту ихъ восторга, озаренные лучами блѣдной луны, зарябитъ у нихъ въ глазахъ, и они вымышляютъ своихъ Филомелъ и Тирсисовъ: то-то бы наслали въ книжныя лавки Идиллій и Эклогъ! Когда я думаю объ нашихъ модныхъ Геснеражъ, Виргиліяхъ и Делиляхъ, побочныхъ сынкахъ Юнга и Радклифши, сочетавшихся узами таинственнаго супружества въ храмѣ меланхоліи, рукою чернокнижника Циммермана, я всегда вспомню свои стишонки въ «Сумеркахъ»:

Пріѣхалъ! Что нашелъ? Пастухъ мой, какъ пастухъ,
Арапникомъ овецъ претолстымъ погоняетъ,
Стрижетъ ихъ безъ пощадъ, и грамотѣ не знаетъ,
И, вмѣсто миртовъ, ахъ! какой прескверной духъ!

Не такъ ли? Право такъ! Пріятно ѣсть плоды, видѣть солнце

чистое, небо безоблачное, природу во всей ея красѣ и великолѣпіи. Кто споритъ? Это праздникъ въ суровомъ нашемъ климатѣ, и тѣмъ торжественнѣе, что мы рѣдко имъ наслаждаемся. Но развѣ не тѣ же садовыя деревья и зелень на лугахъ мы видимъ вокругъ Москвы, въ Останькинѣ, Кусковѣ и прочихъ богатѣйшихъ садахъ нашихъ Бояръ? Или тамошнія произрастенія наслѣплены изъ воску, какъ херувимы на вербахъ рукою праздныхъ монашенокъ? Или тамошнія кудрявыя деревья, наполняющія Англійскіе сады, сбиты изъ глины, какъ куклы, которыми гончаръ тѣшитъ дѣтей, сидя на прилавкѣ у Курятныхъ Воротъ? Напрасно! Все тоже; но какая разнота! Тамъ я хожу по дорогѣ ровной, чистой, не боюсь оступиться, разодрать подошвы объ сукъ огромнаго пня, который безъ чиновъ разложилъ свои мертвые корни на цѣлой сажени земли; иду плодъ сорвать, не боюсь роя пчелъ, которыя, оспаривая мнѣ свою добычу, слетаются сюда со всѣхъ ульевъ дѣлать свое дѣло и выдерживать со мной сраженье за каждую ягодку, которую я сорвать вздумаю. Здѣсь, напротивъ, я не доберусь до куста, малиноваго, до дерева съ черешней, не рыскуя подвергнуть себя различнымъ изможденіямъ плоти: густая трава путаетъ ноги мои по поясъ и отнимаетъ свободной шагъ; крапива наградитъ меня, отъ стопы ножныя и до голеней, тьмою волдырей и, пуще Шпанскихъ мухъ, подожжетъ всю кровь; комаръ и мошки руки искусаютъ немилосердно, и, наконецъ, для довершенія моего увѣчья, пчела кинется прямо въ лицо и такъ пугнетъ, что отступишься отъ плодовъ и тощь отвернешься отъ древъ этихъ райскихъ. Я, право не лгу. Какъ же можно смѣнить съ этѣми хуторами, съ этой природой безъ убранства, тѣ вертограды, ту природу великолѣпную, которой мы пользуемся въ большихъ нашихъ городахъ, гдѣ вкусъ утонченный, роскошь и художество все поставило въ симметрической и прямо волшебной станокъ, для очарованія всѣхъ чувствъ человѣческихъ! Малороссія—настоящая эпиграмма. У Хохла увидишь вымазанную хату, подъ которой надобно жить сгорбясь весь свой вѣкъ бѣдно, низко, дрянно; а подъ окномъ у него растетъ Грецкой орѣхъ, бергамотъ. Вѣдь, это настоящая проказа солнечныхъ, яркихъ лучей на его горизонтѣ! Что ему въ этомъ деревѣ радости? Онъ не разстается съ своими волами, и ему куча добраго навозу сто разъ нужнѣе нашихъ Шпанскихъ вишенъ. Какъ

ни разсуждай, вкусъ есть послѣднее чувство наше и болѣе прочихъ въ зависимости человѣка: онъ можетъ его удовлетворить, и отказать ему, по силамъ и средствамъ своимъ; прочія же чувства имѣютъ свою волю и дѣйствіе непринужденное. Можно не ѣсть свинаго сала, естьли оно противно; но какая радость терзать зубами бергамотъ самой сочной въ такой избѣ, гдѣ надоѣлъ сверчокъ и всякіе гады его сообщества; гдѣ зрѣніе ужасаетъ всякая нечистота хлѣвовъ и самаго жилища неопрятнаго хлѣбопашца; гдѣ, наконецъ, обоняніе отъ вони навоза, и хуже того, злостраждетъ? Тутъ и персикъ прозрачной, и груша духовая вывалятся изъ рукъ, и во всѣ ноги уйдешь. Лучше щипать щавель въ чистомъ полѣ, нежели, подъ тѣнью орѣшника, терпѣть такое полное усѣкновеніе всѣхъ органовъ тѣлесныхъ. Нѣтъ! нѣтъ! Я не партизанъ вашей нагой природы, вашихъ воздушныхъ плодовъ, вашихъ хижинъ уединенныхъ. Восхищайтесь въ нихъ, творцы Балладъ и постушескихъ пѣснопѣній, а я—вашъ слуга покорный! Бѣгу искать садовъ, каскады, оранжереи. Кричите, что у меня испорченъ вкусъ, что я падшій человѣкъ, что я недостойный сынъ природы: согласенъ, согласенъ, но только выпустите вонъ изъ хатъ, и позвольте бѣжать подальше отъ хуторовъ Хохлачьихъ.

Іюля 4. Сегодни я видѣлъ здѣшніе луга, орошенные Десною. Зять меня возилъ на свой сѣнокосъ: обширныя равнины, на конихъ, во все пространство горизонта, не увидишь бугорка; вся земля, какъ бы нарочно, планирована по ниткѣ, и на ней-то Десна, уподобляся Нилу въ Египтѣ, разливаетъ богатыя свои воды весною; луга, упитанные влагою ея и благотворнымъ отсѣдомъ, мгновенно почти въ одинъ мѣсяцъ порастаютъ травою, вышиной въ колѣно, и даютъ сѣно превосходной доброты, на здѣшніе конные заводы и конюшни. Воротясь съ этой прогулки, нашелъ дома я почту и газеты, навалился на то и на другое, и мигомъ обтекъ въ воображеніи моемъ всю вселенную: видѣлъ, что гдѣ происходитъ, и заморилъ этого червя, котораго мы зовемъ любопытство. Странное побужденіе въ человѣкѣ: онъ вѣчно хочетъ выйти изъ своей сферы и знать все, что въ мірѣ творится. Не гораздо ли ближе къ нему его домъ, семья, хозяйство, домашнія, сельскія упражненія всякаго рода? Не гораздо ли нужнѣе для него вѣдать, что около его происходитъ, продолжать слѣдствіе

5

хорошаго и предварять худое? но нѣтъ! Для него все это сухо. Онъ кидается во всѣ стороны свѣта, и часто занимается переворотами Европы тогда, какъ не видитъ, что дѣлается подъ носомъ; не умѣетъ прекратить иногда ничтожной домашней сплетни, и переносится мысленно въ Бразилію, и отгадывать хочетъ, чѣмъ кончатся тамошнія не устройства. О суета человѣческая! Скажу здѣсь два слова еще объ одномъ вечернемъ моемъ занятіи: сестра пріучила павлиновъ и журавлей подходить къ ней на крыльцо и ѣсть хлѣбъ изъ рукъ; я перенялъ уже это упражненіе: выхожу на крыльцо, скличу всѣхъ этѣхъ разнородныхъ птицъ, и кормлю ихъ. Мило видѣть, какъ павлинъ съ журавлемъ оспариваютъ брошенной имъ кусокъ хлѣба, какъ прочія павы ловятъ изъ за нихъ крошки, и какъ въ самыхъ птицахъ есть чиноначаліе: старой павлинъ гоняетъ прочь младшихъ, слѣпой журавль опереживаетъ маленькаго. И въ природѣ есть раздѣленіе состояній; она его учредила между безсловесными: чего же хотятъ безумные Португальцы?

Іюля 5. Я заплатилъ дань водѣ, климату и ягодамъ, и вытерпѣлъ порядочной поносъ, отъ котораго цѣлыя сутки, какъ разваренной, пролежалъ въ халатѣ. При такой революціи въ желудкѣ голова не очень способна производить идеи: перо мое и правая рука отдыхали сутки, и я, въ полномъ бездѣйствіи душевномъ, собиралъ новыя силы тѣлесныя. Чудесное супружество союзъ души съ тѣломъ! Когда немоществуетъ одно, то и другое ему сострадаетъ. Многія до меня извлекали причины сего феномена, а для меня оно такъ непостижимо, что я и разсуждать о немъ не смѣю. Когда перенесемся въ другой міръ, тогда увидимъ то, чего теперь не разумѣемъ, и чего намъ ни какія письмена книжниковъ нашихъ велемудрыхъ не истолкуютъ.

Іюля 6. Расположено было сегодни ѣхать въ Черниговъ: такъ и случилось. Мы отправились послѣ ранняго обѣда; городъ 40 верстъ отсюда. Я сѣлъ въ коляску съ зятемъ. Жаръ былъ несносной, лошади съ застою стали рѣзвиться—я струсилъ—вонъ изъ его фаетона и, посадя на смѣну себѣ сестру, ушелъ въ карету, въ которой мы такъ же, какъ въ пути, ѣхали своей семьей, съ прибавленіемъ Миши. Я, по обыкновенію моему, во всю дорогу читалъ книжку. Отъѣхавъ верстъ съ 20, до села Горбова,* мы тутъ отдохнули, напились чаю, поѣли ягодъ, словомъ, по милости родныхъ моихъ, понѣжились, и отъ Горбова отъѣхавши въ полѣ версты двѣ, стали видѣть Черниговъ. Онъ на горѣ, около его мѣста ровныя; и такъ изъ за далека кинется въ глаза. Въ вечеру, не доѣзжая верстъ 6 до города, началась гроза довольно громкая и полилъ сильный дождь; но туча скоро прошла, и вечеръ, по закатѣ солнца, былъ очень хорошъ. Подъ самымъ городомъ течетъ Десна: на ней наведенъ большой и хорошій мостъ живой. Прекраснѣйшая рѣка! Здѣсь она во всей широтѣ и славѣ. Въ городъ мы пріѣхали поздно; небо облачное мѣшало намъ видѣть красоты городскія, естьли онѣ въ немъ находятся. Мы пристали въ домѣ брата роднаго моего зятя, которой служитъ здѣсь Генеральнымъ Судьей, а теперь, пользуясь вакантнымъ мѣсяцомъ, внѣ города. Квартира довольно способная къ житью. Мы всѣ помѣстились безъ крайней тѣсноты. Все, что разглядѣлъ, въѣзжая въ городъ, это—шлахбаумъ у заставы и караулъ армейской: его содержатъ егерскіе полки. О Жидахъ не говорю ни слова. Теперь что шагъ далѣе, то ближе къ ихъ кочевьямъ: гдѣ ихъ не найдешь? И въ Горбовѣ на пути насъ обступили человѣкъ съ шесть шинкарей изъ Евреевъ, съ которыми я таки кое о чемъ перемолвилъ. Въ Черниговѣ мы прекрасное пили пиво бѣлое за ужиномъ и славныя кислыя щи: обѣихъ сихъ вещей мы съ Москвы не видали, и трудно было ожидать здѣсь, а отъ нечаянности онѣ двойную цѣну получили.

Іюля 7-го. Когда, въ 1810 году, я ѣздилъ въ Одессу, и написалъ мое путешествіе, я въ немъ помѣстилъ нѣкоторыя примѣчанія на здѣшній край; но тогда я не былъ въ Черниговѣ, древнемъ Княженіи и старинной столицѣ Малороссіи. Оставлю здѣсь теперь для памяти нѣчто и объ немъ. Черниговъ разсѣянъ на отлогомъ покатѣ земли; грунтъ его песчанъ; никогда нѣтъ грязи, и это тѣмъ выгоднѣе, что здѣсь не изъ чего бы было настилать мостовыхъ. Казенныя зданія всѣ каменныя, но частнаго дома ни одного нѣтъ изъ кирпича. Кому и строиться? Ку-

---

* Или Горбово, при озерѣ Гнилушѣ, въ 20 в. отъ Чернигова, съ 163 дв. или 1300 населеніемъ, церковью, станціей, Волостнымъ Правленіемъ, становой и ярмаркой. О. Б.

печество бѣдное, Дворяне въ городѣ не живутъ, Чиновники едва имѣютъ пропитаніе, да и то отъ барышей не позволенныхъ. Корысть, общій духъ городскихъ жителей, удаляетъ ихъ отъ всякихъ забавъ. Свидѣтели тому здѣшній бульваръ, которой основанъ въ новѣйшемъ времени Генералъ-Губернаторомъ, Княземъ Куракинымъ, и на которомъ ни кого не увидишь. Онъ же учредилъ здѣсь гулянье за городомъ, но садъ заросъ крапивой: въ немъ прыгаютъ лягушки стадами, и человѣческой стези не найдешь ни въ будни, ни въ праздникъ. Строеніе вообще бѣдное и расположено неправильно. Лучшими домами почесться могутъ: домъ наслѣдниковъ Графа Безбородки, покойнаго Маршала Стороженки, Тайнаго Совѣтника Милорадовича; за тѣмъ взглянуть не на что. Присутственныя Мѣста, Губернаторской и Генералъ-Губернатора домъ, Магистратъ, Генеральный Судъ, отстроены изрядно. Губернскій такой же, какъ и во всѣхъ Губерніяхъ, по одному плану, отдѣланъ только снаружи. Соборъ сохранилъ всѣ внѣшніе признаки своей древности, но внутри смѣшанъ съ новой архитектурой: отъ него видъ прекраснѣйшій на Десну, и за ней представляются взору пространныя равнины. Вездѣ въ Россіи найдешь курганы и земляные окопы, монументы жалкіе набѣговъ Татарскихъ и ярости Батыя. Я былъ въ Соборѣ, на молебнѣ, которой отправлялъ Архимандритъ Ѳеофанъ, по случаю полученія извѣстія о помолвкѣ Великаго Князя, Николая Павловича. Скажу, къ стыду властей и жителей Чернигова, что манифестъ прочтенъ только при мнѣ и моемъ зятѣ: кромѣ насъ ни кого не было въ церкви. Въ этомъ Соборѣ почиваютъ мощи Ѳеодосія Углицкаго; они скрыты въ темной палаткѣ, подъ церковью. Туда ходятъ со свѣчами. Пѣвчіе Семинарскіе хороши. Архимандритъ недавно присланъ изъ Ярославля и называется Домницкимъ.* Онъ обучаетъ Богословію и, бывши самъ Ректоромъ, переведенъ сюда въ Профессоры: онъ изъ воспитанниковъ Троицкой Лавры. Былъ у насъ и мнѣ понравился.**

* По монастырю на рѣчкѣ Домницѣ или Думницѣ, въ 9 в. отъ заштатнаго города Березны (въ 37 в. отъ Чернигова). Монастырь Богородичный, построенный въ концѣ XVII вѣка.

** Въ мірѣ Ѳедоръ Александровъ, сынъ Дьячка села Городища Каширскаго Уѣзда Тульской Губерніи; по окончаніи ученія въ Троицкой Семинаріи 1798

Въ городѣ и за городомъ два монастыря: одинъ называется Елецкой; въ немъ чудотворной образъ Богородицы, того имяни храмъ старинной. Тутошній Архимандритъ Ректоръ Семинаріи безъ профессіи и первенствующій членъ здѣшней Дикастеріи; ибо Архіерей сидитъ въ Синодѣ и живетъ на Невѣ.* Другой называется Троицкой, и того же имени: въ немъ явленной образъ Богородицы. Я слушалъ тутъ обѣдню. Здѣсь Архіерейской домъ, и Економъ его, Архимандритъ, управляетъ обителью безъ монаховъ, въ которую сходится всякой сбродъ къ обѣдни и козлогласуютъ. Большая часть церквей въ городѣ до сихъ поръ еще деревянныя, когда почти во всѣхъ Уѣздныхъ, въ прочихъ Губерніяхъ, поставлены каменныя. Замѣтьте еще, что въ здѣшнемъ краю по селамъ и городамъ многіе храмы воздвигнуты Мазепой. Изъ однихъ устъ и молятся о спасеніи души его и предаютъ его анаѳемѣ: чего не терпитъ Законъ Божій съ тѣхъ поръ, какъ политика зачала его приспособлять къ своимъ видамъ!

Іюля 8-го. Въ Черниговѣ, какъ и вездѣ нынѣ, какіе-то полки стоятъ егерскіе, а при нихъ живутъ: Генералъ Дивизіонный и Бригадный, но отъ этого не веселѣе. Въ городѣ всего не всту-

г. Учитель 1808 тамъ же грамматическаго класса, 1809 — 1812 Греческаго и Латинскаго языковъ въ Уѣздномъ Александровскомъ Училищѣ, Свящ. Исторіи, Катихизиса и пѣнія; съ 16 Марта, 1812, по 16 же Марта, 1814, Инспекторъ и наставникъ Философіи въ Петербургской Семинаріи; монахъ съ 1812 года; 1814 Ректоръ Ярославской, откуда переведенъ въ Черниговскую, послѣ въ Казанскую, а наконецъ Настоятель Донскаго монастыря въ Москвѣ, извѣстный всѣмъ Москвичамъ; скончался, по перемѣщеніи въ Калязинскій монастырь Тверской Губерніи, въ 1854 году. О. Б.

* Это извѣстный Новгородскій и С.-Петербургскій Митрополитъ Михаилъ, въ свѣтѣ Матвѣй Десницкій, сынъ причетника села Топоркова Богородицкаго Уѣзда Московской Губерніи, р. 1761 г., Ноября 8, воспитывался въ Троицкой Семинаріи, потомъ, на иждивеніи Дружескаго Общества, въ Московскомъ Университетѣ; съ 1785 Священникъ церкви Іоанна Воина въ Замоскворѣчьѣ; съ 1796 Придворный Пресвитеръ въ Петербургѣ, 1799 монахъ и съ конца Ноября Архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, Членъ Св. Синода и Законоучитель 1-го Кадетскаго Корпуса; 20 Іюня, 1802, Епископъ Старорусскій и Викарій Новгородскій; 18-го Декабря, 1803, Черниговскій; Ноября 18-го, 1806 г., Архіепископъ, 1814 непремѣнный Членъ Синода и Коллегіи Духовныхъ Училищъ; съ Февраля 1815, по Февраль 1816, управлялъ Псковской Епархіей, съ 26

пно 4000 душъ, 700 домовъ, считая до послѣдней хаты.* Гостиной дворъ каменной, но нечистъ и не красивъ. Здѣсь началась его дни Прасковьевская ярмонка, которая, сказывали мнѣ, продолжится двѣ недѣли; но кому и что покупать? Балагановъ настроено до 20. Купцы тутошніе, Нѣжинскіе и Калужскіе, разложили койкакой товаръ и по привычкѣ одной торгуютъ, по тому что дѣды ихъ сюда ѣзжали. Вы найдете у нихъ кислое церковное вино, которое на ярлыкахъ окрещено: Vin de Tenédos, и лоделаванъ амбре, которое воняетъ голой сивухой. Книжной лавки въ городѣ ни одной. У жителей свои Библіотеки, составленыя изъ процессовъ и тяжбъ Малороссійскихъ. О! этими кипами можно, думаю, запрудить всѣ источники здѣшняго края.

Надобно отдать справедливость Князю Куракину: онъ здѣсь много завелъ и учредилъ, какъ для пользы, такъ и для поощренія людей къ общественной жизни, но ни кто здѣсь этого не любитъ. Всѣ сидятъ по норамъ и добываютъ деньги. Между полезными его учрежденіями я осмѣлюсь поставить Ремесленное Училище, въ которомъ разные вольные мастера обучаютъ искуствамъ: столярному, рѣзному, слесарному и бронзовому, сребродѣланію, мастерству сапожному и проч. Всякой Малороссійской помѣщикъ можетъ отдавать сюда обучаться своего слугу за самую умѣренную плату. Казенные обыватели дѣтей своихъ отдаютъ безъ платы. Казна ихъ содержитъ. Все устроено городскими доходами, которые были тогда значительны, по причинѣ откупныхъ суммъ, ему предоставленныхъ. Тутъ можно дешево покупать всякую мебель. Нынѣ магазинъ былъ пустъ; все распродано по деревнямъ, и занимаются приготовленіемъ шкатулы для Государя, котораго ждутъ въ Сентябрѣ. Еще же заведено Училище, кромѣ Гимназіи, для бѣднѣйшихъ Дворянъ. Число ихъ 40 человѣкъ. Они учатся наукамъ въ Гимназіи, а живутъ въ особомъ домѣ. Надзиратель получаетъ жалованье отъ казны, она же и учениковъ содержитъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія присоединилъ это училище къ прочимъ своимъ Богоугоднымъ заведеніямъ, которыя я не имѣлъ времени видѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ Малорос-

Марта, 1818, Митрополитъ Петербургскій, а съ 25 Іюня и Новгородской; скончался 24 Марта, 1821 г., и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ. О. Б.

* Нынѣ домовъ 884, жителей ок. 13,000. О. Б.

сія попала подъ управленіе Князя Куракина, пріѣхавшаго изъ Министровъ Юстиціи,* оплакивать сюда минутное свое благоденствіе у скользкаго Двора Павла I, она переходитъ изъ рукъ въ руки въ томъ же племени. По немъ былъ здѣсь Князь Лобановъ, его двоюродный братъ;** теперь Князь Репнинъ, ихъ племянникъ. Тѣхъ двухъ не хвалятъ, а этого не смѣютъ еще бранить, по тому что дубина въ рукахъ. Князь Куракинъ былъ вѣжливъ со всѣми, но слишкомъ снаравливалъ случаямъ и лицамъ, и отъ того не понравился. Князь Лобановъ не полюбился за деспотизмъ самой наглой, при которомъ былъ и балагуръ въ большомъ санѣ. Теперь Черниговъ такъ пустъ и скученъ, что жаль проѣхать 35 верстъ, которыя мы проскакали для того, чтобъ видѣть этотъ городъ. Едва есть ли въ Россіи много Уѣздныхъ, которые были бы его хуже; когда бы не Десна его украшала, можно бы его назвать слободой; а привлеки сюда пановъ, пріучи ихъ здѣсь жить, заставь роскошничать, то ли дѣло! Тогда и Черниговъ сдѣлается прямо столицей Малороссійской области. Мѣстоположеніе его весьма къ тому способствуетъ; сами Черниговцы это говорятъ; въ отвѣтъ готова у нихъ пословица: «Мало ль чего нѣтъ?»

9-го. Нечаянная встрѣча доставила мнѣ здѣсь новыя знакомства. Директоръ Ремесленнаго Училища женатъ на одной Владимірской Дворянкѣ, которой братья родные были нѣкогда подъ моимъ начальствомъ. Чета пожелала изъявить мнѣ свою признательность, и мы позваны къ нимъ обѣдать. Зала довольно большая, убрана березками, на подобіе нашихъ Великороссійскихъ церквей, въ Троицынъ день. Надъ дверьми въ гостиной выставленъ былъ вензель мой изъ полевыхъ цвѣтовъ. Я взглянулъ, вспомнилъ Сѣвскую встрѣчу Князю Горчакову, и невольно улыбнулся. Тутъ созваны были и гражданскія и военныя власти. Я со всѣми съ ними ознакомился, развезъ къ нимъ свои карточки, получилъ отъ нихъ такія же, и, кажется, этѣмъ все наше знакомство кончилось. Столъ былъ хорошъ, кормили много, поили часто,

* Собственно изъ Генералъ-Прокуроровъ (съ 4-го Декабря, 1796 г.). Малороссіей правилъ съ Февраля 1802 по 1807 г. О. Б.

** Съ 1810 по 22 Февраля, 1816 года. Родственникомъ же Куракина былъ онъ по матери, Екатеринѣ Александровнѣ, Княжнѣ Куракиной. О. Б.

ягодъ подносили въ изобиліи, и я очень благодаренъ хозяевамъ пиршества, что они дали мнѣ хлѣба-соли своей отвѣдать столь доброхотнымъ образомъ. На то время проѣзжалъ, бывшій здѣшній Губернаторъ, т. е., Милорадовичъ, съ которымъ мнѣ тѣмъ пріятнѣе было видѣться два раза, и у него въ домѣ, и у себя на квартирѣ, что онъ родной зять Графа Кочубея, котораго благодѣяній я никогда не забуду. Онъ былъ мой начальникъ, удостоивалъ меня своего вниманія; и такъ все то, что ему принадлежитъ, имѣть будетъ всегда право на мою признательность и особенное уваженіе.* За симъ полно говорить о Черниговѣ, въ ко-

* Это Григорій Петровичъ Милорадовичъ, сынъ Петра Степановича (Бунчуковаго Товарища) и правнукъ Михайла Ильича, призваннаго Петромъ I-мъ, въ 1711 г., въ Русскую службу и участвовавшаго противъ Турокъ, предводя Черногорцами, за что сдѣланъ Гадяцкимъ Полковникомъ 1715 въ Малороссіи, получилъ портретъ Государя на Андреевской лентѣ и помѣстья, и умеръ 1728 г.; слѣдовательно, Григорій Петровичъ въ 6-мъ колѣнѣ потомокъ въ линіи Милорадовичей, идущихъ отъ Михайла Ильича, такъ какъ есть еще двѣ линіи, отъ 2-хъ братьевъ его, тоже прибывшихъ за нимъ въ Россію, Гаврила и Александра, не считая линій Милорадовичей, однофамильныхъ съ ними и вышедшихъ къ намъ послѣ изъ Австріи, тоже утверждающихъ, что и они потомки Князей или Графовъ Дубровника и Охмучевичей. Григорій Степановичъ родился въ Черниговѣ 8-го Генваря, 1764 года, воспитывался первоначально дома, а потомъ отправленъ, съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Михайломъ Андреевичемъ (въ послѣдствіи Графомъ, сыномъ Генералъ-Поручика, Андрея Степановича, Черниговскаго Намѣстника съ 1781 г. въ продолженіи 15 лѣтъ, друга Суворова и Кутузова, его сослуживцевъ), за границу, въ Кенигсбергскій и Гетингенскій Университеты (2 года) съ воспитателемъ Иваномъ Лукъяновичемъ Данилевскимъ (отцомъ Генералъ-Лейтенанта А. И., извѣстнаго нашего военнаго историка), послѣ Д. С. С. и Управляющимъ Банкомъ, умершимъ, въ 1807 г. Въ первомъ Университетѣ они слушали Канта, а во второмъ Шлецера, Шпитлера и др., потомъ ѣздили въ Мецъ и Страсбургъ (въ послѣднихъ М. А. изучалъ нѣкоторыя военныя науки), также въ Парижъ, гдѣ представлялись Людовику XVI-му, и возвратились въ Россію въ 1786. Григорій Петровичъ еще 9 лѣтъ, по обычаю того времени, записанъ былъ въ 1-й гренадерскій полкъ Сержантомъ 1773, а въ 1779 Поручикомъ считался въ Рижскомъ пѣхотномъ, но въ годъ возвращенія изъ чужихъ краевъ уволился отъ военной службы Маіоромъ, съ пожалованіемъ Указомъ въ Надворные Совѣтники Декабря 5; за тѣмъ опредѣлился въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, и поступилъ къ Канцлеру Безбородьку; 1789 Малороссійскій Почтъ-Директоръ; 1792 Коллежскій Совѣтникъ, 1795 Статскій Совѣтникъ; 1797 въ награду получилъ 414 душъ мужескаго пола въ селахъ Холявинѣ и Яновкѣ Черниговскаго Уѣзда; 2-го Мая Малороссійскій Генеральный Судья, въ концѣ Іюня 1799 награжденъ орде-

торомъ нѣтъ ни театра, ни клуба, ни гульбищъ, одна модная лавка, да и та заперта, а только вывѣска торчитъ, дабы проѣзжій въ просонкахъ увидѣлъ изъ коляски, что онъ будто въ городѣ. Меня посѣтили Директоръ Гимназіи и Полицеймейстеръ въ Неаполитанской звѣздѣ. Оба люди хорошіе. Первой, къ несчастью, глухъ: съ нимъ трудно разговориться, а послѣдній долго служилъ во флотѣ и занимателенъ.

Мы сегодни уѣхали отсюда и прибыли ночевать опять въ деревню, которая послѣ Чернигова показалась намъ прекраснымъ убѣжищемъ. Слава Богу, что есть такіе города въ Россіи, послѣ которыхъ мила деревня и самая пустынная! Сказать это, съ моимъ семействомъ, значитъ очень низко оцѣнить городъ: виноватъ! но для меня таковъ показался Черниговъ. Я любуюсь гербомъ его въ моей печати, симъ суетнымъ остаткомъ нашего величія, но не завидую предкамъ, кои въ немъ княжили.

номъ Св. Анны 1-й степени, а 10-го Февраля, 1801, пожалованъ въ Д. С. С., 28 Генваря, 1802, въ Тайные, въ слѣдъ за чѣмъ Кавалеромъ Св. Владиміра 2-й степени, и сдѣланъ Таврическимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, но черезъ годъ уволился (1803). Онъ особенно былъ отличаемъ Княземъ А. А. Безбородькомъ, друженъ съ Д. Т. С. Дм. Пр. Трощинскимъ, Графомъ И. А. Безбородькомъ, Митрополитомъ Михаиломъ Десницкимъ, Княземъ В. П. Кочубеемъ, на сестрѣ коего (дочери С. С. Павла Вас.), Александрѣ Павловнѣ, а племянницѣ Безбородька, женился, отъ которой имѣлъ дѣтей 7 сыновей и 4 дочери, не считая 5 умершихъ въ дѣтствѣ. Скончался въ 1828 г., въ Черниговѣ, послѣ тяжкой 4-лѣтней болѣзни, и похороненъ въ Троицкомъ монастырѣ. Находясь въ отставкѣ, онъ предался сельскому хозяйству, промышленности и улучшенію быта крестьянъ, коихъ было 8000 м. п.: одни родовые по матери, Софью Семеновнѣ Полуботковой, правнучкѣ извѣстнаго Наказнаго Малороссійскаго Гетмана, П. Л. Полуботка, послѣдней въ своемъ родѣ; другіе доставшіеся послѣ смерти 1819 г. Предводителя Черниговскаго Дворянства, Н. М. Стороженка, сына сестры матери Григорія Петровича (Софіи Семеновны), Θеодосіи Семеновны; третьи же были родовые и полученные въ награду. Онъ отлично устроилъ свое имѣніе, первый завелъ свою торговлю по Днѣпру хлѣбомъ, лѣсомъ, солью, изъ своего мѣстечка Любеча на Днѣпрѣ (родины Преподобнаго Антонія Печерскаго), отправляя товаръ въ верхъ до Пскова и въ низъ до Кременчуга; всѣмъ селамъ составилъ планы, по коимъ перестроилъ ихъ, а во многихъ воздвигъ церкви. Спустя 10 лѣтъ (1838) скончалась и жена его, похороненная рядомъ съ нимъ. См.: «Біографическіе очерки замѣчательныхъ Милорадовичей, соч. Гр. Ал. Милорадовича. Черниговъ, 1857. О. Б.

Іюля 10-го. Воротясь въ деревню, не чего дѣлать, какъ размышлять: и такъ снова примусь за мои систематическія бредни. Всѣ піиты и ораторы, всѣ философы, какой бы секты ни были, прославляютъ уединеніе. Не спорю съ ними, но и согласиться не могу: я совсѣмъ противоположнаго мнѣнія, и нахожу даже, что слово уединеніе есть слово пустое, смыслъ его — идеалъ безъ сущности. Объяснимся и докажемъ. Уединиться, значитъ, въ чистомъ и правильномъ значеніи слова, сдѣлаться однимъ. Какъ скоро я окруженъ женой, дѣтьми, друзьями, я уже не одинъ, я въ обществѣ. Кто же, кромѣ дикаго человѣка, можетъ сказать, что онъ уединенъ? Гдѣ же мы его видали? Человѣкъ, едва зачалъ жить, какъ уже былъ въ обществѣ. Общество возымѣло нужды, нужды подвергли его суетамъ, отъ которыхъ почувствовалъ онъ иногда надобность уединяться, для одного отдохновенія тѣла; но мы не назовемъ человѣка спящаго уединеннымъ, мы скажемъ просто: онъ спитъ. Какъ же скоро онъ исходитъ на дѣло и на дѣланіе свое до вечера, отъ восходящаго солнца, тотъ часъ уже онъ въ обществѣ, и для него нѣтъ уединенія. Вотъ положеніе и самаго даже дикаго человѣка, какимъ мы его вообразить любимъ. Но человѣкъ въ обществѣ есть уже существо дѣятельное, словесное, мыслящее, и съ сими свойствами уединяться не можетъ: онъ для людей, люди для него. Сама натура сей законъ поставила.

Согласимся, не въ столь строгомъ разумѣ, принять слово уединеніе, и положимъ, что уединеніе нынѣ значитъ удалиться отъ суетъ большаго свѣта, скрыться въ деревнѣ, жить въ природѣ, окружась безпрестанными ея чудесами, и въ нихъ полагать основаніе своему собственному, новому, волшебному, міру. Согласимся и на этотъ восторгъ пылкаго воображенія. Но, посреди сей самой очаровательной мечты, увидимъ, что человѣкъ не есть существо уединенное: онъ ищетъ міра, но такого, которой бы сходствовалъ съ его вкусомъ; онъ ищетъ общества, но расположеннаго по его произволу, и сіе доказать не трудно.

Одинъ ли я, на пр., когда, уходя въ нѣкоторые часы дня, въ свой кабинетъ, занимаюсь перомъ, или книгою? Совсѣмъ нѣтъ! Библіотека составляетъ цѣлой міръ; онъ мертвъ для бесѣды словесной, но живъ для воображенія. Я вдругъ вижу вокругъ себя тысячу мужей, которые сообщаютъ мнѣ свои мысли, какъ я

спрашиваю, кои мнѣ въ нѣмыхъ письменахъ отвѣчаютъ: со мной тогда цѣлой міръ, огромнѣе общества, и я ли уединенъ? Возьму ли въ руки перо, мысль моя переноситъ меня всюду, я не тутъ, гдѣ я, но тамъ, гдѣ нѣтъ уединенія. Я странствую во вселенной, всѣ 4 части свѣта меня содержатъ, всѣ народы меня угощаютъ. Я тихъ, но воображеніе мое въ суетѣ; я кажусь быть одинъ, но вся голова моя въ развлеченіи и въ толпахъ народныхъ. И часто, выходя изъ моей комнаты, въ общую семейную залу, я болѣе уединенъ, нежели тамъ, гдѣ читалъ и размышлялъ самъ съ собой. На сихъ мысляхъ объ уединеніи, пусть позволятъ мнѣ утвердить слѣдующую догадку:

Человѣкъ ищетъ уединенія не столько отъ желанія быть одинъ, какъ отъ скрытаго чувства гордости и самолюбія. Съ людьми онъ долженъ быть въ неволѣ общежитія: разговору его противорѣчатъ, мнѣніе его опровергаютъ, внѣшнія отношенія не покоряются его правилу, онъ не силенъ ни себя передѣлать, ни другихъ принудить. Взаимныя снаровки такой трудъ въ обществѣ, которой не всякому характеру по силамъ; онъ досадуетъ, что люди на него не похожи, что онъ не можетъ дать имъ собственнаго своего клейма, и для того бѣжитъ отъ нихъ въ пустыню. Тамъ онъ съ людьми же, но съ такими, съ какими хочетъ: онъ избираетъ того сочинителя, который сходнѣе съ нимъ мыслитъ; онъ читаетъ басни, когда смѣяться хочетъ, и развертываетъ Циммермана, когда мрачная душа сближаетъ его съ понятіемъ о суетѣ міра; словомъ, онъ владыка: кругъ его товарищей выбранъ имъ самимъ: онъ проповѣдуетъ, и все съ нимъ въ согласіи, нѣтъ возраженія, нѣтъ прекословія; ибо онъ его не ищетъ, а споръ самъ собой повстрѣчаться съ нимъ не можетъ. Онъ окруженъ, такъ сказать, идолами, лобзаетъ изъ нихъ любаго, и ни одинъ отъ него не отворачивается; словомъ, онъ въ храмѣ всѣхъ мысленныхъ наслажденій. Тамъ онъ даетъ крылья своему генію, и тотъ носитъ его по всему земному шару. Его не везутъ обстоятельства туда, куда не хочется, онъ не ищетъ мятежей въ Бразиліи, онъ не стонетъ въ степяхъ Аравитскихъ, не замерзаетъ на Ледяномъ Океанѣ и въ южныхъ берегахъ его. Онъ летитъ въ Италію искать тепла, въ Гишпанію насыщаться плодами, въ Парижъ смѣяться легкомыслію человѣческихъ умовъ, воспаленныхъ пѣною игриваго Шампанскаго вина; онъ ищетъ, и

находитъ, вездѣ міръ, но такой, какой ему пріятенъ. И такъ онъ уединяется не отъ людей вообще, не отъ страны именно такой-то, но бѣжитъ отъ предметовъ, не соотвѣтствующихъ его своевольному нраву, и когда или перо вывалится изъ рукъ, утомленныхъ письмомъ, или книга отяготитъ зрѣніе, удрученное чтеніемъ, тогда онъ подлинно становится одинъ: мысль требуетъ отдохновенія, онъ смыкаетъ вѣжды, онъ спитъ, и уже не существуетъ.

Повторимъ. Человѣкъ есть существо живое, мыслящее, дѣятельное. Всѣ сіи три свойства требуютъ общества и людей. Уединеніе не есть его стихія. Гордость одна заставляетъ его предпочитать мертвой и безмолвной кругъ людей сообществу живыхъ и глаголивыхъ тварей. И въ доказательство сей истины мы ежедневно видимъ на опытѣ, что уединенный человѣкъ почти всегда мизантропъ. Никогда я не встрѣчалъ въ пустынѣ человѣка счастливаго, довольнаго, сердца согрѣтаго благоволеніемъ себѣ подобныхъ, ума, озареннаго тихимъ свѣтомъ истинной философіи. Страсти, а паче самолюбіе, дѣлаютъ насъ дикими. Когда мы спокойны, намъ люди не въ тягость.

Не спорю, что вѣчно быть въ толпѣ—бремя тяжелое для души нѣжной. Надобно, полезно и пріятно, иногда, въ нѣкоторые часы дня, уединиться въ свой кабинетъ, и отдать всего себя природѣ: правда! Я самъ это испытываю. Но я вооружаюсь противъ крайности: она вездѣ пагубна; все имѣетъ свою мѣру. Нѣтъ, ни исключительнаго уединенія, ни исключительнаго общества, т. е., нельзя ни быть съ людьми безпрестанно, ни поминутно быть съ ними розно. На что, проснувшись, тотъ часъ броситься въ шумъ народныхъ собраній, и торчать до усыпленія на рынкахъ? На что весь день и круглой годъ запираться въ четырехъ стѣнахъ уединенной хижины, или слоняться по оврагамъ и жить съ безсловесными? Станемъ въ одно время читать, писать, умствовать. Станемъ въ другое шумѣть, рѣзвиться, играть. «Est modus in rebus.»

Многіе скажутъ: «На что уединеніе изъяснять такъ строго? На что удаляться отъ своего семейства? Можно съ нимъ вмѣстѣ, и въ немъ самомъ, быть уединеннымъ.» Нѣтъ, я и на это не согласенъ. Семейство доброе, кроткое, изъ сколькихъ бы лицъ ни составлялось, есть какъ одинъ человѣкъ: мысли, правила у каждаго однѣ и тѣ же съ другимъ его членомъ. Взаимные ихъ разговоры такъ притерлись отъ привычки одинаково видѣть вещи и судить объ нихъ, какъ мелкая монета въ торгу. Для нихъ нѣтъ ни чего новаго; а гдѣ единообразность, тамъ и скука: это такъ точно; а для чего оно такъ? Спросите натуру! Ни какая Эстетика этого не изъяснитъ. Человѣкъ любитъ сообщать свои мысли другому. Мыслить заставляютъ насъ предметы. Видя одно и то же, мы не находимъ пищи для бесѣды. Чтобъ не быть вовсе уединеннымъ, потребно общество, а семья своя его не составитъ. Сторонній человѣкъ видѣлъ то, чего я не видалъ: онъ мнѣ разсказываетъ, я ему, и вотъ гдѣ повѣствованіе получило свое начало. Отъ повѣсти родятся размышленія. Я гляжу на предметъ съ одного боку, тамъ съ другого: вотъ и разговоръ. Въ немъ раскрывается истина, въ немъ проходитъ время, и человѣкъ основываетъ полезное правило для будущности: «Du choc des idées naît la lumière.» Правило непреложное! И такъ одно свое семейство не составляетъ общества. Оно пріятно для сердца, оно необходимое благо для души, оно сокровище дней мирныхъ. Такъ, точно такъ! Но сему внутреннему міру потребенъ и внѣшній, дабы, въ самомъ разнообразіи, найти оцѣнку домашняго счастія и самому, наслаждаясь имъ, имѣть удовольствіе дѣлить его съ другими. Люди! Люди! Чувствую, что безъ васъ обойтись нельзя, хоть часто съ вами тяжело жить вмѣстѣ; но не ужь ли никогда не выходить на воздухъ для того, что бываетъ непогода? Дождись солнца краснаго, и тогда шествуй безъ боязни и плаща подъ покровъ яснаго неба! Опять тою же истиною кончу мою проповѣдь: «Est modus in rebus.»

Іюля 11-го. Нѣтъ ни чего непріятнѣе, какъ владѣть имѣніемъ, вообще съ мелкопомѣстными, особенно черезполосно. Малороссія яснѣе всѣхъ прочихъ областей Россіи доказываетъ сію истину. Здѣсь съ отдаленныхъ временъ обитаютъ вольные люди подъ именемъ Козаковъ. Каждый изъ нихъ въ старину имѣлъ хату, огородъ, землю и собственность, которую онъ воздѣлывалъ. Трудъ и прилежаніе даютъ деньги, а сіи производятъ средства возвышаться. Многіе Козаки, выуча дѣтей своихъ грамотѣ, записывали ихъ въ Приказное званіе. Было время въ Россіи, когда легче было попасть въ Секретари, нежели обрыть гряду земли. Секретарской чинъ давалъ право на пріобрѣтеніе имущества, а недвижимое имѣніе присвоивало названіе личнаго Дворянина, и

симъ образомъ Малороссія наполнилась тьмою пановъ; однако этотъ панокъ, или паночекъ, все таки помѣщикъ, хоть у пяти куръ, и правами, Дворянству данными, пользуется на судѣ и дома. Въ Малороссіи этотъ родъ людей разродился, какъ зайцы въ лѣсу, въ которомъ гончихъ не кидаютъ. Отсюда начало тѣмъ ябедамъ, сутяжествамъ и тяжбамъ, коими ославился здѣшній край. Обыкновенныя средства Юстиціи недостаточны дѣлъ рѣшить. Полиція не можетъ ни предупредить, ни остановить этого потока, и естьли бъ, съ одной стороны, остатокъ доброй нравственности не удерживалъ иныхъ отъ своевольства, съ другой не страшило бы сутягъ мздоимство судей, то, конечно, бы лучше было бѣжать отсюда, и Малороссія превратилась бы въ хаосъ. Большіе владѣльцы жалуются на Исправниковъ: обыкновенная жалоба; вездѣ раздается одинъ и тотъ же ропотъ. Бранить за все можно, но брань—не улика; надобно разсуждать, и доказать. Я вступлюсь нѣсколько за Земскихъ Чиновъ, и къ оправданію, или, по крайней мѣрѣ, къ извиненію ихъ, приведу одинъ здѣшній анекдотъ, коему я былъ очевидной свидѣтель.

Нѣкто панокъ забрался къ зятю на сѣнокосъ, прибилъ его прикащика, сорвалъ съ него шапку и отнялъ 15 руб. Привели его къ зятю: онъ во всемъ признался, извинялся въ своей запальчивости, отдалъ шапку съ деньгами, но человѣкъ прибитъ. Зять потребовалъ удовлетворенія своему служителю за побой. Панокъ не согласился и отвѣчалъ: «Нехай его ищетъ!» Вотъ и дѣло! вотъ и процессъ! Естьли бъ зять захотѣлъ быть великодушенъ, и презрить это озарничество, то на завтра другой панокъ, а тамъ третій, и такъ далѣе, всякой день подобныя же стали бъ производить буйства; ибо великодушіе хорошо съ тѣми, кои чувствуютъ его вѣсъ и цѣну, но съ забіяками быть великодушнымъ значитъ давать имъ поводъ своевольничать. Милость часто кажется намъ слабостью, а не благодѣяніемъ свободнымъ. Простя врагу, мы часто даемъ ему право думать, что не имѣемъ силы оборониться, и умножаемъ наклонность его къ новымъ обидамъ: что въ такомъ случаѣ дѣлать?—Защищаться силою закона. Посмотримъ на эту силу и дѣйствіе ея, не нарушая порядка учрежденнаго.

Поѣдетъ Земской въ Повѣтовый Нижній Судъ объявить о случаѣ, встрѣтившемся съ большимъ паномъ отъ маленькаго. Положимъ сутки на проѣздъ до города. Исправникъ долженъ ѣхать на мѣсто, изслѣдовать, какъ было дѣло, долженъ везти съ собой Лѣкаря. Можетъ легко случиться, что и тотъ и другой въ отлучкѣ, и время теряется безъ дѣйствія. Но я и на то согласенъ, что Коммисаръ и Лѣкарь, бросивши всѣ прочіе недосуги, поскакали въ Дѣвицу. Пріѣхали, началась процедура; свидѣтельствуется битый, но между тѣмъ, какъ разъѣзжали Коммисаръ, Земской и Лѣкарь, синія пятны пропали, и побой доказать не чѣмъ. Бумаги испишутъ пропасть, соберутъ свидѣтелей, ни кто не скажетъ, что онъ видѣлъ драку, ибо самъ дѣлается виновнымъ въ томъ, что не разнималъ; истина приключенія становится темна. Панокъ по совѣсти виноватъ, но по дѣлу обвиняемъ быть не можетъ; ибо законъ позволяетъ вину класть тогда, когда не меньше двухъ свидѣтелей покажутъ, что они сами лично видѣли побой. Собравши одни сплетни, Коммисаръ повезетъ съ собою измаранную тетрадь, которую назовутъ слѣдствіемъ, и отправятъ ее въ Повѣтовой Судъ къ сужденію. Панокъ останется на свободѣ, по тому что нѣтъ права за это сажать подъ стражу, или посадя, естьли бъ и на то рѣшился Коммисаръ, Повѣтовой Судъ обязанъ на росписку его отпустить, и распишется такой же забіяка другой панокъ. И такъ завелось дѣло у помѣщика, а пользы нѣтъ, между тѣмъ Юстиція требуетъ за все своихъ пошлинъ. Я уже не говорю о взяткахъ, но пойдетъ гербовая бумага, хожденіе за дѣломъ, отлучка человѣка, нужнаго въ домѣ, словомъ, убытокъ, волокита, и прости при такомъ распорядкѣ (а онъ въ законѣ)! Не трудно усмотрѣть, сколько недовольныхъ Правительствомъ, хотя Правительство терпитъ не за грѣхъ, а за форму, а форма дана законодателемъ свыше, и нарушить ее есть другое преступленіе, за которое постраждетъ опять тоже самое Правительство. Подобныхъ тяжбъ можетъ въ одинъ день въ Уѣздѣ начаться нѣсколько сотенъ, а всюду требуется на мѣсто одинъ и тотъ же Коммисаръ. Спрашивается теперь: какія же средства даны ему успѣвать въ своей обязанности?—300 руб. жалованья! Лошади возятъ свои, и онъ ихъ долженъ кормить на свой коштъ: клячи негодныя, телѣга крестьянская, скачка съ утра до ночи, покоя ни на минуту: вотъ всѣ преимущества Коммисара! Прошу сказать: кто жь изъ людей образованныхъ, честныхъ, благородныхъ, которые любятъ иногда и Кондильяка почитать, и съ прія-

телемъ повидаться, и перевести страницу, или двѣ, изъ хорошаго сочинителя, кто же пойдетъ охотой въ Коммисары? А, вѣдь, онъ необходимъ! На выборахъ кинутъ кучу бѣлыхъ шаровъ первому пострѣлу, и—здравствуй Исправникъ! и послѣ, на другой же день, тѣ же самые, кои его выбирали, станутъ кричать, что онъ воръ, разбойникъ, богоотступникъ. Скажемъ лучше безъ желчи, что Исправникъ въ Россіи, для исполненія всего того, что лежитъ на его отвѣтственности, долженъ бы быть шестокрылатый Серафимъ и многоочитый Херувимъ, а не простой человѣкъ, съ ограниченными силами и достаткомъ. Пусть любой Министръ станетъ на его мѣстѣ въ полномъ его видѣ, и онъ опытомъ дознаетъ, что я говорю здѣсь сущую правду. И такъ пожалѣемъ о такомъ Правительствѣ, подъ которымъ чиновникъ поставленъ въ тиранническую необходимость: или, живучи дома, быть жертвой утѣсненія, или, войдя въ службу, быть притѣснителемъ другихъ, дабы не умереть съ голоду!

Іюля 12-го. Безвременное ненастье повредило сѣнокосъ; и такъ, хотя луга здѣшніе широки и богаты, но сѣна будетъ мало. Для хозяевъ моихъ убытокъ, по тому что у нихъ конской заводъ, и травы надо много.

Я видѣлъ здѣсь мельницы такой выдумки, какой нигдѣ не случалось встрѣтить. Подобно вѣтреной на водѣ, она ставится на двухъ байдакахъ, у береговъ рѣки Десны. Сарай утвержденъ на одномъ байдакѣ, а на другомъ протянутъ широкой валъ, котораго вся тягость лежитъ на ономъ. Между сими байдаками надъ водой, силою ея ворочаются съ валомъ вмѣстѣ такія же крылья какъ у вѣтреныхъ мельницъ, опрокинутыя ребрами, и симъ образомъ мельница дѣлаетъ свою работу. Байдаки не что иное, какъ широкія плоскодонныя лодки, огромнѣе обыкновенныхъ: на нихъ возятъ горѣлку и всякую всячину по Деснѣ. Фигура сихъ мельницъ и дѣйствіе ихъ мнѣ чрезвычайно понравились. Осмотрѣвши ихъ, я гулялъ по берегу рѣки Десны, и всегда ею любуюсь. Она такъ же имѣетъ свои капризы, и всякую весну отрываетъ большія глыбы земли. Примѣчено, что она прорывается уже въ новыхъ мѣстахъ и измѣняетъ старому своему теченію, затягивая пескомъ прежнее ложе. И рѣки любятъ непостоянство! Гуляя по берегамъ ея, я забывался и думалъ, что я

на Волгѣ, по которой теперь тьма тьмущая судовъ летитъ на ярманку, съ разнородными дѣлами рукъ человѣческихъ.

13-го. Вездѣ кричатъ противъ нынѣшняго воспитанія дѣтей; всѣ наши патріоты раздражаются, для чего Дворяне принимаютъ къ себѣ въ домъ, для обученія дѣтей своихъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ, а не Русскихъ? Кричать всего легче, но надобно разсуждать. Когда Россія не образовала еще довольнаго числа учителей для своихъ Университетовъ, Гимназій и прочихъ частныхъ школъ, то гдѣ же взять Дворянину свободнаго учителя для обученія своего сына? Подъ словомъ: воспитывать, возмемъ мы здѣсь одно обученіе; ибо для образованія ума и сердца, по правиламъ чистѣйшей нравственности, ни кто болѣе не способенъ, какъ отецъ и мать; подразумѣвается, что они сами не уроды; иначе и самой язычникъ, испытанный въ правилахъ добронравія и чести, лучше Христіанина нечестиваго, для достиженія той цѣли, которую мы даемъ идеѣ и слову воспитаніе. Нѣтъ, здѣсь рѣчь моя объ одномъ ученіи. Гдѣ же намъ искать Русскихъ учителей? Сестра моя на опытѣ показала это затрудненіе: она приняла къ сыну своему Русскаго учителя, пожилаго и хорошо рекомендованнаго. Не говоря объ условіяхъ его, которыя ни какъ не ровняются съ кондиціями иностранныхъ; ибо онъ получаетъ, кромѣ готоваго содержанія, слишкомъ 2000 руб. въ годъ деньгами, что весьма обременительно и для порядочнаго состоянія, этотъ учитель обучаетъ мальчика многому, и обучаетъ хорошо, но довольно ли однихъ наукъ для Дворянина? Отъ него отечество ожидаетъ не педанта, и не педагога. Общество хочетъ въ немъ видѣть со временемъ человѣка любезнаго, остроумнаго, обходительнаго, а этотъ педантъ ни о какомъ общежитіи самъ понятія не имѣетъ. Онъ не знаетъ, когда прилично говорить, или скромнѣе замолчать; онъ не знаетъ, съ кѣмъ какъ обойтиться; онъ не умѣетъ ни путемъ войти, ни сѣсть, ни поклону отдать, словомъ, онъ школяръ, да и только. Пусть говорятъ, что общежитіе есть роскошь, такъ сказать, красиваго воспитанія свѣтскаго, бездѣлица, которую, съ небольшимъ трудомъ, снискать можно первыми опытами въ свѣтскомъ обращеніи; смѣю увѣрить, что это мнѣніе весьма ошибочно. Жить съ людьми отборнаго свѣта, и быть въ немъ пріятнымъ; не такъ-то легко, какъ думаютъ многіе. Я зналъ людей съ наилучшими познаніями, которые, въ этомъ отношеніи, умирали не-

вѣждами и для общества были совсѣмъ потеряны. Племянникъ мой выучится у своего Русскаго педанта и Алгебрѣ, и Архимедовымъ пропорціямъ, и всѣмъ чудесамъ Естествословія, но, войдя въ свѣтъ, онъ обязанъ будетъ казаться любезнымъ, и почувствуетъ свои недостатки: онъ представится, какъ школяръ, подобной тому, которой его обучалъ, и родители его, заплатя очень дорого за его науки, будутъ со слезами слышать каждодневныя надъ нимъ насмѣшки въ бесѣдахъ своей собратіи. Вотъ именно по чему иноземецъ преимущество получаетъ предъ Россіяниномъ. Отдадимъ справедливость Французамъ. Ни въ одномъ народѣ такъ не вычищенъ внѣшній образъ воспитанія, какъ у нихъ. Я не хочу, чтобъ Французъ училъ Русскаго думать, философствовать, молиться Богу, служить отечеству, отличаться въ добродѣтеляхъ: все это не его дѣло; пусть въ качествахъ сихъ сами родители потрудятся дѣтей своихъ утвердить и сдѣлать совершенными; но что лежитъ до цвѣтовъ общежитія, до этой пріятной краски, которая даетъ молодому человѣку отличительной глянецъ съ обществѣ, поищемъ этого не у Русскихъ педантовъ; ибо они еще не готовы исполнить нашихъ намѣреній.

Россія такъ еще мала въ образованіи своемъ собственномъ, что ей долго перенимать надобно у другихъ, пока сама выдетъ мастерица. Не смотрите на Москву только и Петербургъ: это образчики чужихъ краевъ; подите далѣе по Губерніямъ, и вы согласитесь со мной: много еще надобно работы, чтобъ изъ человѣка природнаго сдѣлать человѣка общественнаго.

14-го. Я ѣздилъ въ Домницкой монастырь ко всенощной, не столько для богомолья (на всякомъ мѣстѣ владычество Господне), какъ для того, чтобъ видѣться съ Архимандритомъ, и заплатить ему посѣщеніе, которымъ мы одолжены были отъ него на канунѣ; ибо онъ у насъ 13 числа обѣдалъ. Сегодни стану говорить только о монастырѣ. Онъ былъ очень ветхъ и обращался въ развалины, какъ смерть постигла единороднаго сына **Графа Ильи Андреевича Безбородки**. Въ этой обители похоронили сію отрасль знаменитѣйшаго мужа въ Россіи, и пустыня разцвѣла, яко кринъ. Огорченный родитель потерею своего мужескаго наслѣдія, разсудилъ воздать отличную почесть гробу его. Онъ избралъ тутъ же, въ лѣсу, на холмѣ, новое мѣсто, выстроилъ прекрасной храмъ, кельи Настоятелю и братіи, и все изъ кирпича,

обнесъ оградой всѣ сіи зданія, и монастырь Домницкой обратилъ на себя взоры всѣхъ живущихъ окрестъ его. Отъ деревни зятя моего 7 верстъ, но дорога нехороша. За Десну переправа на паромѣ. Наружный фасадъ соборнаго храма величественъ, и въ новомъ вкусѣ. Тому же слишкомъ подражали внутри, и церковь обширна, но проста. Три престола рядомъ: главной во имя Рождества Богородицы, прочіе два посвящены Александру Невскому и Пророку Иліи; иконостасъ бѣлой, съ голубыми карнизами и колонами подъ мраморъ, стѣны просто выбѣлены, золота и рѣзьбы немного, письмо иконное очень хорошо, утварь и ризница богата; образъ явленной Домницкой Богоматери отлично уважаемъ народомъ, и въ окладѣ. Надъ гробомъ молодаго Графа доска съ надписью. Вотъ главные предметы монастыря. Жаль, что мало колоколовъ и звонъ слишкомъ глухъ. Монаховъ немного, но крылосъ собранъ изъ хорошихъ голосовъ. Басистъ рѣдкой. Архимандритъ самъ управляетъ церковнымъ пѣніемъ; онъ читалъ пареміи и выходилъ на литію, въ честь празднику Князя Владиміра. Напѣвъ пустынной и весьма трогательной для ушей, какъ мои, кои его наслушались и съ молоду находили въ немъ особенную пріятность. Съ удовольствіемъ я отслушалъ тутъ вечерню, и дабы не запоздать, уѣхали при началѣ заутрени. * Однако, зять и я, мы не ушли отъ непріятности воздушной. Вмѣсто мѣсяца, котораго мы ожидали, на возвратномъ пути облегли нашъ горизонтъ мрачныя тучи. Услышали мы громъ, увидѣли молніи, повсюду вокругъ насъ потекла вода изъ темныхъ облаковъ; только на пути

---

* Въ 1786 году этотъ монастырь, по отобраніи имѣній отъ обителей, намѣревались упразднить, но Графъ Илья Андреевичъ Безбородько, вступился и, похоронивъ единственнаго наслѣдника своего мужескаго пола внутри главнаго храма, возобновилъ его, а для обезпеченія внесъ въ сохранную казну 1816 года капиталъ въ 22 тысячи бумажками. Кромѣ главнаго храма имѣется каменная трапезная во имя Св. Параскевы; храмъ Св. Апостоловъ Петра и Павла, построенный въ 1846 г. Княжной Прасковьей Петровной Прозоровской; далѣе: каменная колокольня, гдѣ прежде былъ храмъ Св. Николая; на югъ отъ собора келіи, а за оградой гостинница. Въ 10-ую Пятницу послѣ Пасхи и 8-го Сентября сюда стекается много богомольцевъ; въ послѣдній праздникъ приходитъ въ монастырь изъ города Березны духовенство съ крестнымъ ходомъ, въ память избавленія чудотворнымъ образомъ изъ обители отъ чумы, по принесеніи его въ Березну. О. Б.

нашемъ дождя не было. За часъ до ночи уже сдѣлалось темнѣе ночи, и мы очень обрадовались, когда увидѣли себя, въ 10 часовъ вечера, дома, подъ крышкой и подъ защитой отъ непогоды. Здѣсь безъ насъ шелъ проливной дождь, и мы на возвратномъ пути ѣхали по лужамъ. Домницкая пустыня очень романическое мѣсто въ природѣ, но ѣхать смотрѣть ее совѣтую въ ясную погоду, иначе она много потеряетъ своей цѣны; ибо лучше сидѣть въ комнатѣ, нежели трясти кости въ ненастье по скверной дорогѣ.

15-й. День Воскресной и имянины моего зятя. Мы съ нимъ опять поѣхали къ Обѣдни въ Домницы. Архимандритъ самъ ее служилъ и дожидался насъ. Онъ очень сановито служитъ, одаренъ голосомъ твердымъ и пріятнымъ, читаетъ выразительно, произноситъ явственно, наружность имѣетъ довольно благовидную, молодъ еще, но испытываетъ гоненія злосчастія, и смиряется въ этой пустынѣ съ великодушною покорностію судьбамъ Всевышняго. Онъ обучался въ Лаврѣ, и во время еще великаго Платона взятъ въ Петербургъ, жилъ тамъ, и получилъ свѣтскіе пріятные навыки общежитія. Посланъ Ректоромъ въ Ярославскую Семинарію. Сочинилъ проповѣдь, Архіерей нашелъ ее еретическою, пожаловался Синоду. Святѣйшій трибуналъ, одобря проповѣдь, велѣлъ ее напечатать въ своей типографіи, разослалъ по Епархіямъ, а къ Ярославскому Владыкѣ препроводилъ экземпляръ той проповѣди, съ одобреніемъ, при Указѣ, довольно жесткомъ. Отсюда начало болѣзнямъ. Архіерей разсвирѣпѣлъ и взволновался. Архимандритъ, можетъ быть, возпенщевалъ выше, чѣмъ должно о себѣ: кто въ мірѣ безъ слабости? Столкнулось самолюбіе съ завистью. Началась пря между пастыремъ строптивымъ и монахомъ остроумнымъ. Архіерей сталъ Синоду докучать жалобами, и тотъ Синодъ, которой (съ непохвальною ревностію) прежде поставилъ Архіерея въ позоръ предъ всею паствою его (съ неменьше непохвальною запальчивостію) нынѣ принесъ сильному въ жертву немощнаго. Архимандритъ Ѳеофанъ изъ Ректоровъ присланъ сюда въ Домницкой монастырь въ Профессоры Богословія въ Черниговской Семинаріи, и низко упалъ за то, что высоко поднялся. Вотъ біографія этого инока! Сколько я могу судить объ немъ изъ нѣсколькихъ съ нимъ бесѣдъ, онъ человѣкъ умной и съ талантами, пишетъ хорошо, говоритъ велерѣчиво, и

видно, что образованъ тою школою, которой управляли не Сѣвскіе Попы, а геніи Платоновъ. Онъ намъ прочелъ печатную предику, и хотя она сочиненія одного изъ нашихъ Первосвященниковъ, но всю цѣну свою имѣетъ отъ хорошаго выраженія чтеца, а сама по себѣ—бѣдное произведеніе. Послѣ Литургіи, Ѳеофанъ позвалъ насъ къ себѣ. Кельи очень хороши и убраны искусными портретами всего дома Безбородки. Зять мой пригласилъ его къ себѣ обѣдать, и онъ за нами поѣхалъ. Дорогой насъ опять сопровождалъ громъ, молнія и въ добавокъ дождь проливной, но днемъ такой мятежъ въ стихіяхъ не столь страшенъ, какъ ночью, и мы съ зятемъ до самой Десны продремали въ коляскѣ благополучно, а съ парому два шага и до селенія. Бесѣда Архимандрита насъ заняла очень пріятно. Онъ радъ былъ намъ, а мы ему. Что слаще въ уединеніи свободнаго разговора? Но подъ словомъ свободы прошу не разумѣть брани, клеветы, эпиграммъ. Мы худаго не называли изящнымъ, а хорошаго не уничижали. Вотъ что я хотѣлъ изъяснить подъ словомъ свободы.

16-го. Послѣдній день нашего здѣсь пребыванія, и я пропасть писемъ написалъ въ Москву и во всѣ сопредѣльные города ея. Теперь кончу свое житье здѣсь нѣкоторыми примѣчаньями на счетъ Домницкаго монастыря, о которомъ повѣствовалъ только исторически. Я объ немъ сказалъ, что храмъ соборной обширенъ, но простъ, что и правда: тѣмъ-то самымъ онъ понравится многимъ. Но я совсѣмъ другого вкуса. Простота хороша въ кабинетѣ, въ хижинѣ, но храмъ Бога долженъ быть великолѣпенъ. Я совсѣмъ не изъ тѣхъ людей, коимъ нравится, такъ сказать, по простому Русскому нарѣчію, то, что аляповато, но и простота нынѣшняго времени для церкви мнѣ не нравится. Признаемся откровенно, что вкусъ этотъ родился отъ недостатковъ нашихъ. Въ старину, когда всѣ были богаты, когда у всѣхъ много было всего, храмы созидались великолѣпные. Что можетъ быть величавѣе Троицкой Лавры, Успенскаго Собора въ Москвѣ? Когда Соломонъ созидалъ храмъ, онъ его наполнилъ всѣми богатствами Тирскими и Сидонскими, все было дивно, пышно, и вмѣстѣ прочно, по тому что не щадили вещества, а искали одного великолѣпія, и храмы Божества уподоблялись, въ сіяніи и лѣпотѣ своей, своду небесному, усѣянному звѣздами. Въ наши убогіе дни, когда и злакъ на службу скотомъ отпускается вѣсомъ, и каждая плаха

дровъ мѣрится аршиномъ, мы хотимъ замѣнить бѣдность вкусомъ, и въ пріятной простотѣ ищемъ великолѣпія, но она дать его не можетъ: не все хорошее богато и величаво. Художество иконописца никогда не произведетъ сіянія, которымъ золото освѣтитъ величайшее пространство. Входя въ церковь Божію, я хочу быть ослѣпленъ сіяніемъ славы Господней, котораго и солнце есть токмо слабой оттѣнокъ: колико меньше поражается взоръ мой одними повапленными стѣнами! Съ какимъ бы художествомъ они ни были расписаны, простой иконостасъ представляетъ мнѣ только перегородку компатную, и чувства мои не трогаются. Царскія врата отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра расходятся; надобенъ крючокъ, чтобъ держать ихъ затворенными: это не тѣ тяжелыя дверницы, которыя, разверзаемы будучи двумя, или тремя, служителями, изображаютъ вереи вратъ святыхъ внѣшнихъ, зрящихъ на востокъ. Я не обращаю взоръ мой на небо, чтобъ видѣть рядъ, два и три колосальныхъ изображеній нашихъ Пророковъ, какъ въ древнихъ храмахъ, гдѣ они осѣняютъ олтарь и какъ бы сходятъ съ неба, дабы землю озарить своимъ свѣтомъ: все въ мой ростъ, въ мою мѣру, все просто и ничтожно, какъ я. Когда Соломонъ, созидая храмъ свой, и обновя его, сказалъ: «Аще небо небесе не довлѣютъ Тебѣ, кольми паче храмъ сей,» то что же останется сказать намъ о нашихъ церквахъ, которыя такъ различествуютъ въ богатствѣ и велелѣпіи отъ Соломонова, какъ отстоитъ хижина Малоросса отъ чертоговъ Царскихъ! Простота убранства имѣетъ свою цѣну, но въ комнатѣ уединенной, въ свѣтелкѣ простолюдина. Въ храмѣ пусть будетъ вездѣ золото, серебро, камни драгоцѣнные. Увы! Гдѣ намъ взять ихъ? Вотъ причина, отъ которой наши Соборы такъ бѣдны, низки и построены, въ удовольствіе наше, со вкусомъ. Таковъ и Домницкой храмъ внутри. Всѣ эти мысли вошли мнѣ въ голову именно тогда, какъ Ѳеофанъ столь выразительно читалъ паремію: «Ста Соломонъ предъ лицемъ жертвенника Господня.» Я вздохнулъ и подумалъ: нынѣ серебро и золото нужно на монетной дворъ, а для церкви довольно и глины съ красками. Пожалѣемъ о нашей бѣдности!

17-го. Сказавъ прости пустынѣ здѣшней, павамъ и журавлямъ, кои ужинали ежедневно у ногъ моихъ, на крыльцѣ, и впредь уже меня не увидятъ, мы поѣхали въ Кіевскую Губернію. Зять, сестра, сынъ ихъ и мы съ своимъ семействомъ поднялись

съ утра на 33 лошадяхъ. Дождь выпроводилъ насъ изъ селенія и прибилъ пыль по дорогѣ. Обѣдали мы въ Веркіевкѣ, * село, принадлежащее Графу Безбородку. Вся Малороссія наполнена его имѣніемъ. О немъ молва носится повсюду, какъ о владѣтелѣ многихъ Нѣмецкихъ княженій. Корчма или шинокъ тутъ чистъ и опрятенъ. Старой Жидъ съ молодою женою услуживаютъ проѣзжимъ, чѣмъ сами богати, а природа такое множество питаетъ мухъ, что безъ товарищества съ ними ни ѣсть, ни пить, ни отдохнуть не можно. Выкормя лошадей, двинулись далѣе и ночевать пріѣхали въ Нѣжинъ. Городъ—Греками населенной, въ которомъ невольно придутъ на мысль Аѳины, хотя, впрочемъ, мало, думаю, съ ними сходствуетъ. Недалеко отсюда встрѣтились намъ гуляки, я услышалъ Русскія пѣсни, сердце мое затрепетало. Я по поясъ высунулся изъ кареты, закричавши: «Наши, Русскіе!» Въ самомъ дѣлѣ нашей стороны мужики, числомъ до 10, шли съ работы изъ Нѣжина домой; я имъ обрадовался, какъ пріятелямъ: вотъ что значитъ родина! И послѣ этого можно ли меня увѣрить, что я въ отечествѣ своемъ, когда бываю въ Украйнѣ, въ Курляндіи, или на Вяткѣ? Нѣтъ, все мнѣ чужое за областью той, въ которой я родился. Ни какой наемной, или раболѣпной, политикъ меня въ противномъ не удостовѣритъ. Въ Нѣжинѣ стоятъ конные полки. Сумерки не позволили мнѣ шататься по городу. Мы стали въ трактирѣ. Придумали, прежде всего, какъ бы защищаться отъ мухъ, которыхъ здѣсь бездна. Напившись чаю, поспѣшили отужинать и лечь спать, чтобъ, ранѣе вставши, цѣлой день мыкаться по городу, а въ немъ есть чего смотрѣть, есть съ кѣмъ видѣться. Сюда пріѣхала Нелюбова съ матерью, которая долго жила въ нашемъ домѣ, единственно для насъ. Мы ей очень обрадовались: свычка есть первая степень пріязни, и на ней болѣе, нежели на союзѣ самаго родства, основывается чистая и непринужденная любовь человѣческая.

18-го. Семь лѣтъ тому назадъ, какъ былъ я въ Нѣжинѣ, и молвилъ о немъ нѣчто въ моемъ путешествіи. Въ большихъ столичныхъ городахъ много перемѣнъ найдешь въ столь долгое

* Мѣстечко при колодцахъ, въ 12 в. отъ своего Уѣзднаго города (Нѣжина), съ 228 дв. или почти 6 т. населенія, 2 церквами, ярмаркой. О. Б.

время, въ другихъ совсѣмъ противное: рѣдко что либо прибавишь къ прежнимъ своимъ примѣчаніямъ. Тогда я, по милости родныхъ моихъ, видѣлъ Нѣжинъ, такъ сказать, изъ окошекъ гостепріимнаго обывателя, Клицы; а нынѣ, подъ рукиводствомъ тѣхъ же моихъ родныхъ, зятя и сестры, мы провели въ Нѣжинѣ весьма пріятно цѣлыя сутки, и свели хорошія знакомства. Стану по порядку описывать предметы, кои дѣйствовали на мое любопытство и занимали меня съ утра до вечера:

1-е. Греческой монастырь или церковь очень хорошо устроена; я былъ въ ней, но, къ сожалѣнію, службы не засталъ. Обѣдни поются очень рано; для богослуженія сюда недавно прибыли два монаха и Діаконъ изъ Іерусалима. Греки очень ими довольны.

2-е. Въ монастырѣ, именуемомъ Назаретъ, я того же нашелъ почтеннаго Архимандрита, который прежде въ немъ былъ. Нынѣ онъ свободенъ отъ Семинаріи, и живетъ для пользы одной обители своей. Попеченіемъ его прекрасно отдѣланъ храмъ соборной; вотъ что называется Домъ Божій: обширенъ, высокъ, богатъ. Стѣнное письмо исправлено по его мыслямъ и представляетъ всю исторію сотворенія міра. Всѣ соборы и таинства церкви Греческой въ лицахъ. Работы много, и, конечно, времени и денегъ на оную употреблено немало. Скромной Настоятель и благодушной инокъ, Викторъ, вспомнилъ меня, принялъ очень ласково, самъ водилъ въ церковь, изъяснялъ всю живопись историческую и духовную, и посѣтилъ насъ на квартирѣ, вызывался даже охотно отслужить для насъ Обѣдню на другой день, но время и распорядокъ путешествія не позволили намъ на сіе согласиться. Отъ него я въ подарокъ получилъ печатную книжку, съ описаніемъ этого монастыря, изъ которой все подробно можно о немъ узнать. И такъ, я, не распространяясь далѣе, замѣчу только одно, что можетъ быть мнѣ прежде Архимандрита въ умъ вошло, что на одномъ столпѣ изображены портреты: Владиміра, Петра І-го и Александра. Сей послѣдній, держа скипетръ въ одной рукѣ, указываетъ другою на множество регалій, окружающихъ его, тогда какъ противъ его, на другомъ столпѣ, въ симметрію написанъ Царь Соломонъ, которой представленъ отметающимъ скипетръ и гласящимъ, воздѣвъ руки на небо: «Всяческая суета!» Какая противоположность удачная въ картинахъ! Мнѣ она чрезмѣрно полюбилась. Не знаю, было ли оно въ намѣреніи живописца, но нельзя не похвалить такой счастливой идеи.

3-е. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ такого числа учебныхъ заведеній, какъ въ Нѣжинѣ. Заложенной при мнѣ корпусъ для Училища высшихъ наукъ, иждивеніемъ Графа Безбородки, совершенно оконченъ и скоро откроется въ немъ новой вертоградъ Словесности. Замокъ обширной, въ 4 этажа, весь каменной, съ большою колоннадою, фасадъ щегольской, при немъ огромной садъ и большая усадьба земли. Повѣтовая Гимназія сама по себѣ имѣетъ каменный въ 2 этажа домъ, приближающійся къ отдѣлкѣ. Особо учреждено Греческое Училище, которое недавно открыто, а въ добавокъ къ симъ тремъ заведеніямъ, иноземецъ Французъ содержитъ нансіонъ, въ которомъ до 14 благородныхъ дѣвушекъ хорошихъ домовъ обучаются разнымъ наукамъ и художествамъ за умѣренную плату. При такихъ способахъ должно надѣяться, что Малороссійские Дворяне не станутъ жаловаться на недостатокъ просвѣщенія. Дай Богъ! Только, чтобы оно было связано съ хорошею нравственностію. Украшенный домъ съ гнилымъ сердцемъ есть гибельное пріобрѣтеніе и для себя, и для другихъ.

4-е. Гостинной дворъ все такъ же тѣсенъ, бѣденъ и плохъ, какъ былъ прежде; ни кто о немъ, видно, не думаетъ; не вездѣ найдешь Викторовъ. Купцы всѣ лучшіе нынѣ на ярманкѣ въ Ромнахъ; и такъ ряды пусты; соблазниться не чѣмъ; тѣмъ лучше для путешественника расточительнаго, но не богатаго.

5-е. Подъ названіемъ кофейни здѣсь есть сборище мущинъ; я толкнулся туда: комната маленькая, въ которой нѣсколько Грековъ и Русскихъ играли при мнѣ въ карты и курили трубки, на подобіе Московскаго Англійскаго клуба; дыму здѣсь еще больше, чѣмъ тамъ, по тому что тѣснѣе, и какъ я удивился, увидя, что за однимъ столомъ играли два Грека въ марьяжъ, а за другимъ Грекъ и нашъ братъ, Россіянинъ, въ трисетъ въ двоемъ. Помню, что я и самъ любилъ въ него играть въ четверомъ, но съ роду не видывалъ, чтобъ тѣшились въ трисетъ глазъ на глазъ: чего не встрѣтишь, объѣхавши до тысячи верстъ! Я посидѣлъ между ими, напохался кофею, провонялъ табакомъ, и ушелъ скоро на чистой воздухъ.

Въ Нѣжинѣ стоитъ Кіевской драгунской полкъ. Онъ весь

сведенъ изъ деревни въ городъ для ревизіи, къ которой ждали на дняхъ уполномоченнаго Генерала отъ Фельдмаршала, и весь полкъ въ большой суетѣ. Тутъ живетъ Бригадной Генералъ, иностранной породы, и хорошій, кажется, хлѣбосолъ, женатъ на Полячкѣ, очень пріятнаго обращенія и довольно скромной. Она сама никогда не бывала въ Варшавѣ и не заразилась чумой тамошняго кокетства.

Рѣка въ городѣ отвратительна: она заросла тростникомъ и болѣе похожа на болото. Отъ этого ни кто не гуляетъ по набережной, которая отдѣлана и окружена надолбами, уподобляющими берега ея булевару. Но чего лучше для прогулки Безбородкина сада? Онъ всякое Воскресенье открытъ для публики. Улицы грязны и худо намощены; домовъ много, но жители также, какъ и вездѣ, въ подобныхъ городахъ, прячутся по своимъ свѣтелкамъ и мало сообщаются. Всѣ добываютъ деньги, и удовольствія ни кто не ищетъ! Я всегда объ этомъ жалѣю: что и въ деньгахъ, когда онѣ лежатъ? Около города всѣ поля и огороды засѣяны табакомъ: здѣсь важной торгъ имъ производится, его возятъ во всю Россію. Вишенъ много, но только крупны, а съ Владимірскими не равняются, отмѣнно кислы; однако жители и тѣми лакомятся. Довольно на сегоднишній день. Завтра прибавлю нѣчто о провожденіи нашего времени, пока здѣсь пробыли.

19-е. Сестра моя, любя новую свою родину, имѣя въ ней хорошихъ пріятелей и родственниковъ по мужѣ, старалась показать намъ всѣ здѣшнія общества, въ лучшемъ ихъ видѣ, и ознакомила насъ со многими. По утру мы принимали визиты къ себѣ, а послѣ обѣда сами ихъ развозили. Генералъ Поль просилъ насъ къ себѣ обѣдать. Квартира его не велика и не пышна, но отѣнена будучи садомъ и деревьями, пріятнѣе золотыхъ карнизовъ, въ жаркое время дня. Онъ и жена его—любезные хозяева. Накормили насъ очень хорошо, и подъ звуки клавикордъ наши дѣти попрыгали между собою.

Ѣздили потомъ къ Рубану, отставному Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и человѣку пожилому; съ нимъ жена и внучикъ. Когда я служилъ въ гвардіи, онъ былъ Совѣтникомъ въ Петербургскомъ Банкѣ. Мы вспомнили съ нимъ красоты того вѣка и тогдашней жизни. Екатерина ему пожаловала 400 душъ около Гродна и Королевскій домъ со многими строеніями, по ходатай-

ству Б..., котораго онъ тѣшилъ своею шутливостію. Щедрая награда великой Монархини! Въ Банкѣ сидя, мудрено ее выслужить. Это былъ подарокъ фавориту Вельможи. Рубанъ тамъ жилъ и наслаждался до прихода Французовъ: злодѣи его не пощадили и ограбили. Онъ продалъ свое имѣніе за безцѣнокъ, взялъ деньги, и пріѣхалъ съ ними доживать вѣкъ свой въ Нѣжинѣ, краю своемъ отечественномъ. Купилъ маленькой домъ, запасся плодами и ходитъ по вечерамъ въ кофейню играть въ трисетъ самъ другъ. Вотъ какъ сильно дѣйствуетъ привязанность къ родинѣ!

Посѣтили Клицу. Его не было въ домѣ: онъ въ Ромны поѣхалъ на ярманку, сбывать пушной товаръ, которымъ ведетъ торгъ съ Царемъградомъ и Черноморскими портами. Жена его, беременная на сносяхъ, приняла насъ очень ласково, потчивала насъ фруктами и напоила чаемъ. Домъ ихъ въ томъ же положеніи, въ какомъ я его видѣлъ въ 1810 году. Онъ живо мнѣ напомнилъ тогдашнее веселое мое путешествіе. Тотъ же садъ, бесѣдка и цвѣтники. Я тутъ обрадовался тополу, увидѣвши въ первой разъ это красивое дерево, послѣ толь великой съ нимъ разлуки. Новаго въ покояхъ замѣтилъ только то, что, вмѣсто портрета Князя Лобанова, повѣшенъ портретъ Князя Репнина: это въ порядкѣ вещей; и въ церквахъ иногда образа на налоѣ перемѣняются, смотря по днямъ и святцамъ. Политика того же обряда держится и въ своихъ храмахъ, а мы у нея перенимаемъ.

Въ будніе дни здѣсь ни какого собранія не бываетъ; но для насъ Генералъ Поль пригласилъ многихъ жителей города въ Безбородкинъ садъ. Тамъ услышали мы полковую музыку, увидѣли многихъ Офицеровъ, и сдѣлалось изрядное собраніе. Это привлекло многихъ простолюдиновъ; на широкой площадкѣ подъ тѣнью (или тѣни уже не надобно было въ вечеръ тихой и прекрасной), скажемъ лучше, подъ крышкой большихъ деревъ, открылся балъ. Всѣ мы, старые и малые, пустились танцовать. Мазурка, попури и прочіе танцы заняли молодежь до сумерекъ, и мы не разъѣхались, а разошлись пѣшкомъ, при лунномъ сіяніи.

Нѣкто Полковникъ Краснокутской, женившійся недавно на пригожей дѣвушкѣ, Ширковой, родственникъ моего зятя, пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на чашку чаю: мы всѣ пошли къ нему маршемъ; онъ имѣлъ квартиру близко сада. Музыка слѣдовала за нами, Офицеры такъ же, и у него продолжался балъ

почти до полуночи. Онъ живетъ очень хорошо. Покои пространные, вишенъ и конфектъ нашли у него множество, и тутъ прекраснѣйшимъ образомъ кончили день, которой столько былъ веселъ, сколько того желать позволено въ Нѣжинѣ. Но сіи забавы не принадлежали городу: мы ими въ полной мѣрѣ обязаны были ласковости Генеральши Поль, которая около себя умѣла собрать кругъ лучшихъ людей въ городѣ. Между простолюдинами въ саду я занялся однимъ Грекомъ, пріѣхавшимъ недавно изъ Константинополя: тамошній урожденецъ пріятнѣйшей наружности и одѣтый по Турецки: чалма весьма къ нему пристала. Нашъ балъ воздушной ему очень полюбился. Пока молодые наши Офицеры и барышни у Полковника Краснокутскаго вальсировали, я съ хозяиномъ долго говорилъ о послѣдней войнѣ, въ которой, судя по множеству орденовъ, покрывшихъ всю грудь его, принялъ онъ блистательное участіе. Разговоръ его, очень занимательной, заставилъ меня забыть и часы и ужинъ. Простясь съ нимъ и съ милой его женою, со всѣмъ обществомъ того дня, особенно поблагодаря Генерала Поля за его вниманіе къ намъ, мы поѣхали къ себѣ, очень признательны къ зятю и сестрѣ, которые доставили намъ здѣсь такъ много удовольствій. И вотъ все, что я могу сказать о Нѣжинѣ.

Сегодни мы выѣхали рано изъ города, и за 20 верстъ отъ онаго остановились обѣдать въ селеніи казенномъ. Тутъ слишкомъ 1000 душъ, при нихъ два Попа: они вышли къ намъ на встрѣчу у церкви, въ епитрахиляхъ и съ крестомъ; мы вышли изъ каретъ и приложились; они насъ покропили святою водою, и у младшаго изъ нихъ мы стали на квартирѣ. Изъ разговора съ нимъ я увидѣлъ, что онъ худо учился, или вовся не былъ въ Семинаріи, а по сиротству жилъ при Архіерейскомъ домѣ и прислуживалъ Его Преосвященству, за что наконецъ получилъ санъ Пресвитерской. Священники здѣсь очень бѣдны; за требы имъ платятъ мало, на пр., похороны, которые, къ несчастью, чаще бываютъ всего, самой богатой селянинъ платитъ 20 к., и на это есть причина. Въ Малороссіи обычай на поминкахъ и погребеніи сзывать весь міръ, и всѣхъ крестьянъ потчивать горѣлкой и столомъ. Эта издержка такъ важна сама собою, что ужь Попу много дать не изъ чего. И такъ позвать Попа стоитъ дорого хозяину, но безъ пользы для него самаго. У насъ, въ Москвѣ, на вы-

воротъ: тамъ мертваго разорятъ духовные гости, а не своя
братья.

Въ этомъ селѣ вино на откупѣ; и по тому, когда около его
панскіе мужики достаютъ горѣлку за 4 руб. ведро, здѣсь обы-
ватель платитъ за него отъ 8 до 9 руб., и естественно откупъ не
въ барышахъ, а отъ посторонней продажи, или, по нашему, кор-
чемства, ни какіе дозоры и границы откупщика не защитятъ.

Отсюда мы доѣхали ночевать 20 верстъ далѣе, въ имѣніе
Князя Кукуатова, родственника моего зятя. Его самого дома
не было: насъ встрѣтилъ зять на крыльцѣ. Онъ съ утра очень
рано розно съ нами ѣздилъ въ сторону къ одному помѣщику,
прежде насъ прибылъ сюда. Домъ хозяйской низокъ, невеликъ
и крытъ соломой, однако мы въ немъ очень покойно расположи-
лись на одну ночь. Садъ большой, регулярной и содержится
очень хорошо: видно, что помѣщикъ охотникъ. Аллеи длинныя,
широкія и тѣнистыя, цвѣтовъ много и плодовитыхъ деревъ до-
вольно; одно неудобство: низкое мѣсто окружено лугами и, слѣ-
довательно, мухъ и комаровъ въ саду пропасть. Сюда дорога ле-
житъ степью, по лугамъ необозримымъ, мѣста тинныя, болоти-
стыя, и часто испытывали мы, въ каретѣ сидя, непріятные толч-
ки; грязи такъ много въ иныхъ мѣстахъ, что безъ осмерика едва
можно ли осенью здѣсь проѣхать въ Англійской каретѣ. Здѣсь
зачали уже мы обонять запахъ кизика, отъ котораго я дав-
но отвыкъ. Въ этомъ селѣ, по имени Макіевка, * душъ до 800,
и только два пана, слѣдовательно, меньше ссоръ. Нигдѣ такъ
не удобно проѣзжему стѣны марать стихами и прозой, какъ въ
здѣшнихъ мазанкахъ и домахъ: они всѣ выбѣлены; но у Князя
Кукуатова я нашелъ другой способъ. На окошкахъ поста-
влены широколиственныя оранжерейныя растенія въ горшкахъ: я
не ботаникъ, и назвать ихъ не умѣю. На нихъ самъ хозяинъ на-
чертилъ привѣтствіе путешественникамъ, и они, по его пригла-
шенію, пишутъ на тѣхъ же листахъ свои комплименты хозяину.
Я такъ былъ неучтивъ, что не оставилъ почерка своего сквер-

---

* Или Мокіевка, мѣстечко, при рѣчкѣ Переводѣ, въ 45 в. отъ Нѣжина, съ 227 дв. или 1650 д. населенія обоего пола, церковью и 2 ярмарками. О. Б.

наго на этомъ прекрасномъ растеніи, да и признаться, не умѣлъ на этой бумагѣ литеръ ставить.

20-е. Мы проѣхали верстъ 20, и обѣдали въ Пестовщинѣ (такъ называются Польскіе заводы Графа Петра Кириловича Разумовскаго). У него живетъ Англичанинъ и дресируетъ лошадей: онъ лѣтъ съ 5 въ Россіи, и довольно хорошо изъясняется на нашемъ языкѣ. Жена его въ самомъ жалкомъ состояніи: недавно пріѣхавши сюда изъ Лондона, она ни кого не понимаетъ, и сама непонятна: ни слова по Русски еще не знаетъ и плачетъ. Чего не дѣлаютъ нужда и деньги? Поблагодаримъ стократно Бога, что мы не въ ея положеніи. Мужъ ея беретъ за труды свои, кромѣ разныхъ мѣстныхъ выгодъ, ни чего не стоющихъ помѣщику, 1000 руб. деньгами и, кажется, равнодушнѣе жены переноситъ свой удѣлъ. Онъ насъ очень ласково принялъ въ свою комнату, и позволилъ намъ въ Графскомъ домѣ обѣдать. Но здѣсь Графской домъ такой же хуторъ, какъ и прочіе, только попространнѣе; видно, что Графъ не бывалъ здѣсь никогда и впередъ не будетъ. А для лошадей его много строенья поставлено. Послѣ обѣда Англичанинъ водилъ насъ въ манежъ, казалъ лучшихъ лошадей, и на одной, сѣвши самъ верхомъ, перескакивалъ черезъ палку, во весь галопъ, довольно высоко. Я не стану говорить о красотѣ лошадей, по тому что въ этомъ толку не знаю; скажу только, что, по цѣнѣ, должны быть онѣ прекрасны. Та, на которой онъ свои штуки намъ показывалъ, стоитъ, по его словамъ, 1500 руб. Какая страшная цѣна! Какъ ни хвали ее, а все не больше, какъ скотина, которая и того не выработаетъ, что кляча простая, Русская, въ возу, у Орловскаго ямщика, цѣною рублей въ 70, доставитъ ему барыша въ одну зиму. Прихоть на все полагаетъ свою таксу.

Отсюда мы пустились къ другому Графу, Алексѣю Кириловичу Разумовскому, на ночлегъ. Проѣхавши еще 25 верстъ, увидѣли славное его Яготино. Учтивый управитель, не меньше, какъ чиновникъ 6 класса, не позволилъ намъ стать ни въ которомъ флигелѣ Графскомъ; и такъ мы принуждены были остановиться у одной бѣдной паньи, Подполковницы, которая, не смотря на тѣсноту своей хаты, подѣлилась ею съ нами. Душно было у нея ночевать, мухъ пропасть, но безъ нея пришлось бы подъ покровомъ неба, въ каретахъ, дождаться утра.

Яготино есть увеселительной замокъ послѣдняго Гетмана, Фельдмаршала Разумовскаго, отца нынѣшняго помѣщика. Озеро большое, версты на двѣ, даетъ мѣстоположеніе прелестное. Отъ Дѣвицы до Яготина мы ѣхали все низкими мѣстами и болотами, а здѣсь начинаются возвышенности, и равнины пропадаютъ. Тутъ старый Гетманъ выстроилъ величайшій замокъ со многими флигелями, окружилъ ихъ садами и разными роскошными привольями: спрашивается на что? Самъ онъ дожилъ вѣкъ въ Батуринѣ, гдѣ и умеръ, а сюда пріѣзжалъ на очень короткое время: наслѣдникъ его едва и былъ ли здѣсь когда ни будь. Я не имѣлъ возможности видѣть ни замка внутри, ни саду, съ его затѣями, и только что проѣхалъ мимо, а по наружности судя, думаю, что тутъ много потрачено денегъ для всего того, что кидается въ глаза. Церковь круглая, съ однимъ куполомъ, обнесена колоннами, очень пригожей архитектуры. Всего больше плѣнила меня мельница и плотина: она продолжается версты на полторы, и ее можно прямо назвать une belle chaussée. Что мудренаго? Нѣсколько тысячъ Козаковъ положили ей основаніе, а додѣлывали Англичане. Гетманъ Малороссіи былъ маленькой полубогъ, особливо же, когда вспомнишь, что къ этому званію онъ присоединялъ титулъ фаворита Елисаветы, то найдешь все, что здѣсь видишь, очень натуральнымъ. Проѣхавши плотину, вы въѣдете въ дефиле, которой произведенъ не натурой, а вырытой для нея землею. Тутъ, по обѣ стороны, надъ каретой вашей сады и рощи совершенно плѣняютъ, между тѣмъ какъ сквозь деревъ озеро прохлаждаетъ ваше зрѣніе, давно не встрѣчавшее стихіи сей въ такой великолѣпной глубинѣ и пространствѣ. Яготино — совершенная картина; жаль, что на этомъ мѣстѣ не трудился геній Потоцкаго, которой сотворилъ Софіевку, а пуще всего жаль, что управитель невѣжа и не кажетъ ни кому всѣхъ подробностей этого сокровища природы. На него тѣмъ пріятнѣе взглянуть, что, проѣхавши мимо множества низменныхъ хатъ, разсѣянныхъ по болотистымъ равнинамъ, между кургановъ, въ близи и въ отдаленіи отъ дороги, напоминающихъ проказы Хмельницкаго, Дорошенки и Мазепы, обрадуешься всѣмъ сердцемъ монументу золотыхъ временъ, возникшихъ изъ Малороссійскихъ междоусобій. Во всю дорогу я занимался чтеніемъ исторіи здѣшнихъ краевъ, и мнѣ такъ живо представились битвы Петра, Карла и прочихъ

ихъ сподвижниковъ, что я насилу отдохнулъ отъ мысленнаго ужаса, когда увидѣлъ зданіе, перенесшее вдругъ мое воображеніе въ вѣкъ Елисаветы и Екатерины. При всемъ этомъ восхищеніи, я не могу не сдѣлать слѣдующаго примѣчанія: Когда вельможа строится и расточаетъ груды денегъ на великолѣпныя зданія, конечно, онъ болѣе изъ тщеславія это дѣлаетъ, нежели для собственнаго его удовольствія. Я не вѣрю, чтобъ кому ни будь было пріятно одному взадъ да впередъ шататься по колоссальнымъ заламъ и смотрѣть на богатыя свои утвари: все это приглядится и наскучитъ. Богачъ хочетъ, чтобъ ему дивились: онъ строитъ для того, чтобъ изумлять себѣ подобныхъ; даетъ пиры, дабы радоваться своимъ надъ другими превосходствомъ; сіе восхищаетъ его тогда, какъ онъ окруженъ свидѣтелями изъ числа тѣхъ, кои хотя бѣднѣе его по достатку, но по природѣ и уму входятъ съ нимъ въ совмѣстничество. Ни кто не сотворитъ Кускова и Останкина для черни Московской. Владѣтель сихъ садовъ любилъ окружаться равными себѣ въ чинахъ и достоинствахъ, и наслаждаться полнымъ торжествомъ слѣпой фортуны, которая на него одного разсыпала свои щедроты. Естьли мысль моя справедлива, то справедливъ и вопросъ: на что такую громаду камней и лѣсовъ воздвигнуть въ степи, гдѣ ни кто не посѣтитъ вельможи? А естьли и пріѣдутъ къ нему мелкіе его сосѣди безъ вкуса и познанія, то какая бѣдная пища для самолюбія? Горенки Разумовскаго подъ Москвою я зачалъ знать съ младенчества, а Яготино * увидѣлъ случайно, и то за 50 лѣтъ, когда ужь мои восторги очень холодны. О Горенкахъ, Архангельскомъ, Кусковѣ, многіе въ Европѣ знаютъ, не только въ Россіи, а Яготино и самъ помѣщикъ едва ли видѣлъ во всей его красотѣ. Судя по себѣ, я всегда сожалѣю о тѣхъ человѣческихъ трудахъ и денежныхъ издержкахъ, кои не приносятъ людямъ удовольствія, а владѣльцамъ пользы. Можно и въ степи поставить Петергофской

* Или Яготинъ, мѣстечко, при рѣкѣ Супоѣ и рѣчкѣ Иржавцѣ, въ 58 в. отъ своего Уѣзднаго города, Пирятина, съ 230 дв. или 1875 населеніемъ, 2 церквами, станціей, 4 ярмарками, базаромъ и заводомъ. Принадлежитъ женатому на дочери Алексѣя Кириловича Разумовскаго, Князю Николаю Григорьевичу Репнину, бывшему Малороссійскому Военному Губернатору съ 1818 по 1836 г. (ум. 1845 г.) и потомству его. О. Б.

дворецъ, но къ чему? Все у мѣста хорошо, а здѣшнимъ панамъ нѣкогда ѣздить смотрѣть на чужіе фонтаны и галереи. Они заняты жнитвомъ, сѣнокосомъ и своею дражайшей горѣлкой, которая поитъ ихъ и кормитъ.

21-е. Изъ Яготина мы поѣхали большой Переяславской дорогой: пыль, жаръ и мухи насъ замучили. Сестра и зять выѣхали ранѣе, и дождались насъ въ 30 верстахъ отсюда, у одной знакомой, гдѣ и мы должны были сегодня провести весь день. Барыня очень добрая, мужъ ея, Г. Капевской, былъ въ Полтавѣ Генеральнымъ Судьею, и рѣшился, взявъ отставку, поселиться въ этой деревнѣ. Имѣніе большое, домъ очень хорошъ, въ сравненіи съ простыми хуторами Малороссійскихъ помѣщиковъ, убранъ чисто и во вкусѣ нынѣшнемъ. У хозяина дочь, взрослая дѣвушка, играетъ на фортепіанѣ; оно не разстроено и не сохранилось отъ временъ прежнихъ Царей, какъ то у многихъ бываетъ, но куплено въ Кіевѣ въ Контракты и, слѣдовательно, не уступаетъ инструментамъ Московскихъ причудницъ. Садъ великъ, сытенъ, всѣ аллеи посажены вишневыми деревьями: вы найдете разные роды ихъ, отъ шпанской крупной до самой мелкой; я ихъ ѣлъ безъ устали цѣлой день, и самъ рвалъ съ дерева. Вечеръ былъ прекрасной; день отмѣнно душенъ: мы принуждены были затворить ставни, какъ то въ Одессѣ жители дѣлаютъ, дабы защититься отъ зною и мухъ. Стола я очень похвалить не могу: онъ состоялъ изъ борща и нѣсколькихъ, самыхъ простыхъ, поваренныхъ приготовленій. Вино, пиво и всѣ напитки вообще хороши. Ужинъ намъ подали въ 9 часовъ вечера, а въ 10 мы разошлись спать. Намъ надобно было рано вставать на завтра, чтобъ поспѣть къ Архіерейской Обѣднѣ въ городъ Переяславль, который отсюда въ пяти верстахъ. Барыня здѣшняго помѣстья очень гостепріимна, добра, ласкова, и мы должны ей быть очень благодарны. О мужѣ ея я ни слова не сказалъ по тому, что его не было дома: онъ въ дальней деревнѣ въ отлучкѣ.

22-е. Мы были у Обѣдни въ Переяславлѣ. Городокъ ни чего незначущій, * обнесенъ земляными валами: они одни соста-

* Какъ извѣстно, одинъ изъ древнѣйшихъ Русскихъ городовъ (упоминается уже въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками), испытавшій, въ многовѣковое свое существованіе, всю превратность судьбы, а отъ того, стоя на перепутьѣ къ

вляютъ памятникъ древней его славы; другихъ монументовъ нѣтъ. Ни кто уже не помнитъ жертвы свирѣпаго Святополка, того несчастнаго сына Владимірова, Бориса, который предпочелъ берега рѣки Альты славѣ побѣдоносной, не хотѣлъ вооружаться противъ брата старшаго, распустилъ воинство, посвятилъ себя Богу и умеръ насильственною кончиною; мечъ купнороднаго сразилъ его. О герояхъ слава гремитъ повсюду, о Борисѣ едва свѣдаютъ потомки. * Жалко смотрѣть на бѣдныя развалины такого города, который, послѣ Кіева, былъ нѣкогда изъ лучшихъ. Нынѣ въ немъ живетъ Архіерей Полтавской и служитъ Обѣдни въ пустомъ соборѣ. ** Мы видѣли его сегодня въ полномъ облаченіи: онъ скро-

---

Кіеву и Чернигову Азіятскихъ Ордъ, мало сохранившій старины въ себѣ, кромѣ, развѣ, самаго себя. Онъ находится между рѣками Трубежемъ и Альтой, впадающей при его верхнемъ городѣ или бывшемъ замкѣ въ первую, въ 264 в. отъ Полтавы и въ 90 отъ Кіева, съ 1300 дв. или за 10 т. населенія, 9 церквами, монастыремъ, Синагогой, Училищами Уѣздными Духовнымъ и Свѣтскимъ, также Приходскимъ и Еврейскимъ, 4 молитвенными школами, больницей, 4 ярмарками (особенно славится въ 10-ую Пятницу), нѣкоторыми фабриками и заводами. Послѣ перевода Семинаріи въ Полтаву Переяславъ особенно упалъ. О. Б.

* Совершенно ошибочно! Переяславцы ежегодно 2-го Мая, въ день перенесенія мощей Бориса и Глѣба, бывшаго при Владимірѣ Мономахѣ 1115 г., отправляются, съ крестнымъ ходомъ, за 3 версты, на мѣсто убіенія Бориса, гдѣ прежде стояла часовня, а теперь каменная церковь во имя Св. Бориса, съ предѣломъ во имя Глѣба (1841 г.), построенная Епископомъ Гедеономъ (Вишневскимъ, 1834—1849) въ 1840. Внутри ея находится, съ лѣвой стороны, каменный крестъ, поставленный въ 1664 году Переяславскимъ Успенскимъ Протоіереемъ, Григоріемъ Бутовичемъ. Мѣсто убіенія Бориса въ 1660 г. отдано было монахамъ Межигорскаго монастыря, собиравшимся построить на немъ также обитель, какъ на крови Страстотерпца, по выраженію грамоты имъ на то Царя Алексѣя Михайловича (Апрѣля 12), но обстоятельства не позволили исполнить задуманное; однако, они, завѣдывая симъ мѣстомъ изъ подворья своего въ ближнемъ селѣ, Демянцахъ на Альтѣ, подаренномъ имъ 1642 г. паномъ Кириломъ Огрызкомъ и утвержденномъ Королемъ Владиславомъ 1645, ежегодно служили молебны и панихиды въ день праздника (2-го Мая) у креста въ часовнѣ (капличкѣ) и послѣ водоосвященія угощали народъ; по упраздненіи же ихъ монастыря, они часовню эту передали Священнику Воздвиженской Демянской церкви, потомъ мѣсто это перешло къ сосѣднему помѣщику, Кондратьеву, въ хуторѣ Кондондовкѣ или Борисовкѣ, а въ 1837 г. часть его уступлена для построенія храма. См. Кіевлянинъ 1850. О. Б.

** Тоже ошибочно! При служеніи Архіерейскомъ обязаны были въ то время всегда

менъ, тихъ и съ благопристойностію предстоитъ Престолу, не истощаетъ силъ въ своихъ жеманствахъ и кривляньяхъ, говоритъ и читаетъ просто. Пѣвчіе не хороши, и это странно! Малороссія издревле славилась церковными пѣвцами, но они свой напѣвъ потеряли, Италіянской худо переняли, и гармонія изчезла: одно искуство принужденное замѣнило старинное сладкопѣніе. Соборъ небогатъ, но свѣтелъ и обширенъ; въ немъ почиваютъ мощи Преподобнаго Макарія, въ серебряной ракѣ. * Между иконами за-

---

находиться воспитанники Переяславской Семинаріи и Духовныхъ Училищъ, которыхъ всегда почти бывало за тысячу. Но въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда воспитанники разъѣзжаются по домамъ родителей и родственниковъ своихъ, точно соборъ могъ показаться Князю пустымъ. О. Б.

* Онъ родился въ городѣ Овручѣ Волынской Губерніи, въ 110 в. отъ Кіева, отъ родителей Токаревскихъ, рано поступилъ въ тамошнюю обитель, былъ Іеродіякономъ и Настоятелемъ Архимандритомъ оной цѣлыхъ 16 лѣтъ, но послѣ опустощенія ея въ 1671 г. Ляхами, по наущенію Езуитовъ, удалился въ Кіевъ, а изъ него поступилъ въ Настоятели Каневскаго монастыря при Гетьманѣ Дорошенкѣ, въ коемъ пріютилъ разъ Юрія Хмельницкаго у себя въ 1672 , а въ 1678 замученъ Турками и Татарами во время нашествія ихъ на Малороссію, двинувшихся послѣ осады Чигирина вверхъ по Днѣпру: 4 Сентября они взяли Каневъ, разорили его, зажгли каменную церковь обители, въ которой жители заперлись, и задушили въ ней всѣхъ, а Архимандрита ея, Макарія, мучили нещадно и обезглавили (того же Сентября, въ четверкъ). По уходѣ Невѣрныхъ, тѣло мучиника было похоронено въ томъ же храмѣ, подъ жертвенникомъ; при возобновленіи его въ 1688 г. оно найдено совершенно цѣлымъ, и того же 1688 г., Марта 13, перенесено въ Переяславъ (въ 40 в. отъ Канева), гдѣ и поставлено, съ начала въ войсковой Воскресенской церкви Переяславскаго полка, потомъ въ возобновленномъ, въ 1713 г., Преосвященнымъ Захаріемъ Корниловичемъ, каѳедральномъ Михайловскомъ монастырѣ (разоренномъ еще Батыемъ), Ноября 8 дня, а по закрытіи его поставлено, 4-го Августа, 1786 г., въ соборномъ храмѣ Вознесенскомъ (стиля Западнаго, смѣшаннаго съ Византійскимъ, построеннаго 1695—1700 Гетьманомъ Мазепою), гдѣ и нынѣ почиваютъ. При этомъ храмѣ имѣли свое пребываніе, по просьбѣ Гетьмана, и Архіереи Переяславскіе, съ 1701 г., со времени возстановленія Епархіи, послѣ слишкомъ 4-вѣковаго упраздненія ея (послѣ разоренія Татарами въ 1239). Замѣчательно, что на печатной книгѣ: «Бесѣды Іоанна Златоустаго на 14 посланій Апостола Павла,» изданной въ листъ въ Кіевѣ 1623 (въ кожаной оправѣ) и принадлежавшей Священномученику, на оборотѣ 7 страницы онъ подписалъ: «Макарій Токаревскій, Архимандритъ Овруцкій, Игуменъ Пинскій, Купятицкій, Коневскій, содержай сію книгу Бесѣдъ Апостольскихъ, рукою власною.» Мощи почиваютъ на лѣвой сторонѣ иконостаса, при входѣ, въ нишѣ, въ кипарисной ракѣ, оправленной въ серебро и вызолоченной, на иждивеніи Бѣло-

мѣтить должно Богоматерь Переяславскую. Всякой городъ въ Россіи имѣетъ своего имени явленной образъ Дѣвы Маріи. Отслушавъ Обѣдню съ викторіальнымъ молебномъ, мы зашли къ пастырю: его недавно перевели изъ Новгорода, гдѣ онъ былъ Викаріемъ, зовутъ его Меѳодій; онъ насъ принялъ весьма учтиво и проводилъ до крыльца: человѣкъ, кажется, благоразумной, осторожной, скромной; * бесѣда его явѣ то творитъ. Здѣсь Семинарія, ** и довольно ученыхъ, между коими замѣчанія, по лѣтамъ своимъ, особеннаго достоинъ Протопопъ Домонтовичъ, украшенный наперснымъ крестомъ и орденомъ Св. Анны 2-й степени. *** Хо-

---

городскаго Епископа, Аггея Колосовскаго, 1791 г., жившаго тутъ на покоѣ. Память Преподобному мученику совершается 13 Мая, въ воспоминаніе перенесенія мощей его изъ трапезной Михайловскаго монастыря (построеннаго Св. Ефремомъ скопцемъ, Епископомъ Переяславскимъ, 1089 года) въ замкѣ, при впаденіи Альты въ Трубежъ, въ новоустроенную тамъ церковь (1750) послѣ пожара на прежнемъ мѣстѣ (бывшаго въ 1734 г.), во имя Архистратига Михаила, какъ и прежде именовалась она, будучи построена, вѣроятно, еще первымъ Русскимъ Митрополитомъ, Михаиломъ Сириномъ, имѣвшимъ пребываніе (по Никоновскому списку Нестеровой Лѣтописи, ч. 1, стр. 191) въ Переяславлѣ, равно какъ и его преемники. Перенесеніе это совершалъ въ то время Епископъ Никодимъ Сребницкій (1745 — 1751). По сему и въ Переяславѣ ежегодно въ тотъ же самый день бываетъ торжественное ношеніе мощей его передъ Литургіей вокругъ церкви на раменахъ священнослужителей изъ всѣхъ городскихъ и окольныхъ селъ приходовъ. Многіе богомольцы, идущіе въ Кіевъ, обыкновенно нарочно сворачиваютъ на Переяславъ, для поклоненія мощамъ угодника Божія, съ самой весны до глубокой осени, особенно въ Маѣ и Іюнѣ. О. Б.

* О немъ см.: «Первое путешествіе Князя И. М. Долгорукаго въ Одессу и Кіевъ,» въ 3-ей кн. «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1869 г., кн. II, отд. 2, стран. 74, примѣч., и отдѣльно. О. Б.

** Учрежденная въ 1738 г. Преосвященнымъ Арсеніемъ Берломъ (съ 28 Генваря, 1733 года, по 6 Іюня, 1744), Епископомъ же Іоанномъ Козловичемъ (съ 7 Марта, 1753, по 17 Марта, 1757) построенъ нижній ярусъ Семинаріи о 4-хъ отдѣленіяхъ, а Илларіономъ Кондратковскимъ (1776 — 1785) въ 1778 еще два, съ правой и лѣвой стороны (изъ худшаго кирпича, по тому уже обветшавшіе); надъ всѣми ими имѣлся деревянный ярусъ, для помѣщенія въ немъ грамматическаго и риторическаго классовъ и библіотеки, сгорѣвшій въ большой пожаръ. Въ существующемъ же и нынѣ каменномъ зданіи, по переведеніи мѣстопребыванія Епископовъ въ Полтаву 1847 г., а за тѣмъ, въ 1861 — 1862 г., и самой Семинаріи, помѣщается Духовное Уѣздное Училище. О. Б.

*** Ѳеодоръ Домонтовичъ, родомъ изъ мѣстечка Домонтова (близъ Днѣпра, Золотоношскаго Уѣзда), по коему и фамилію получилъ, воспитывался въ Кіевской

зяйка того села, въ которомъ мы гостили, сопровождала насъ къ Обѣдни, и вмѣстѣ съ нами воротилась домой. У нея мы отобѣдали и, переждавши жаркіе часы дня, поѣхали въ путь, ночевали въ 15 верстахъ, въ деревнѣ помѣщика, знакомаго зятю, но его не было тутъ, и такъ весь домъ былъ къ услугамъ нашимъ. Дорога сюда чрезмѣрно песчана: мы ѣхали 4 часа слишкомъ и постепенно приближались къ Днѣпру. Горы, объ онъ полъ его, уже восхищали зрѣніе наше, а на пути встрѣтили и мы змѣя. Рѣдко случается видѣть этотъ гадъ, которой такъ много зла надѣлалъ первому человѣку. Мы вышли изъ кареты; люди наши при насъ его убили, но онъ, однако, еще шевелился, хотя голова была оторвана. Недалеко отъ этого подвига, случай намъ представилъ и другой: мы увидѣли саранчу, гнались за нею и достигли. Вредное насѣкомое, обитатели жаркихъ климатовъ! И подлинно, здѣсь жары чрезвычайные, мы едва ихъ переносили. Что жь въ Лисабонѣ?... Домъ хозяина, у котораго мы остановились, такъ же низокъ, какъ и хаты; болѣе комнатъ и нѣсколько пошире: вотъ все различіе между помѣщика и его челядиновъ! Тѣ же крышки соломенныя и сѣни безъ половъ, дымъ отъ кизика противенъ непривычному обонянію, стѣны выбѣлены, но въ нихъ жилище вѣчное комарамъ и мухамъ, отъ которыхъ и мы едва могли уснуть. Окошко открыть—налетятъ мошки, закрыть—духота всѣ силы изнуряетъ: живутъ, однако, и здѣсь подобные намъ и имѣютъ свои прихоти.

Я весьма сожалѣю, что не могъ высмотрѣть города Переяславля: и подъ ветхой его наружностью могутъ скрываться сокровища для наблюдателя. Великіе Князья, переходя съ мѣста на мѣсто, основывая престолы свои то тамъ, то сямъ, любили, какъ видно, въ воспоминаніе оставляемыхъ столицъ, давать тѣ же имена другимъ городамъ: во Владимірской Губерніи есть городъ Переславль Залѣской: и здѣсь рѣка Трубежъ стекается съ рѣкою Альтой; и тамъ такъ же, да и въ Переславлѣ Разанскомъ, что нынѣ зовутъ просто Рязань, протекаетъ рѣка Трубежъ.

Академіи, гдѣ считался въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, оттуда поступилъ Префектомъ въ Переяславскую Семинарію; съ 1788 Священникъ Троицкой церкви, Протоіерей, Ректоръ, Членъ Консисторіи и т. д.; отличался ревностью и точностью на службѣ, а по тому не любилъ упущеній въ подчиненныхъ; славился также свѣдѣніями въ законахъ судебныхъ. Имѣлъ камилавку и наперсный крестъ. О. Б.

23-е. Долго мы еще ѣхали песками, и наконецъ явился Днѣпръ очамъ нашимъ: я взвидѣлъ его, и умилился, слезы невольно потекли на песчаной берегъ. Я вспомнилъ переселеніе бабки моей и героической подвигъ сей великой жены: эшафотъ дѣда моего при устьѣ Волхова, и схима жены его на горахъ Кіевскихъ, представились мысленному моему взору; въ другой разъ вижу Днѣпръ, и снова тѣ же чувства ощущаю. Сіи мученики, соплеменные мнѣ, наполняютъ всю душу собой. Долго мы переправлялись, экипажи шли на паромѣ, а мы переѣхали рѣку въ большой лодкѣ, противъ самаго Канева: мѣсто знакомое! Я въ немъ уже былъ въ 1810 году: цѣпь горъ по ту сторону Днѣпра, послѣ равнинъ болотистыхъ, которыя мы далеко за собою оставили, представляетъ пріятнѣйшую картину. Каневъ—мѣстечко казенное. Уніятской монастырь, на самой горѣ, пользуется мѣстоположеніемъ безподобнымъ. Пока наши кареты перевозились, мы заходили къ Архимандриту: я о немъ упоминалъ въ прежнемъ моемъ путешествіи. Тогда ни храмъ еще не былъ освященъ, ни онъ не имѣлъ митры; теперь и то и другое исполнилось. Зять мой меня съ нимъ ознакомилъ. Онъ управляетъ тутошней Семинаріей: въ ней обучается человѣкъ до 250. Теперь время вакацій, всѣ распущены, ни кого нѣтъ, кромѣ хозяина: онъ насъ принялъ дружелюбно и, чѣмъ могъ въ уединеніи своемъ потчивать, все намъ предложилъ: хлѣбъ, масло, бутылка вина, вишни: сихъ послѣднихъ у всякаго Малоросса пропасть. Онъ по Русски не изъясняется, а на Польскомъ языкѣ, и я съ трудомъ могъ его понимать, и нѣсколько лепеталъ съ нимъ по Латыни. Покои его чисты, опрятны, не такъ, какъ кельи нашихъ монаховъ, которые, отпѣвши Обѣдню, пьютъ и спятъ. Изъ комнатъ его видъ на Днѣпръ несравненной красоты. Каневъ не уступилъ бы мѣстоположеніемъ своимъ Кіеву, естьли бы по горамъ его наставили башни, соборы съ куполами и замки съ теремами. Каневъ со временемъ будетъ именоваться въ лѣтописяхъ нашихъ вѣковъ, какъ мѣсто, напоминающее свиданіе Екатерины съ двумя Монархами, изъ коихъ одинъ плѣнялъ нѣкогда ея сердце, другой участвовалъ въ ея замыслахъ, и оба съ равною ревностію ей угождали. Здѣсь былъ весною пожаръ, и домовъ до 56 сгорѣло, а едва примѣтно.

Нѣтъ ни чего страннѣе для насъ, Великороссовъ, какъ видѣть Архимандрита безъ бороды, съ остриженною вокругъ головою и въ сертукѣ. Такъ представился намъ Ксёнзъ Опатъ, по здѣшнему. Мы привыкли къ длиннымъ бородамъ, къ широкимъ рукавамъ и къ черным колпакамъ (клобукамъ) нашихъ монаховъ. Все, что ни отличаетъ человѣка духовнаго отъ свѣтскаго, намъ кажется грѣхомъ и соблазняетъ: не все ли равно, какъ Попа ни одѣнутъ? кажется такъ? но въ существѣ совсѣмъ другое: къ чему пріучишь глаза, того ищутъ они повсюду. Внѣшность все опредѣляетъ, и мы по ней примѣчаемъ званіе и характеръ публичной.

Утомясь отъ жару и отъ песковъ, наконецъ мы пріѣхали въ Ковали, и на новомъ мѣстѣ, хотя у тѣхъ же хозяевъ, снова облобызались. Обѣдали по Петербургски, почти въ 6 часовъ; переѣздъ хотя не великъ (отъ ночлега только 25 верстъ), но переправа трудна и медлительна, чего мы не предвидѣли, и ошиблись въ расчетѣ. Вечеръ, послѣ такого поздняго обѣда, былъ очень коротокъ, и мы, поужинавши, съ заспанными глазами бросились каждый въ свою постель, какъ убитые волшебною лозою Морфея.

24-е. Какъ я обрадовался, когда, проснувшись, вспомнилъ, что могу цѣлое утро быть свободенъ отъ ѣзды, не душиться въ каретѣ подъ знойными лучами солнца, не глотать пыли, летящей изъ подъ колесъ прямо въ каретныя окна, а въ своей комнатѣ дѣлать, что я хочу: отдыхать, нѣжиться, лѣниться. «Deus nobis haec otia fecit.» Какая разница между здѣшней и Черниговской деревней! Тамъ настоящая ссылка: взоръ упрется въ стѣну ограды, и за ней ни какого вида. Воображеніе ищетъ пищи, и ни что его не возбуждаетъ. Здѣсь, напротивъ, всюду разбросаны картины природы; она жива и разнообразна, въ каждомъ окошкѣ свой ландшафтъ: горы, овраги, долины, лѣсъ, всего найдешь. Жаль только, что вода далека и негдѣ на нее посмотрѣть. Впрочемъ, мѣстоположеніе, какихъ по здѣшнему краю не много. Когда я здѣсь гостилъ въ 1810 году, домъ еще не былъ отдѣланъ и мѣстность не имѣла своей красоты: теперь домъ совсѣмъ отстроенъ, прибранъ прекрасно, стѣны расписаны, комнатъ довольно и всѣмъ намъ было помѣщеніе покойное. Садъ разбитъ по горамъ и очень обширенъ; тѣни въ немъ много, но крутизны скоро заставляютъ присѣсть, а гулять долго утомительно; дорожки гладки, усыпаны пескомъ; по нихъ ходя, не боишься, чтобъ крапива ожгла, или сучекъ испортилъ глазъ: шагай смѣло вверхъ и внизъ, нигдѣ нѣтъ преграды; весь садъ обне-

сенъ каменными столбами съ дощатымъ заборомъ, чтобъ воръ мальчишка не соблазнился плодами и не обрывалъ ихъ по поламъ съ воробьями, прежде владѣльца, который трудится и, слѣдовательно, первой отъ плода вкусить долженъ. Здѣсь устроена хорошая баня: я въ ней окачивался холодной водой, въ первой разъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и всю пыль съ себя стрясъ. Часто приходилъ мнѣ на мысль тотъ годъ, въ которой я, путешествуя столь благоуспѣшно по здѣшнимъ краямъ, завернулъ и сюда: я вспомнилъ, какъ мы плясали въ неотдѣланной еще залѣ, какъ рѣзвились, съ какимъ восхищеніемъ я глядѣлъ на всѣ предметы, на людей, для меня новыхъ, на природу въ чужомъ климатѣ, которой такъ различествуетъ съ тѣмъ, гдѣ я родился, всякая малость приводила меня въ восторгъ, сердце мое охотно ему предавалось. Много перемѣны въ 7 лѣтъ въ моемъ автоматѣ: восторги простыли, все становится въ тягость удрученному сердцу, и мнѣ оставалось только наслаждаться въ настоящемъ воспоминаніемъ прошедшаго. Лѣта сильно дѣйствуютъ на нашъ тѣлесный составъ, печали отнимаютъ силы душевныя. Мы часто переносимъ удары рока съ такимъ мужествомъ, которое самимъ намъ, по времени, становится непостижимо; это подобно тѣмъ ранамъ, которыя человѣкъ сгоряча почти не чувствуетъ, когда кровь хлынетъ изъ растворенной язвы; но время, залечивая струпъ, сильнѣе дѣйствуетъ въ продолженіи своемъ на пораженные члены тѣла: такъ точно и душа, послѣ сильныхъ потрясеній, не терпитъ ужь той бѣды, которая прошла, но отъ послѣдствій ея приходитъ, день отъ дня, въ изнеможеніе, и едва не болѣе ли страждетъ въ выздоровленіи, нежели тогда, когда боролась съ напастію.

Добрая здѣшняя сосѣдка, Г-жа Казаринова, у которой я такъ былъ пьянъ въ день проводовъ, лишь свѣдала о второмъ моемъ сюда пришествіи, пріѣхала съ нами видѣться, и нашла, что старость помрачила уже веселыя черты моей физіогноміи. «Все проходитъ, Сударыня, сказалъ я ей: и моимъ радостямъ положенъ конецъ.» Мы смиренно просидѣли весь вечеръ на крыльцѣ. Съ ней пріѣзжалъ новой родственникъ и какой-то Маіоръ армейской съ своей женой и малолѣтней свояченицей; всѣ мы поболтали; она дождалась сумерекъ и уѣхала домой. Отсюда до нихъ только 5 верстъ, а мы еще полюбовались на Днѣпровскія окрестности и, съ солнцемъ распростясь до завтра, вошли въ покой

кончить день обыкновеннымъ порядкомъ, за хорошей студенью и съ рюмкой добраго вина.

25-е. Мы ѣздили за три версты въ село къ Обѣдни, и тамъ отслушали панихиду по матушкѣ, которая сегодня бывала имянинница. Церковь деревянная, ветхая, тѣсная и темная. Священникъ скоро служитъ, дурно читаетъ и все почти про себя. На панихиду съ нимъ выходили соборомъ еще два, сосѣднихъ селъ, Священника, и тѣ не затѣйливѣе его; а при трехъ Попахъ ни одного Дьякона. Въ здѣшнихъ церквахъ все ведется и все терпится. Въ теченіи дня ни чего не случилось особеннаго. Сосѣдка одна пріѣзжала съ дочерью обѣдать, и зазвала насъ къ себѣ въ гости, не только въ здѣшнюю деревню, но и въ Кіевѣ, когда будемъ, въ тамошній ея домъ. По полудни собрались тучи, пошелъ дождь и прохладилъ воздухъ, а къ вечеру заѣхали два Офицера, квартирующіе въ здѣшнемъ Повѣтѣ, Московскаго пѣхотнаго полку, и я съ ними, да съ барышнями нашими, игралъ до ужина въ лото. Какъ бы природа ни была красива, и она приглядится. Вечера нынѣ уже стали примѣтны, въ сумерки не разглядишь ни горъ, ни величавыхъ кедровъ, запрешься въ четыре стѣны, въ которыхъ жизнь украшается одною прелестью общежитія; а гдѣ люди съ людьми вмѣстѣ не находятъ инаго упражненія, какъ тасовать карты, вынимать нумера, ставить стеклышки въ гнѣзда, нельзя сказать, чтобъ было весело.

Помѣщу здѣсь нѣкоторыя примѣчанія на счетъ здѣшняго Богослуженія. Нѣтъ ни чего для меня страннѣе, что того же Исповѣданія люди, отправляя Службу въ церквахъ, по однимъ и тѣмъ же книгамъ, сообразно общему, одинакому, Уставу, такъ, однако, различествуютъ между собой въ обрядахъ и пѣснопѣніи, что, проѣхавъ отъ Москвы до Кіева, замѣтишь большую разнообразность; а въ храмахъ ей быть не должно, да и не трудно сдѣлать, чтобъ вездѣ было одинаковое служеніе. Иные скажутъ: «Что городъ, то норовъ, что село, то обычай.» Я не могу этой пословицы приложить къ церковному служенію; въ немъ долженъ быть одинъ обычай повсемѣстно: въ Питерѣ, въ Кіевѣ, въ Сибири и на Уралѣ. Коль та же Вѣра у людей, должны тѣ жь быть и обряды. Взгляните вы на войска отъ самой Невы до Байкала: Русскіе солдаты однимъ шагомъ учатся ходить, одними пріемами мечутъ ружье. Естьли свести полки, разсѣянные на нѣсколькихъ

тысячахъ верстъ разстоянія въ одинъ пунктъ, то, вѣрно, они одинаково дѣйствовать станутъ: а Попы наши, ежели сойдутся съ Москвы, съ Сѣвска, съ Пензы, съ Вологды, то я увѣренъ, что одинъ и тотъ же молебенъ, всякой изъ нихъ запоетъ своимъ манёромъ: а уставъ и правила у всѣхъ одни. Другіе опять скажутъ мнѣ старинную же пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ.» И ее здѣсь допустить не могу. Я далекъ отъ того, чтобъ быть ханжей, но признаюсь, что, когда я въ церкви, я люблю, чтобъ все было въ порядкѣ, чтобъ ни чего въ ней не дѣлалось по произволу Настоятеля и по какому либо принятому вкусу, а по Уставу общему, данному на всѣ церкви Греческія законодателями обрядовъ внѣшнихъ нашего Богослуженія. Странно видѣть и въ придворныхъ церемоніяхъ отступленія отъ принятыхъ правилъ: кольми паче въ домахъ Божіихъ долженъ быть вездѣ тотъ же духъ внутренній и тѣ же внѣшніе виды, безъ примѣси и отмѣны, или пополненія, по капризу. Часто говаривали мнѣ и духовныя особы, когда я съ ними бесѣдовалъ о сихъ предметахъ, что сущность вездѣ одна, а только обряды не вездѣ одинаковы, но я этого не извиняю, по тому наиболѣе, что нѣтъ ни какого труда установить вездѣ одинъ наружный порядокъ, а разницы сіи происходятъ отъ лѣни и небреженія: была бы лишь Обѣдня, Вечерня, Заутреня, а какъ ихъ отправляютъ Попы по селамъ, до этого пастырю и нужды нѣтъ. Конечно, внутренняя молитва есть основаніе нашихъ отношеній къ Богу. Движенія тѣла при семъ суть ничтожны. Согласенъ, на что Богу наши свѣча, кадила, поклоны, гимны, протяжно, или скоро, воспѣваемые? Ему видно наше сердце, и онъ пріемлетъ его сокрушеніе паче ѳиміама и семидала, о коихъ даже сказано, что они мерзость, когда не соединяются съ благими изволеніями души. Такъ, конечно, но не забудемъ, что мы люди, что на насъ плоть, что намъ даны чувства физическія, которыя поражаются внѣшностію, а отъ внѣшняго располагается нерѣдко и внутренній помыслъ. Трудно между тѣмъ и другимъ поставить ограду; пренебрегая иногда мелочами внѣшними, мы и сущности коснемся. Одно связано съ другимъ такъ, какъ и душа съ тѣломъ; стоитъ допустить одну отмѣну, тотчасъ появится тысяча, такъ какъ въ зданіи, вынувши сперва перегородку, не повреждающую всего строенія, захочется скоро и стѣну прорубить для пробы, или для простору

а тамъ другую, третью, и нечувствительно, разрушивъ самые углы храмины, повалишь весь замокъ: такъ точно и здѣсь. Сперва въ Греческой Церкви были только Епископы, Пресвитеры и Діаконы: сими тремя степенями кончалась вся лѣстница духовныхъ чиновъ; теперь посмотрите, чего у насъ нѣтъ? Архимандриты, Игумены, Строители; кто служитъ въ шапкѣ, кто въ колпакѣ (колпакѣ), на комъ лента красная, на комъ синяя, иной осѣняетъ, иной стоитъ на коврѣ, другой надѣваетъ на себя всякія ожерелья, тамъ Царскія врата всегда отворены, тутъ всегда заперты и, словомъ, такая смѣсь въ обрядахъ, что ежели бы сошли къ намъ Апостолы и увидѣли наше Богослуженіе, вѣрно бы они спросили: что мы такое выдумали, и въ какихъ преданіяхъ ихъ нашли подобныя диковинки? Я видѣлъ Жидовъ тамъ и сямъ, въ школахъ на молитвѣ, Католиковъ въ ихъ костелахъ, Лютеранъ въ киркахъ, вездѣ одно и то же. Проѣзжайте тысячу верстъ, и не найдете ни въ чемъ розницы, а наши Православные всѣ другъ отъ друга отличаются. Это мнѣ вовсе не нравится. Я бы желалъ, чтобы наши пастыри занялись этимъ предметомъ поприлежнѣе, чтобъ они не допускали ни какихъ прихотей въ наружномъ отправленіи публичной службы, и чтобъ, отъ великолѣпнаго храма Казанскаго Собора въ Петербургѣ до послѣдней церкви сельской въ Симферопольскомъ Уѣздѣ, вездѣ происходило одно и то же. Богослуженіе должно быть неприкосновенно. Когда мы въ позорищахъ свѣтскихъ, установя правила, требуемъ, чтобъ имъ слѣдовали повсюду, то кольми паче обязаны ненарушимо сохранять въ домахъ Господнихъ порядокъ, установленный отъ первыхъ дней нашей Церкви.

26-го. У насъ обѣдалъ сегодни Католицкой Попъ и нѣсколько Офицеровъ Московскаго полку. Подъ вечеръ всѣ разъѣхались. Сосѣдъ одинъ, по просьбѣ сестры, прислалъ къ ней свои клавикорды, дочери мои на нихъ побренчали, и сколько они ни были разстроены, однако я и этѣмъ звукамъ обрадовался. Я много ходилъ по горамъ и оврагамъ, мечталъ, и поелику видимый горизонтъ всегда ближайшее имѣетъ вліяніе на наши мысли, то запишу здѣсь мои вечеровыя уединенныя размышленія.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ къ Кіеву, тѣмъ болѣе находимъ Разновѣрцевъ. Всѣ пріобрѣтенныя отъ Польши Губерніи наполнены Уніятами и Католиками разныхъ Орденовъ, всѣ они

по своему кланяются Творцу, и намъ не препятствуютъ то же дѣлать. Счастливые плоды терпимости, которыми родъ человѣческой обязанъ просвѣщенному нынѣшнему вѣку! Нѣтъ уже мучениковъ за Вѣру: ни Цари, ни Первосвященники, кровію ихъ не обагряются. Но при такомъ истинно Христіанскомъ другъ къ другу снисхожденіи, опасно, да не впадемъ въ другую горшую крайность. Я совсѣмъ не фанатикъ и до Крестовыхъ походовъ не охотникъ; однако люблю давать словамъ настоящій ихъ смыслъ и полагать идеямъ свободнымъ разумныя границы. Терпимость— добродѣтель, но потворство—порокъ. Вольтеръ цѣлые томы написалъ о терпимости, изъ коихъ чтецъ прилежный тотчасъ усмотритъ, что онъ самъ никогда съ ней не соображался, и все терпѣлъ, кромѣ Христіанства, противъ котораго онъ возставалъ всѣми силами ядовитаго своего краснорѣчія; слѣдовательно, онъ не столько защищалъ кроткую добродѣтель, сколько старался обратить всѣхъ отъ поклоненія Христу къ идолослуженію натуры. Страшная и гибельная пропасть! Избави насъ, Богъ, упасть въ оную! Нѣтъ нужды, ни пользы, ни спасенія, ожесточаться противу язычника, или всякой Вѣры, не похожей на нашу: въ этомъ я весьма согласенъ. На что вооружать, какъ прежде, цѣлыя Царства, чтобъ истребить всякаго, не чтущаго по нашему своего Божества? На что казнить, жечь и всякими образами истреблять того, кто молится не по моему? Кто кого поставилъ судьею чужой совѣсти? Оставимъ каждаго въ полной свободѣ исповѣдывать свою Религію: всѣ они предъ лицомъ Божіимъ наги и явственны; силенъ Богъ возставить и злѣйшаго беззаконника, посреди всѣхъ его беззаконій, и озарить свѣтомъ истины глубочайшую тьму заблужденія человѣческаго. Отказать страннику въ ночлегѣ, по тому что онъ Жидъ, не дать стакана воды Аравитянину въ степи жаждущей, по тому что онъ язычникъ, не поднять на распутіи раненаго Китайца, Персіянина, Японца, за то что одинъ покланяется Конфуцію, другой призываетъ Зороастра, третій молится Солнцу, словомъ, лишить благодѣянія ближнихъ своихъ по тому только, что у иныхъ Папа, а другихъ Лютеръ и Калвинъ раздѣлилъ съ благодатными Христіанами, это было бы суровство, самымъ Мессіею запрещенное, ни Богу не угодное, ни міру не полезное. Но за чѣмъ вдаваться въ крайности? Мы видѣли уже, сколько въ вѣкахъ прошедшихъ погибло народу во славу суе-

святства, сколько жертвъ принесено Инквизиціи, отъ ухищренія Папскихъ престоловъ, коликимъ мятежамъ и волненіямъ народнымъ бывали причиною трегубыя Аллилуія, двуперстныя сложенія, раболѣпное лобзаніе туфли и прочіе простонародные навыки фанатиковъ разъяренныхъ. Вѣра спасительная, Вѣра истинная, не алчетъ мученическихъ труповъ, но ищетъ сердецъ сокрушенныхъ; не жаждетъ потоковъ крови человѣческой, но радуется о покаяніи смиренномъ: вотъ чѣмъ благоугождается Вѣчный! Опасно вѣрить всему, но вдвое опаснѣе ни чему не вѣрить!

Нашъ вѣкъ, которой мы по тщеславію ставимъ образцовымъ, хотя и нынѣ такъ же, какъ и гораздо ранѣе насъ, лгутъ, обманываютъ, крадутъ, тиранятъ, рѣжутъ, нашъ вѣкъ вздумалъ отличаться въ терпимости, не понявъ еще, кажется, хорошенько, что между терпимости и понаровки большое разстояніе, и, не найдя средины, мы близки низринуться въ противуположную крайность.

Что такое термимость? Кроткое снисхожденіе къ заблудшему, а отнюдь не послабленіе заблужденію. Не надобно обольщаться словомъ и наружными чертами идеи превосходной; терпимость можетъ истекать изъ двухъ источниковъ: изъ любви къ ближнему и сожалѣнія о его ошибкахъ, и тогда терпимость есть добродетель; или изъ равнодушія къ заблужденію, и тогда она вредна всякому обществу. Можно миловать суевѣра, но суевѣріе распространять и покровительствовать ему предосудительно. Можно прощать Раскольника, но дозволять ему на каждой улицѣ ставить храмъ свой, въ явной соблазнъ Правовѣрнымъ и поощреніе умамъ слабымъ, безразсудно и опасно. Допуская строить повсюду и безъ разбору Уніятскіе и Католицкіе костелы въ такой сторонѣ, гдѣ первенствующая Церковь имъ противуположна, не есть одна терпимость, а покровительство, которымъ соблазняется простолюдинъ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ въ костелъ иногда соберется малая кучка молельщиковъ, а храмъ нерѣдко иждивеніемъ тщеславнаго какого либо Христіанина, или и самой казны, представляетъ огромное и величавое зданіе, тогда какъ въ церковь отечественную входятъ толпы туземцовъ, и церковь бѣдна, служители ея въ нищетѣ и ни кто не подаетъ имъ копѣйки. Признаться должно, что такая терпимость выходитъ изъ границъ добродѣтели и переходитъ въ порокъ пустаго самолюбія, дабы говорили о насъ и проповѣдано было во всемъ мірѣ о нашемъ законопреступномъ

снисхожденіи. Пасторъ и Ксендзъ ѣздятъ по гостямъ въ каретѣ, а свой Священникъ едва имѣетъ лошадь, на которой самъ возитъ плугъ свой и оретъ землю, тогда какъ Пасторъ ѣстъ въ изобиліи плоды и съ прихотливою нѣгою. Пасторъ вездѣ принятъ и угощенъ, а свой Священникъ едва и тогда удостоится вниманія хозяйскаго, когда онъ съ крестомъ придетъ окропить святою водою жилище прихожанина своего тунеядца: это родитъ соблазнъ, возмущаетъ чувства кроткаго Христіанина. Естьли это происходитъ отъ невѣжества нашихъ Поповъ, пусть ихъ обучаютъ и стараются просвѣтить: гораздо болѣе пользы въ образованіи служителей Церкви, въ устроеніи безбѣдной участи для нихъ, нежели въ томъ, чтобы продавать дешево Библіи, которыя всякой изъ трусости купитъ, и ни кто читать не хочетъ. Естьли причиною сему неравенству бѣдность однихъ и изобиліе другихъ, пусть уравняется ихъ жребій. Полезнѣе, да и съ обязанностію Религіи сходнѣе, напередъ снабдить своего Священника, и потомъ, отъ избытковъ, помочь Раввину и устроивать его кагалъ, когда своя церковь нетерпитъ недостатка. Мой образъ мыслей таковъ, и Богу отдаю его на судъ. Пекись напередъ всякой о своей землѣ, о своихъ присныхъ, а потомъ не пренебрегай и дальнихъ. Но на счетъ собственной своей церкви допускать выситься чужимъ Исповѣданіямъ, и въ собственомъ нѣдрѣ своей родины, это не есть терпимость, а поблажка виновная, и происходитъ отъ слабости въ характерѣ, что и доказать не трудно.

Естьли мы вникнемъ порядочно въ причины препрославленной нынѣ терпимости, которой положила основаніе премудрая Монархиня, но не весьма благочестивая жена въ Россіи, то увидимъ, что она происходитъ отъ совершеннаго равнодушія ко всему священному. Въ древнія времена Вѣра была восторгъ: тогда шли за нее на крестъ, на пропятіе, терпѣли муки ада прежде смерти и суда Божія, вѣнчались терніемъ и кровію святыя жертвы Христіанства. Нынѣ Вѣра наружной токмо обрядъ, приличіе, навыкъ: ни кто къ ней сердцемъ не прилѣпленъ, ни кто не защищаетъ, для всякаго равно быть Лютеромъ, Жидомъ, Язычникомъ, лишь бы онъ былъ покоенъ, сытъ и доволенъ. Такъ какъ въ общественной жизни ни кто не помѣшаетъ на распутіи разбойника, не для того, что ему по человѣчеству его жаль, но для того, что ему лѣнь вступиться за убитаго и нѣтъ ни какой пользы въ

казни злодѣя, такъ точно и въ Религіи. Мы все терпимъ не по снисхожденію къ слабостямъ человѣчества, но по тому, что намъ все равно, уничижается ли наша Церковь, или возстаетъ въ силѣ. Такая терпимость есть порокъ, вредъ, порча душевная, а не добродѣтель, и кажется мнѣ (дай Богъ, чтобъ я ошибся!), что мы скоро смѣшаемъ всѣ Исповѣданія такъ круто, что и сами уже не будемъ умѣть о себѣ сказать, Богу ли мы кланяемся нашихъ праотецъ, или миѳологическимъ капищамъ боговъ иноплеменныхъ. Боже! Дай намъ терпимость благую, но отврати пагубное сіе равнодушіе!

27-е. Мы ѣздили сегодни всей семьей съ визитомъ къ ближайшему здѣшнему сосѣду, съ поля на поле, старому пану Казаринову. Мужъ Русской, а жена Полячка, приняли насъ весьма дружелюбно и угощали всѣми плодами богатаго своего сада. Тотъ же домъ, въ которомъ я гостилъ сутки въ первое мое путешествіе и такъ былъ шуменъ отъ паровъ Венгерскаго вина. Гостей къ нимъ случайно наѣхало много: полна была изба людей. Въ здѣшнихъ мѣстахъ обыкновенно всѣ другъ другу рекомендуются: мущины страшные охотники съ своею братьею цѣловаться, а дамы протягиваютъ ручки. Цѣлой полчаса прошелъ въ однихъ лобзаніяхъ, по принятому здѣсь обряду учтивости; потомъ пошелъ разговоръ, всегда одинъ и тотъ же, о хлѣбопашествѣ и сельскомъ хозяйствѣ: всякой хвалился своими подвигами, кто на Польскомъ, кто на Малороссійскомъ, языкѣ, а кто исковерканнымъ Русскимъ. Выслушавъ смѣшанную эту лекцію, и не понявши въ ней ни чего, какъ школьникъ Баумейстерову Метафизику, которую намъ нѣкогда преподавалъ Профессоръ Аничковъ, не разумѣя въ ней толку самъ, я пошелъ въ садъ, и торопился увидѣть тополы, или, по здѣшнему, раины, которые еще живы были въ памяти моей; я думалъ, что семилѣтняя съ ними разлука охладила мое восхищеніе, но, подойдя къ нимъ, снова изумился красотѣ этого дерева. Есть такія прелести природы, которыя до послѣдней минуты жизни человѣческой плѣняютъ наши чувства. Тополъ, дерево стройное, высокое, прямое; его ни съ какимъ другимъ сравнить не хочу. Я видалъ кедровъ, пальму, дубъ: ни одно такъ прямо не растетъ, во всякомъ есть кривизны, неправильности; тополъ одинъ, какъ стрѣла, подымается безъ всякихъ излучинъ саженъ на 7 и выше отъ земли; дерево при томъ свободное, сокровище,

принадлежащее единственно теплымъ климатамъ; оно не потерпитъ неволи, растетъ подъ ковромъ чистаго неба, не позволяя между солнцемъ и собою ни какому быть посредству; его не запрешь въ оранжереи, такъ какъ Португальскіе померанцы, сахарныя, чайныя, кофейныя растенія, лавровыя и кедровыя деревья, кои мы видимъ и въ Москвѣ заключенными въ кадкахъ въ 4 стѣнахъ; самый виноградъ даже вьется по произволу своего хозяина, по той мѣрѣ, какую даетъ ему столяръ рукодѣльною рѣшеткою. Нѣтъ, тополь или раина не такъ учтиво: оно живетъ воздухомъ, и именно такимъ, какого хочетъ; перенеси его—погибнетъ. Представьте же себѣ два ряда этихъ деревьевъ, симметрически растущихъ одно возлѣ другого и составляющихъ какъ бы живую стѣну! Ихъ на берегу пруда до 70, и, что меня привело въ крайнюю досаду, между ими ни какой не прочищено дорожки: вся земля заросла дикою малиной и трава по колѣни, тогда какъ прогулка въ этой безподобной аллеи, по берегу чистой воды, была бы превосходнымъ удовольствіемъ даже и въ садахъ Царскихъ. Но хозяинъ занимается плодами своими, и на все другое не обращаетъ вниманія. Я, подойдя къ нему, не утерпѣлъ и сказалъ: «Какъ вы можете, панъ, быть такъ холодны къ этому дереву, несравненному ни съ какимъ другимъ въ вашемъ саду?» Взгляните на яблони, груши, вишни, сливы и всѣ ваши плодовитыя деревья: онѣ какъ карлы предъ великанами, и къ тому жь карлы уродливыя; плода на нихъ много, это правда, но что за станъ? Каждое дерево искривлено, сучья растутъ отъ самаго трупа во всѣ стороны неправильно, на каждомъ составѣ новой переломъ, изгибы безконечные, вѣтви клонятся къ землѣ отъ тягости плода, и ко всякому дереву надобны подпорки; ходя между ими, боишься окривѣть, или убиться, между тѣмъ какъ тополь гордъ, прямъ, величественъ и царствуетъ надъ всею зеленью?» Отвѣтъ на это былъ таковъ: «Что жь мнѣ отъ него прибытку?» Я одеревенѣлъ, и не могъ на это ни чего сказать, но про себя подумалъ: «Посадилъ бы тебя, панъ, въ бронзовыя креслы, сшилъ на тебя халатъ изъ ассигнацій и кормилъ бы все сусальнымъ золотомъ»..... Мертвы тѣ люди, которые не чувствуютъ, что минута удовольствія въ жизни выше всякаго денежнаго барыша. Пускай лакомый сибаритъ, когда Богъ послалъ ему, какъ Дурылому, широкую усадьбу и тьму на ней яблокъ и грушъ, пускай

объѣдается ихъ, нерѣдко для того, чтобъ обогащать своего Лѣкаря и кормить Аптекаря. Я и самъ не прочь отъ такого пиршества. Но для чего же подъ вечеръ, когда желудокъ, плотской мѣшокъ, истребляетъ то, чѣмъ мы его набивали, а безсмертная душа, бдительная хозяйка нашего тѣла, ищетъ чувствъ и удовольствія, для чего тогда не прійти любоваться раиной, сѣсть подъ тѣнь ея, проходиться въ ея сообществѣ и насытить зрѣніе красотами природы? Но, увы! Кумиръ всегда въ умѣ—деньги, и все приносится ему въ жертву.

Между посѣтителями здѣшними видѣлъ я новыхъ супруговъ, недавно сочетавшихся. Мущина молодой, но не много благообразнѣе съ виду меня, слѣдовательно, весьма непригожій, женился на молоденькой дѣвушкѣ, взятой изъ подъ Варшавы, въ Цесарскомъ Кордонѣ. Панья Викуловская—красавица, какихъ мало, пригожа, раина въ своемъ родѣ; жаль, естьли отмѣнная бѣлизна лица ея занята не отъ природы: вся цѣна картинѣ пропадетъ..... Я имѣлъ случай сдѣлать ей привѣтствіе, и не потерялъ его. «Мудрено ли, Сударыня, сказалъ я хозяйкѣ дома (сидя возлѣ пригожей Полячки), что у васъ такъ людно всегда въ домѣ, и такъ роскошно въ саду? Вы имѣете два солнца на своей точкѣ, одно дѣйствуетъ въ воздухѣ надъ плодами, другое въ комнатѣ привлекаетъ около себя все ваше сосѣдство.» Но, къ несчастью, красавица меня не поняла, ни чего не разумѣя по Русски, и комплиментъ мой исчезъ, какъ паръ отъ котла на огнѣ. Сравненіе не очень благородное, но весьма натуральное. Хозяйка—Католицкаго закона; у ней своя церковь домовая каменная. Я просилъ дозволенія осмотрѣть ее. Меня пустили. Престолъ у стѣны и образъ Христовъ надъ нимъ съ прочей утварью составляютъ называемый у насъ олтарь; куполъ весь въ окнахъ, и свѣтъ сходитъ сверху, по угламъ написаны 4 Евангелиста, а близъ престола, на двухъ широкихъ стѣнахъ, изображены, во впадинахъ: Василій Великій и Святый Онуфрій, съ длинною своею бородою; нѣтъ ни живописи другой, ни ваянія, ни рѣзьбы: просто, но хорошо. Войдя въ храмъ и зная, что онъ посвященъ Богу, отъ какого бы Исповѣданія то ни было, я перекрестился. За мной былъ мой слуга, онъ то же самое сдѣлалъ: вотъ настоящая и благоразумная терпимость! 50 лѣтъ назадъ холопъ мой назвалъ бы меня еретикомъ и, подъ сердитой часъ, можетъ быть,

вмѣнилъ бы себѣ въ добродѣтель и не повиноваться мнѣ, какъ басурману. Противъ этой терпимости я никогда вооружаться не стану: она полезна всѣмъ и ни кому вреда не приноситъ. Но, поставя въ своемъ домѣ Католицкую свою кирку, быть Греческаго Исповѣданія и бросить свою собственную церковь безъ посѣщенія въ деревнѣ, отдѣленной отъ своего жилища, этого я не похвалю въ хозяинѣ, естьли онъ точно таковъ, судя по молвѣ и по наружнымъ знакамъ слабаго его здоровья: ему уже 70 лѣтъ, и гробъ, кажется, часто вертится у его на умѣ.

Сказавъ спасибо добрымъ помѣщикамъ за ласковое угощеніе, и поглядѣвъ еще разъ однимъ глазомъ на раины, другимъ на пригожую Варшавку, а обоими вдругъ на небо, въ возблагодареніе за ясной видъ его и хорошую погоду, мы отправились къ себѣ домой, очень довольны прошедшимъ вечеромъ.

28-го. Жаръ и духота продолжаются, тѣло въ разслабленіи, душа дремлетъ и мысли останавливаются; ни чего въ голову не лѣзетъ, и логика притупѣла; и такъ я возьму сегодни легонькой роздыхъ, не буду сочинять лекцій и надоѣдать читателю моими сентенціями, а примусь за расказы здѣшнихъ новостей и буду, за недостаткомъ газетъ, писать подъ сегоднишнимъ числомъ свои вѣдомости.

Съ утра посѣтилъ насъ здѣшній сосѣдъ, Панъ Бригадиръ Монтрезоръ, давнишній житель Малороссіи, весельчакъ и словохотной товарищъ, лѣтъ еще не старыхъ; бѣднаго параличъ разбилъ, отнялъ руку и языкъ; ѣздилъ лѣчиться, но мало пользы. Натура сама помогла: началъ по маленьку говорить и довольно вразумительно, но вести рѣчи уже не въ состояніи. Онъ заплакалъ, обнявшись со мною. Мнѣ было его жаль; кажется, человѣкъ перестаетъ жить, когда лишается лучшаго своего преимущества — слова.

Смертѣ Браницкаго носится повсемѣстно: это былъ полубогъ здѣшняго края; разныя подробности о немъ до насъ доходятъ. По кончинѣ его, нашли въ его собственной шкатулкѣ, сбереженныхъ имъ денегъ отъ своихъ частныхъ расходовъ, 40 тысячъ червонныхъ: хорошая кучка золота! Онъ при жизни еще надписалъ это сокровище сыну, но сынъ, тотчасъ по смерти отца, велѣлъ деньги отдать въ общую домовую кассу: благородный поступокъ противу матери, отъ которой даръ родительской утаенъ

былъ имъ самимъ, и противу снаслѣдниковъ по крови! Благородный опытъ приверженности къ матери! Но на что Браницкой такъ скупился? Куда онъ собиралъ такую массу золота? Или потомъ длинно вѣрить должно простонародному мнѣнію, что старость сребролюбива? Чѣмъ ближе подходимъ къ чертѣ, которая отдѣляетъ небо отъ земли, тѣмъ жаждемъ больше стяжать всякую тлѣнность. Мы похожи, при смерти, на путешественниковъ, которые, собираясь въ дорогу изъ одной стороны свѣта въ другую, запасаются всѣми произведеніями той земли, которая у нихъ назади остается, и не разсуждая, что иное въ пути отъ тряски изломается, иное отъ жара попортится, погніетъ, все таки покупаютъ и въ кибитку мечутъ: такъ-то мы живущіе знаемъ, что ни чего въ гробъ съ собою не возмемъ, а все таки копимъ и цѣлковые, и ассигнаціи, и пятачки.... любуемся на нихъ и послѣдній взоръ свой даримъ еще своимъ сокровищамъ тогда, какъ бы слѣдовало обращать его къ небу, съ сокрушенными слезали раскаянія.

Мы ѣздили гулять въ рощи, и осматривали всѣ окрестныя горы, и долго стояли на одной изъ нихъ, съ которой виденъ Днѣпръ, Каневъ и разныя селенія. «Тутъ бы,» сказалъ я зятю, домъ поставить!»—«Правда, отвѣчалъ онъ; я и самъ хотѣлъ, но не полезно.» Польза здѣсь—одинъ предметъ у каждаго; ни кто не хочетъ согласиться, что исключительно нельзя ни добра, ни зла, дѣлать, что во всемъ есть премудрая смѣсь Создателя міровъ. Я когда ни будь, на досугѣ, поболтаю объ этомъ, а теперь довольно вспомнить Латинскую аксіому: «Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.»

Мы заѣзжали пчелъ смотрѣть на пчельникъ, и тѣ, потрудясь цѣлой день очень полезно для себя и для насъ, не дѣлали ни чего, отдыхали, жужжали и по своему забавлялись.

О, я увѣренъ, что всякое животное имѣетъ такъ же свои увеселенія. Одинъ Малороссъ и скотъ его, волъ, работаютъ, когда не спятъ, и спятъ, когда не работаютъ.

Воротясь домой, мы нашли у себя гостей, нѣсколько Офицеровъ и брата роднаго моего зятя, Генеральнаго Судью Черниговской Губерніи, у котораго мы стояли на квартирѣ, когда тамъ были. Я очень обрадовался его знакомству. Человѣкъ скромной, разсудительной, пріятной въ бесѣдѣ, цѣнитъ высоко добродѣтель, но не ожесточается противъ слабостей человѣческихъ. Мы съ нимъ

цѣлой вечеръ бесѣдовали. Въ разговорѣ съ нимъ я нашелъ и пользу и пріятность. Слава Богу! Онъ пріѣхалъ сюда на недѣлю: какая для меня счастливая встрѣча! Можно будетъ по вечерамъ разсуждать безъ желчи и спорить безъ задору.

29-го. Слѣдовало съѣздить къ Обѣдни для Воскресенья, но я подумалъ, что лучше дома прочесть нѣсколько зачалъ Апостольскихъ про себя, нежели войти въ храмъ для того, чтобъ слушать скороговорки и внимать визжанью Хохловъ на крылосѣ.

Мы обѣдали въ гостяхъ у одной сосѣдки: хата небольшая, но приспѣшная добра, хорошо поѣли и, подремавши между разговора, воротились къ вечеру домой. Я обошелъ пѣшкомъ все селеніе, лучшія въ немъ осмотрѣлъ высоты, видѣлъ плотину, рѣчку и винокурню, и потужилъ о состояніи здѣшнихъ пановъ и ихъ челядиновъ. Отними у первыхъ горѣлку—имъ придется ходить по міру; послѣдніе никогда почти не имѣютъ гроша, и чѣмъ добыть деньги? Ни какого промысла, ни какого рукодѣлья. Сожнутъ хлѣбъ—и сыты, продадутъ излишекъ—и пьяны: вотъ вся ихъ благостыня! Несчастной край въ самомъ счастливомъ климатѣ! Природа хороша, да жизнь туга: такъ-то все на свѣтѣ смѣшано и уравнено между земнородными. Здѣшнему обывателю жарко: онъ бѣденъ; Костромскому холодно: онъ богатъ.

Живучи въ рабочемъ такомъ народѣ, которой удрученъ хлѣбопашествомъ, забудешь, что въ календаряхъ есть праздники: и пастыри и овцы всѣ на жнитвѣ; по однимъ только дѣвкамъ примѣтить можно было, что день воскресной; онѣ попадались намъ, шедшія по утру отъ Обѣдни, въ цвѣточныхъ вѣночкахъ, и я тотчасъ вспомнилъ, что сегодни былъ день недѣльный. По селамъ и деревнямъ праздниковъ нѣтъ. Рѣдко и въ Воскресенье услышишь колоколъ въ селѣ. Религія натуры не сходствуетъ съ метафизикой; у нея праздникъ безпрерывной; тогда какъ всѣ плоды собраны и поставлены въ хатѣ на столъ, тутъ и торжество, и роздыхъ; но покуда поля не очищены, Православные шествуютъ всякой день въ ходъ не съ крестами и съ иконами, а съ граблями, серпами, косами, и въ потѣ лица своего исполняютъ завѣтъ Божій, коимъ обреченъ первой человѣкъ къ трудамъ вѣчнымъ, по изгнаніи его изъ Рая, гдѣ онъ нѣсколько часовъ прожилъ въ наготѣ непостыдной, обладая всѣми тварями, ему порабощенными.

Малороссъ есть истинный образъ падшаго Адама: слякошася всѣ кости его, и хребетъ выну сляченъ.

Я слыхалъ отъ покойнаго моего отца, которой посѣщалъ не рѣдко въ Кіевѣ мать свою, схимонахиню Нектарію, что въ Малороссіи бывалъ народъ веселъ, что у всякой корчмы сживали Хохлы со скрыпицами, гусельками, или дудочками: иные играли, другіе пѣли свои Украинскія пѣсни, а дѣвки плясали. Нынѣ совсѣмъ не то: духъ унынія какой-то распространился повсемѣстно. Я здѣсь въ другой разъ, и не замѣтилъ, чтобъ поселяне даже въ праздничной день собирались на игрищи, дѣвки водили бы хороводы; нѣтъ, всѣ по норамъ, вмѣстѣ пяти человѣкъ не встрѣтишь, а по корчмамъ Жиды обманываютъ, Хохлы пьютъ и, вмѣсто гармоніи, услышишь крикъ и драку. Какъ смѣнить здѣшнія села съ самой послѣдней деревней подъ Ярославлемъ, или около Владиміра! Вѣрю, что хлѣбопашество есть благородное упражненіе, по тому что и Китайской Богдыханъ пошевелитъ иногда плугомъ кусочекъ земли въ своемъ Царствѣ; но пахарь, которой нѣсколько десятинъ взорать долженъ, есть бѣднѣйшее существо въ человѣчествѣ, и я ни на одномъ пахарѣ ни видалъ тѣла краснаго, лица веселаго; безъ нихъ, однако же, нельзя ѣсть будетъ ни чего. Правда! Такъ пожалѣемъ о томъ, что Адамъ согрѣшилъ.

30-го. Здѣсь много сосѣдей, и близокъ путь. Мы ѣздили: зять, я и братъ его, посидѣть въ вечеру версты за 4 отсюда, къ помѣщику Турчанинову. Домъ его невеликъ, но на прекрасномъ мѣстѣ. Каневъ, Днѣпръ и село его, все это въ виду; а Каневъ есть лучшая точка на здѣшнемъ горизонтѣ. Около крыльца насажены тополы, но не такъ еще высоки, какъ у Казаринова; они 12 лѣтъ только, однако уже прекрасны. Въ домѣ картины, вазы, колонны подъ порфиръ, и видно, что хозяинъ любитъ роскошь большихъ домовъ столичныхъ, но все въ безпорядкѣ и кажется, какъ будто не прибрано еще въ покояхъ. Самъ помѣщикъ человѣкъ пожилой и охотникъ до выдумокъ коммерческихъ. За нимъ 800 душъ. Онъ холостъ: чего ему больше? Живетъ не въ Москвѣ; прожитокъ не великъ; но хочется прослыть спекулянтомъ, втянулся въ аферы, и нынѣшней весной онъ, за предпріимчивость свою въ торговой операціи, понесъ убытку тысячь до 30. Извѣстно, что въ прошломъ году во всей почти Европѣ былъ голодъ. Россія кормила своимъ хлѣбомъ и Германію и Ан-

глію и прочія области. Требованія были огромныя, закупки у всѣхъ портовъ чрезвычайныя: одинъ Одесской, по увѣренію Генерала Ланжерона, который самъ мнѣ о томъ сказывалъ, перевелъ за хлѣбъ въ Россію до 13 милліоновъ піастровъ; въ Одессѣ пшеница страшнымъ образомъ возвысилась въ цѣнѣ, и расчетистые люди могли большіе получить прибытки на хлѣбѣ. Турчанинова это соблазнило: онъ скупалъ около себя пшеницу по 35 руб. четверть, и естьли бъ онъ былъ дѣятельнѣе, когда бы съ первой весенней травой отправилъ свой транспортъ на волахъ, или бы самъ поѣхалъ въ Одессу хлопотать, то, можетъ быть, естьли не съ барышемъ, по крайней мѣрѣ, безъ сильныхъ убытковъ воротился. Нѣтъ, онъ, купя 4 тысячи и почти до 5 четвертей, отправилъ ихъ съ повѣреннымъ уже въ Іюнѣ, а между тѣмъ картина дѣлъ въ Одессѣ перемѣнилась: въ надеждѣ на барыши, такъ много навезли туда хлѣба со всѣхъ сторонъ, что всѣ домы были набиты пшеницею, недоставало амбаровъ на складку привозимаго хлѣба. Около Одессы на 6 верстъ протянулись обозы такъ, что волы нуждались въ пастьбищахъ. Закупленный прежде хлѣбъ портился, большое количество онаго велѣно было кинуть въ море, за которое Нептуновы подданные пошлинъ ни кому не платили. Отъ столь размноженнаго привозу цѣна вдругъ упала до того, что принуждены были многіе скупщики за безцѣнокъ отдавать свою пшеницу, лишь бы что ни будь выручить, а къ тому и въ чужихъ краяхъ урожай нынѣшній былъ лучше, требованія уменьшились. Г. Турчаниновъ въ Іюнѣ съ своимъ грузомъ набѣжалъ на эту встрѣчу, и у четверти принужденъ былъ потерять отъ 4 до 5 руб. противъ собственной своей цѣны. Худая спекуляція! Но онъ не робѣетъ, закупаетъ снова пшеницу въ Одессѣ и хочетъ придержаться съ нею, чтобъ выждать высокихъ цѣнъ и воротить свой накладъ, т. е., хочетъ клинъ клиномъ выбивать. Но коммерція не банкъ: въ ней все основано на расчетѣ вѣрномъ и надежномъ. Потребны догадка, предусмотрительность и собственной трудъ: на рискъ ни чего не возмешь, а всю фортуну потеряешь.

Многіе въ подобныхъ случаяхъ, желая извинить свои ошибки, сердятся на Правительство, на купцовъ, за то, что цѣны непостоянны: сами виновати, а другихъ бранятъ. Я въ этомъ съ ними согласиться не могу. Часто слышу слово монополь, и не

могу понять, какъ остановить его можно. Торгъ требуетъ полной свободы, по неволѣ ни кто ни купитъ, ни продастъ. Я богатъ, и покупаю много вдругъ, берегу свой товаръ; вижу, что онъ поднимается въ цѣнѣ, и тогда его сбываю. Какъ это запретить капиталисту? Турчаниновъ купилъ здѣсь хлѣбъ на 100 тыс., повезъ въ Одессу, продалъ бы за 200, какъ его винить? Всякой ищетъ своей пользы: это не обманъ, не мошенничество. Потерпѣлъ онъ же убытокъ, вмѣсто снискиваемой выгоды: какъ винить другихъ? Худъ расчетъ, самъ на себя пеняй! Торговлю унимать указами значитъ убивать ее; и кто жъ торгуетъ иначе, гдѣ нѣтъ монополи? Вездѣ, отъ Престола и до послѣдняго рынка, она примѣтна. Казна содержитъ монополь въ винѣ, въ картахъ, церковь въ свѣчахъ, купецъ въ сахарѣ, сукнѣ и шелковыхъ товарахъ, помѣщикъ въ своемъ земляномъ произрастеніи. Кто сильнѣе въ деньгахъ, тотъ около себя все скупитъ у нищей братьи по клочкамъ, и потомъ на ярмаркѣ, гдѣ всякой хочетъ всего купить, по клочкамъ распродаетъ свои запасы съ нарочитымъ барышомъ; цѣна одна на товаръ продолжаться не можетъ. Болѣе людей, болѣе потребности, выше товаръ. Это безпрестанной приливъ и отливъ, на которой такъ мало дѣйствуютъ запретительныя распоряженія Правительства, какъ ежели бы кто захотѣлъ насосами выжимать изъ рѣкъ излишнее количество воды, которое въ нихъ дождями прибываетъ, и держать всегда токъ въ одной пропорціи. Сегодня дорогъ сахаръ, завтра клубника; то хлѣбъ, то сандалъ: круговой оборотъ человѣческихъ нуждъ, или прихотей. Всякой ищетъ своей пользы на счетъ другого. По морали это очень худо, но по торговли въ томъ-то и искуство, чтобъ умѣть уловить случаи и не потерять расчета. И я часто вижу, что монополеръ иной изъ нашей братьи, хорошо расторговавшись, прячется, когда о монополіи заговорятъ, притаится и молчитъ, а тотъ, кто подобнымъ же образомъ хотѣлъ, да не умѣлъ, сохранить своихъ выгодъ, кричитъ, что монополія заслуживаетъ висѣлицу. Все основано на личности, все подъ условіемъ дотолѣ худо, или хорошо, доколѣ мнѣ именно, мнѣ вредно, или полезно, и всякой почти тотъ, кто на единоторжіе сердится, не столько пользу человѣчества защищаетъ, какъ въ тайнѣ досадуетъ, для чего не ему, а другому, удалось поживиться. О, господа хозяева, винокуры, хлѣбопашцы! Снимите маски: всѣмъ вамъ хочется интересу, и гдѣ вы его до-

станете, естьли ни кто не будетъ имѣть прихотей и не купитъ излишняго?

Я, съ моей стороны, понимая очень худо правила коммерціи, не сужу о монополіи, а просто изъявляю свои мысли и, можетъ быть, весьма неосновательныя, но знаю только то, что еже-ли бъ я былъ на мѣстѣ Г. Турчанинова и имѣлъ бы, такъ какъ онъ безъ всякихъ хлопотъ можетъ имѣть тысячъ 20 доходу, право я бы не скупалъ чужой пшеницы, не посылалъ воловъ съ нею въ Одессу и не размножалъ бы своихъ доходовъ для того, чтобъ наполнять домъ свой въ степи такими игрушками, на которыя ни кто и глядѣть не намѣренъ, или для того, чтобъ, одному, сидя на софѣ, противъ Днѣпра и пустынь, глядѣть на Каневъ, какъ на единственную точку зрѣнія.

Мы тутъ были угощены хорошими фруктами, съѣли превосходную дыню, и, оставя его съ Жидами соображать свои Одесскія пшеничныя операціи, пріѣхали домой. Нашли у себя Подполковника Капцевича,* съ нѣсколькими Офицерами, поиграли съ ними въ фанты, порѣзвились, и день кончили довольно весело для деревни.

Іюля 31-го. Зять мой и сестра уѣхали въ Богуславль, сзывать къ себѣ гостей и просить у Полковника Кромина музыки для торжества имянинъ 4-го Августа, и оставили насъ однихъ у себя хозяйничать. Между тѣмъ къ намъ пріѣхали обѣдать, и просидѣли съ нами до вечера, сосѣди ихъ, Яньковскіе, мужъ, жена и золовка, всѣ три Поляки и худо по Русски говорятъ. По счастью, жена изъясняться можетъ по Французски, и мы коекакъ другъ друга понимали. Хозяева воротились домой ночью, когда въ домѣ всѣ спали. Богуславль отсюда 40 верстъ; сегодни съ нами и нѣкоторые Офицеры, неизмѣнные наши товарищи, распрощались; имъ завтра походъ въ Богуславль на тѣсныя квартиры, для приготовленія себя къ ожидающимъ ихъ маневрамъ подъ Бѣлою Церьковью. Подъ вечеръ получилъ я письма отъ домашнихъ и друзей изъ разныхъ сторонъ: непонятно,

---

* Иванъ Михайловичъ, братъ извѣстнаго Генерала П. М. Капцевича, помѣщикъ Переясловскій, въ 3-хъ верстахъ отъ Переяслава, умершій въ сороковыхъ годахъ Полковникомъ въ отставкѣ. О. Б.

отъ чего у насъ почта такъ худо служитъ публикѣ? Изъ Питера я получилъ письма отъ 17-го Іюля, тогда какъ изъ Москвы, которая ближе, дошли они отъ 13-го Іюля, а изъ Володимірской Губерніи еще отъ 2-го Іюля: какая жъ это почта? И на своихъ лошадяхъ скорѣе можно было бы переписываться; но что до того за дѣло? Почта всегда права, по тому что ее защищаетъ двуглавый орелъ, а частному человѣку остается платить пошлины и благодарить Правительство, когда письмо хоть и поздо дойдетъ, но, по крайней мѣрѣ, не потеряется: и то бываетъ не рѣдко! А иного письма часто и вся казна Почтамская не въ состояніи замѣнить. Надобно признаться, что Россія еще нова, хотя мы хвастаемъ своимъ просвѣщеніемъ и политическимъ образованіемъ. Я не могу объ этомъ въ обширности судить, по тому что я не на той точкѣ стою, съ которой видно во всѣ стороны, какъ дѣйствуютъ пружины Градоправительства; но что около меня дѣлалось, что я видѣлъ въ близи и испыталъ на себѣ, о томъ мнѣ позволятъ слова два, три, молвить откровенно.

Отъ самаго Петра Великаго, котораго едва назовутъ ли великимъ лѣтъ 300 позже, отъ самаго его времени, мы все перенимаемъ у иностранныхъ и заимствуемся чужимъ; все отечественное брошено и введено иноплеменное. Для чего же и не перенять хорошаго, гдѣ бы мы его ни нашли? По чему отказывать себѣ въ апельсинѣ, когда можемъ его достать, а дома не родится? Я совсѣмъ не изъ тѣхъ энтузіастовъ, которые думаютъ, что все то худо, чего нѣтъ въ отечествѣ, а все то лишь превосходно, что по нашему. Далекъ отъ крайности: я очень люблю пить чай Китайской съ Американскимъ сахаромъ, носить Англійское сукно, потчивать гостя Французскимъ виномъ, и нахожу, что фракъ гораздо покойнѣе Русскаго кафтана, особливо на балѣ и между дамъ; но я бы желалъ, когда мы перенимаемъ что ни будь въ чужомъ народѣ, чтобъ мы хвастались не за корку, а за настоящій плодъ, чтобъ мы вывозили не образчики только тамошнихъ полезныхъ заведеній, не вывѣски однѣ, но сущную пользу ихъ умѣли вводить у себя въ природу, на пр., во всѣхъ Державахъ просвѣщенныхъ заведены училищи. Хорошо, что и у насъ ихъ учредили; но когда нѣтъ ни учителя, ни ученика, то какая польза хвастаться въ газетахъ своими Гимназіями и школами? Пустые домы и невѣжды учители ни кого не образуютъ. Вездѣ гошпи-

тали для хворыхъ и недужныхъ появились и у насъ; нѣтъ города, въ которомъ бы не было больницъ; но что въ нихъ радости, когда нѣтъ Лѣкаря, нѣкому даже по городамъ крови пустить, зуба выдернуть, кости вправить, а лѣчить въ болѣзни важной, часто въ Губернскихъ городахъ, нѣтъ искуснаго Врача? Видѣли Музей въ Парижѣ—состроили свой въ Москвѣ. Но чего въ немъ смотрѣть! Панталоповъ Царя Ивана Васильевича, шапочки Мономаховой, да и все тутъ! Судебныя мѣста открыты, учреждены, но ни кто въ тяжбѣ толку не добьется. Университеты размножены, но ни въ одномъ нѣтъ путныхъ инструментовъ и достаточной библіотеки. Инвалидные домы вытянуты съ прекрасными фасадами, но что въ нихъ? Чиновники по штату получаютъ жалованье, и въ тунеядствѣ проводятъ время, между тѣмъ какъ солдатъ на костылѣ ходитъ по міру и живетъ подаяніемъ. Такъ точно и наши почты: деньги берутъ, повозки набиваютъ тюками, почтальоны скачутъ изъ стороны въ сторону, но переписки не имѣютъ той выгоды, пользы и безопасности, которыя суть первою цѣлью заведеній сего рода. И такъ мы можемъ къ Россіи приложить простонародную пословицу: «Умна, да не совершенна.» Я не говорю здѣсь о Москвѣ и Петербургѣ. Столичные города всѣ на одно лицо; я говорю о Россіи. Пора ее искать не на Невѣ только и на Яузѣ: пусть и посмотрятъ во внутрь этого огромнаго Царства, и всякой признается со мной, что мы ни своего добраго завести, ни чужаго хорошаго перенять, порядочно еще не умѣемъ: за все хватаемся, и все апплике; сорвемъ скорлупу, а ядро никуда не годится. Нѣтъ ни чего легче, какъ все хвалить и обольщать Правительство; но въ этой-то похвалѣ и гнѣздится вредъ, опаснѣйшій для Государства. Оно тотчасъ уподобляется ребенку большаго барина, котораго мамки, нянки и учители, хваля поминутно, изъ угожденія слабости родительской, такъ наконецъ избалуютъ, что когда дитя станетъ на ноги, въ немъ ни какого проку не сыщешь. Такъ и Государство: чѣмъ больше хвалимъ его, тѣмъ Правительство болѣе соблазняется и, сложа ручки, дремлетъ въ пагубномъ бездѣйствіи; а когда зачинаетъ слышать около себя ропотъ, то старается заглушать его и часто принуждено прибѣгать къ жестокимъ средствамъ: а все отъ того, что во время не вникали въ существо вещей, не остерегались похвалъ праздныхъ и несправедливыхъ, и не ста-

рались исправлять худаго во благовременную пору. Авось когда ни будь и у насъ будетъ все полезно, а не красиво только! Помолимся о успѣхѣ хотя для счастья нашихъ внучатъ!

Августа 1-го. Сего дни въ Москвѣ ходятъ на воду, а здѣсь по селамъ свои обычаи: благословляются въ церкви начатки плодовъ земныхъ. Поселяне совьютъ вѣнки изъ колосьевъ, и дарствуютъ ими пана, которой приноситъ ихъ въ жертву благодаренія за изобиліе плодовъ земныхъ Ниспосылающему съ небесъ на землю вся намъ потребная во благовременную помощь. Жито собрано, хлѣбы пекутся изъ новой пшеницы. А мы поговоримъ о полезномъ, что я и обѣщалъ листа за три назадъ.

Строгіе моралисты, утверждая, что человѣкъ ни чего не долженъ предпринимать, ни дѣлать, кромѣ полезнаго, забываютъ, что и самая суета имѣетъ свою пользу. Богъ ни чего не создалъ безъ полезнаго, но всему даны два вида. Заключенія ума нашего зависятъ отъ той точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на предметы.

Подъ словомъ полезно я разумѣю все то, что служитъ къ благосостоянію человѣка, къ доставленію ему не только спокойной, но и пріятной жизни.

Моралисты, называя полезнымъ одно то, что человѣку необходимо, почитаютъ всякую прихоть вкуса, или роскоши, не достойной сего наименованія.

Ставя вмѣстѣ съ ними пользу въ столь тѣсныя границы, мы должны согласиться, что пить, ѣсть и отдохнуть суть всѣ непреложныя нужды человѣка. Слѣдовательно, все то, что не течетъ къ избранной и единственной сей цѣли, безполезно. Но спрашиваю я: естьли бъ вся земля обратилась въ одну ниву; естьли бъ всѣ рѣки орошали одни луга для пастьбища скотамъ; естьли бъ всѣ люди занялись однимъ плугомъ, для извлеченія изъ земли своей пищи; естьли бъ всѣ лѣса превратились въ хоромы, для предохраненія сихъ безчисленныхъ Адамовъ отъ непогодъ, долго ли бы могъ міръ простоять въ такой, вымышленной нами, пастушеской жизни? Сама природа указала путь къ общежитію, и на законахъ ея уже учредилось общество. Изъ человѣка естественнаго произведенъ я, человѣкъ общественной. Нужды его умножились, и польза расширялась по мѣрѣ той силы, съ какою

онъ развивалъ свои способности и успѣвалъ удовлетворять новымъ своимъ нуждамъ.

Естественный человѣкъ хотѣлъ только быть сытъ: общественный хотѣлъ поѣсть со вкусомъ. Тотъ пилъ изъ ручья для прохлады: этотъ искалъ пріятности въ простомъ утоленіи жажды. Дикарь одѣвался въ грубой, посконной холстъ: образованный человѣкъ пожелалъ мягкой и покойной одежи. Тотъ валялся на травѣ, среди кустовъ дикаго бурьяна, которые служили ему защитой: этотъ попробовалъ отдохнуть на мягкой постели, подъ тонкимъ завѣсомъ. Такимъ образомъ, что казалось прихотью для перваго нашего праотца, то обратилось въ необходимость отдаленному его потомку, и онъ скоро увидѣлъ пользу въ размноженіи садовъ, виноградныхъ лозъ, въ искуствѣ разныхъ тканей, въ построеніи мельницъ, и во многихъ подобныхъ тому рукодѣльяхъ, которыми украсилась жизнь все еще простаго поселянина; ибо прихоти его, такъ названныя дикаремъ, столько же далеки были отъ роскоши городской, сколько различествовали мягкія булки зажиточнаго хдѣбопашца отъ тѣхъ корней и сырыхъ зернъ, коими питались первородные дѣти природы.

Потомъ соединеніе людей между собою показало имъ необходимость управленія и распорядка гражданскаго. Построились села: размноженіе ихъ положило начало городамъ. Сталъ нуженъ прикащикъ, судья, сторожъ, учитель, и протянулась широкая лѣстница чиноначальства; новыя открылись нужды; перемѣна состояній каждаго лица обратила и самую прихоть въ необходимость; слѣдовательно, тѣмъ же доводомъ, какъ и прежде, доказано, что всѣ средства къ доставленію необходимостей новаго рода сдѣлались полезными. Явилось кораблеплаваніе, торговля, промыслы, учреждены судилища и школы, заведены забавы: судья, утомясь отъ тяжкихъ состязаній съ челобитчиками, профессоръ, послѣ трудовъ надъ книгами, въ кругу рѣзвыхъ отроковъ, купецъ, просидѣвшій цѣлый день въ лавкѣ за бирками съ аршиномъ, словомъ, всякой, упражняющійся въ дѣлѣ полезномъ для другихъ, захотѣлъ отдохнуть и насладиться забавами, собственно ему пріятными. Роскошь отворила двери въ огромныя залы для тѣлесныхъ движеній, воздвигла театры для обольщенія чувствъ и наслажденія ума: все это не было въ природѣ, но сдѣлалось полезнымъ, по тому что ходъ самой природы приводилъ людей

къ новой жизни, требующей новыхъ нуждъ и удовольствій. Моралисты назвали сіи послѣднія прихотями. Но что казалось излишествомъ для естественнаго человѣка въ оврагѣ, то обратилось въ необходимость человѣку общественному на Вислѣ, Темзѣ, Невѣ, и повторимъ стократно: все то, что угождало свѣту доставленіемъ его прихотей, сдѣлалось каждому и всѣмъ вообще полезно.

Я не знаю, хорошо ли изъяснился. но всегда буду тѣхъ мыслей, что и самыя наши забавы, сколь ни кажутся онѣ суетны, полезны человѣку. Ему нужно послѣ трудовъ порѣзвиться, похохотать, найти мѣру пристойную веселости, которая бы удвоивала его силы къ понесенію вящшихъ трудовъ завтра и послѣ завтра.

Въ этомъ отношеніи и самая роскошь полезна. Всѣ противъ нея вооружаются, но не она наноситъ вредъ человѣку, не употребленіе, а излишество намъ опасно. И ядъ въ необходимой пропорціи бываетъ иногда полезенъ; всему нужны границы, число, мѣра и вѣсъ. Для Парфена безполезенъ и хрустальной стаканъ, Русской фабрики, по тому что онъ, не имѣя на покупку его денегъ, могъ бы напиться и изъ деревянной чашки, которая есть у него въ покоѣ; а для магната Польскаго и Пекинской фарфоръ полезенъ, по тому что онъ можетъ его купить и привезти чрезъ отдаленныя моря прямо въ свой замокъ.

И такъ перестаньте, моралисты, кричать и бранить вселенную за суетныя ея удовольствія; успокойте свои печенки: въ противномъ случаѣ, и вы почувствуете необходимость въ аптекахъ, которая, изъ всѣхъ выдуманныхъ человѣческихъ нуждъ, есть самая несчастнѣйшая польза въ мірѣ. Помиритесь съ забавами; пользуйтесь ими умѣренно, и познайте собственнымъ вашимъ опытомъ, что естьли плугъ и рало полезны вамъ на вашихъ нивахъ, въ свое время, то не меньше, въ свое же время, полезно побывать въ театрѣ и попрыгать на балѣ. Дадимъ всему мѣру, будемъ осторожны, и тогда все, все сдѣлается полезнымъ; ибо Творецъ ни чего не издалъ безполезнаго въ мірѣ, а, покоривъ намъ всю природу, научилъ насъ самихъ покаряться урокамъ здраваго разсудка.

Августа 2-го. Насъ возили сегодня хозяева на имянинной пиръ къ одному сосѣду своему, по имени **Енько**, 45 верстъ отсюда. Хозяинъ человѣкъ привѣтливой, какъ всѣ Поляки—по слу-

чаю; а жена его воспитана въ домѣ Фельдмаршала Румянцева, съ его побочными дѣтьми, и дама на порядочную стать. Изъ дочерей ихъ одна уже вдова; слѣдовательно, они люди немолодые. Гостей наѣхало человѣкъ до 30. Домикъ небольшой, но помѣстительной. Садъ регулярной и, разумѣется, плодовитой. Недавно насажены тополы, но еще не развелись порядочно. Поварня и приспѣшня здѣсь хороши. Намъ дали обѣдъ очень порядочной. Вездѣ искать пакара было бы безумно. Погребъ могъ бы быть лучше, вины нехороши, а здѣсь доставать самыхъ отличныхъ очень легко изъ Одессы. Бокаловъ до 12 обнесли вокругъ стола и, при питіи за здравіе имянинника и всѣхъ пановъ, стрѣляли изъ фальконетовъ, но такъ звонко, что напоминало Тедеумы Успенскаго Собора. Послѣ обѣда поданъ былъ обильный десертъ и не сходилъ со стола до самаго разъѣзда гостей, по древнему обычаю. И въ Москвѣ такъ же живали нѣкогда, не великолѣпно, просто, но съ пріязнью, по пословицѣ: «Чѣмъ кто богатъ, тѣмъ и радъ.» Мы уже начинаемъ въ тихомолку тужить о потерѣ простоты: она совсѣмъ исчезла и въ обычаяхъ, и во нравахъ. Самой маленькой обыватель въ Москвѣ не смѣетъ дать обѣда дружескаго въ знаменитой день какой ни будь семейной радости, для того, чтобъ не истратить, по крайности, половины годоваго своего дохода на съѣстные припасы и напитки; иначе остыдятъ, разцыганятъ, пустятъ эпиграммы, и сдѣлаешься притчей во языцѣхъ. Отъ этого всѣ почти заперлись. Ищи людей въ Англинскомъ клубѣ, а по домамъ хлѣбосольство миновалось; нигдѣ ни кого не встрѣтишь; нечаянныхъ свиданій фамильныхъ ни у кого не найдешь; все по карточкамъ, все по чинамъ. Вельможа даетъ балъ: онъ станетъ ему тысячъ десять, а потомъ на цѣлой годъ запрется и, кромѣ швейцара у подъѣзда, сколько ни ѣзди, ни чьей рожи не увидишь; а бывало, и я это помню, вездѣ круговеньки, вездѣ собранье; рѣдкой день выдастся въ Москвѣ такой, чтобъ не куда было дѣваться. Но обратимся къ имянниннику Богуславскому.

Молодежь послѣ стола поплясала. У хозяина три музыканта: одинъ игралъ на скрыпкѣ, другой на віолончели, третій на цымбалахъ. Оркестръ этотъ похожъ былъ очень на полубоярскія затѣи, это правда, но играли довольно согласно здѣшніе привычные танцы, и молодой возрастъ такъ же напрыгался, какъ и

подъ лучшія скрыпки Апраксина. Вертопрахъ Московской поднялъ бы все это на смѣхъ. Но дѣло въ забавѣ, а не въ роскоши. Прыгали, рѣзвились, было весело, и полно! Подъ вечеръ пріѣхала одна Полячка съ дочерью, которая по здѣшнему краю отличается своимъ воспитаніемъ; она его получила въ Бердичевѣ: это Польской Парижъ. Дѣвушка пригожая, но мать мнѣ показалась ея гораздо ловчѣе, или отъ того, что она ближе къ моимъ лѣтамъ: «Similis simili gaudet.» Всѣхъ насъ жаловала къ ручкѣ, по ихъ обычаю, и я едва успѣлъ на нихъ взглянуть, какъ и простился съ ними.

Поблагодаря хозяина и жену его за ласковый пріемъ и угощеніе, мы возвратились домой. Вечера уже примѣтны. Дочь моя меньшая сѣла за кливикорды, зять взялся за скрыпку, на которой онъ играетъ очень хорошо, и оба они составили наипріятнѣйшій дуетъ. Я вспомнилъ молодые свои годы, невинныя забавы моего сердца. Ни что такъ не дѣйствуетъ на мои чувства, какъ тихая и согласная музыка, и обыкновенное послѣдствіе тѣхъ минутныхъ восхищеній, которыя она мнѣ доставляетъ, есть меланхолія; ею я и день кончилъ въ задумчивомъ расположеніи.

Обращаясь нѣсколько дней съ сосѣдними жителями земли Польской, по тому что всѣ эти мѣста принадлежали Понятовскому, который, когда они достались Россіи, распродалъ до 40 тысячъ душъ за безцѣнокъ разнымъ и Русскимъ Дворянамъ, а болѣе Польскимъ шляхтамъ, своей братіи, мнѣ всего труднѣе привыкнуть къ ихъ нарѣчію. Полякъ такъ коверкаетъ языкъ, выговаривая свои слова, что ему подражать трудно. Онъ, по непостоянству своего характера, испортилъ и нарѣчіе свое разными чужеземными словами. Вы найдете въ разговорѣ Польскомъ и Латынь, и Славянщину, и Нѣмецкой, и Французской идіомъ, или языкъ, т. е., не переносныя цѣлыя слова того, или другого, народа, но искаженныя своими Польскими передѣлками, и до того весь ихъ разговоръ изуродованъ, что ни чего не поймешь. На примѣръ, чтобъ изъяснить желаю, Полякъ скажетъ виншую. Вотъ Нѣмецкое слово: ich wünsche. Удовольствіе у нихъ переводится уконтентованіемъ: слово Французское contentement, имянинникъ—солизантъ, т. е., solennité или solennel, и такъ далѣе. Въ числахъ онъ не скажетъ сорокъ, а по Славянски четыредесять. Въ судопроизводствѣ по большей части Латынь смѣ-

шана съ Польскимъ, это не мудрено; ибо всѣ ихъ Статуты были писаны по Латыни. И такъ ихъ нарѣчіе есть одно изъ самыхъ неиріятныхъ въ Европѣ. Къ тому же Поляки самыя легкія слова стараются сдѣлать тяжкими въ произношеніи. Онъ не скажетъ просто три, а трши, ни пять, а пѣнцъ; и такъ, чтобъ выговарить, на прим., 33, надобно сказать тршыдѣсьцы и тршы. Представьте, какое мучительное коверканье языка и всей челюсти! Не легче ли было бы сказать добро, нежели добрже? Завтра я побесѣдую о странномъ смѣшеніи правъ и гражданскаго распорядка въ здѣшнемъ Округѣ или Повѣтѣ.

Августа 3-го. День весь прошелъ въ суетахъ и приготовленіяхъ къ завтрешнему торжеству, а подъ вечеръ зачали дальніе гости съѣзжаться на ночлегъ, дабы ранѣе начать праздникъ съ имянинникомъ, во ожиданіи котораго я, по обѣщанію моему, нѣчто замѣчу здѣсь о градоправительствѣ.

Надобно знать прежде всего, что весь здѣшній край, принадлежавшій нѣкогда Украйнѣ, отнятой Поляками, вновь отъ нихъ отторженъ былъ къ Россійскому Царству и поступилъ въ межу Кіевской Губерніи. Она составлена изъ старыхъ своихъ коренныхъ двухъ Уѣздовъ, Кіевскаго и Василькова, и изъ новыхъ восьми Повѣтовъ, въ числѣ коихъ и Богуславль.

Мѣстечко Богуславль принадлежитъ и нынѣ Графинѣ Браницкой, однако жь въ немъ Повѣтовой городъ. Тутъ и Государственные Чиновники, и Дворянскіе, имѣютъ пребываніе. Странное положеніе сихъ Польскихъ мѣстечекъ, въ которыхъ помѣщикъ имѣетъ своихъ вассаловъ и свои права, а казна своихъ Чиновниковъ и свою область. Но здѣсь подобная странность находится и во многихъ господскихъ имѣніяхъ.

Въ сихъ, отшедшихъ отъ Польши, мѣстечкахъ, или Повѣтахъ, или городахъ, Суды уголовные и слѣдствія въ Нижнемъ Земскомъ Судѣ производятся по учрежденіямъ Россійскимъ и на Россійскомъ языкѣ, а юстиція тяжебная въ Повѣтовомъ Судѣ, или Уѣздномъ производится и по нашимъ и по Польскимъ законамъ, т. е., и по Уложенію, и по Конституціи, и по Статутовымъ правамъ Малороссійскимъ, кому какъ пригоднѣе судиться, и дѣла такого рода пишутся на Польскомъ языкѣ.

Въ Кіевѣ самомъ, Губернскомъ городѣ, на одинъ манеръ со всею Малороссіею, выбирается и Судья Генеральной, которой

управляетъ по нашему Гражданской Палатой и пишетъ протоколы на Польскомъ языкѣ!

Изъ сего смѣшаннаго состоянія законовъ и расправъ въ здѣшнемъ краю выходитъ, что когда на Повѣтовой Судъ поступаетъ въ Кіевское Губернское Правленіе жалоба, или частное прошеніе, по которому нужно взять отвѣтъ, или справку, по дѣлу, то принуждены бываютъ Канцеляріи того и другого трибунала переводить запросъ Губернскому Правленію для Повѣтоваго Суда, и отвѣтъ сего послѣдняго для Губернскаго Правленія, одно на Польской языкъ, другое на Русской; то же самое должны дѣлать и Прокуроры, и Стряпчіе, когда попадаются къ симъ мѣстамъ люди, не знающіе Польскаго языка. Какое пустое и хлопотливое, однако, затрудненіе, отъ котораго часто и время и самый смыслъ въ приговорахъ теряется!

И для кого же такая многочисленность? Не думайте, чтобъ Губернія была населена Поляками: совсѣмъ нѣтъ! Она состоитъ въ народѣ изъ Малороссовъ, Козаковъ и вообще, что мы называемъ, изъ Хохловъ Русскаго Исповѣданія и Закона. Между Дворянами, сказывали мнѣ, только 23 помѣщика изъ Польской шляхты, а въ ровномъ числѣ, или еще и болѣе, Россійскихъ коренныхъ Дворянъ, купившихъ здѣсь земли и поселившихъ Малороссіянъ, своихъ однодворцевъ. Какая же бы нужда для 23-хъ только частныхъ лицъ переводить чужаго Царства законы и языкъ въ древнюю Губернію Россійскую, и чрезъ то, какъ кажется мнѣ, подстрекать самолюбіе такого народа, котораго Россія старается вѣками унизить и поработить своему скиптру? При Екатеринѣ введены были ея учрежденія во всѣ новыя провинціи наровнѣ съ вѣковѣчнымъ достояніемъ Ея престола, но при Павлѣ, когда зачинали и Малороссы и Поляки привыкать къ нашему Уложенію и Наказу, возвращены Малороссіи и облегающимъ ее провинціямъ Польскимъ, ихъ права. Тогда опять появились Конституціи, Статуты, и въ судопроизводствѣ теперь такая разнообразность, что трудно толкъ найти человѣку иногородному.

Замѣтимъ также, что сыновья у Поляковъ не обучаются совсѣмъ Русской грамотѣ и, кажется, Правительство не обращаетъ на такое явное пренебреженіе къ новому ихъ отечеству ни какого вниманія, хотя и нельзя заключить, чтобъ Поляки безъ умысла такъ поступали; да и пословица ихъ: «Якъ святъ святемъ не бендзѣ

Москаль Полякови братемъ,» обличаетъ характерный произволъ народа, никогда не примиряться съ своимъ побѣдителемъ. Пусть простятъ мнѣ, что мимоходомъ нѣсколько строкъ на счетъ этотъ написалъ. Впрочемъ, для меня лично, весьма равнодушно, какъ дѣла текутъ въ Кіевской Губерніи. Я заѣхалъ въ нее погулять, и довольно для меня того, что мнѣ было хорошо, покойно, иногда и весело.

Августа 4-го. Мѣсто пребыванія нашего, Ковали, явилось сего дни во всемъ своемъ великолѣпіи и славѣ. Зять праздновалъ свои имянины. Торжество это было мнѣ знакомо. Я семь лѣтъ назадъ въ тотъ же день попалъ къ нимъ въ гости. Съ утра начали съѣзжаться сосѣди и Московскаго полку Офицеры. Къ обѣду налетѣло ихъ стадо большое. Начался день барабаннымъ боемъ: полковые музыканты поздравили меня съ праздникомъ звукомъ трубъ и всякаго мусикійскаго согласія. Изъ всѣхъ инструментовъ замѣтилъ я одинъ новой для глазъ и слуха моего: широкій фаготъ, толще обыкновеннаго, съ наставною прямою трубою, на подобіе валторы; зовутъ эту машину Basse corne; перенято у Французовъ; отъ нея много грому: вотъ вся и радость!

За столъ насъ сѣло человѣкъ до 60. Полковникъ Московскаго полка, съ супругой и съ своими Офицерами, составлялъ, конечно, половину, а прочее число наполнили сосѣди. Я много знакомствъ часовыхъ пріобрѣлъ. Были нѣкоторые Поляки Уѣздные; между прочими одинъ, по имени Понятовской, но совсѣмъ не той масти, о какой мы слыхали: онъ однофамилецъ только знаменитымъ вельможамъ своего отечества. Человѣкъ пожилой, много говоритъ, великой заводчикъ фабрикъ, но съ осторожностью должно ему вѣрить. Онъ часто разъѣзжаетъ по чужимъ краямъ, и, привыкнувши на все пялить глаза, пріучилъ зрѣніе свое иное увеличивать, иное умалять, по фантазіи своего воображенія; говоритъ хорошо по Французски, и съ нимъ мнѣ удобнѣе было бесѣдовать, нежели со всѣми прочими, которые съ такою принужденною ужимкою вырабатываютъ каждое слово, что тяжело ихъ слушать.

О Русскихъ людяхъ, кои составляли сегоднишнее общество, толковать нечего. Ихъ обращеніе, навыки и фасоны одни почти и тѣ же; во всѣхъ Губерніяхъ отличаются отъ насъ Поляки, и ихъ нельзя между Россіянами не замѣтить во всякомъ упражне-

ніи; но здѣшнія Повѣтовыя Поляки и Полячки столько же отстоятъ отъ Варшавскихъ, какъ наши барышни и молодые люди около Вологды и Саратова отъ дѣвушекъ и кавалеровъ придворныхъ въ Петербургѣ. Это иначе и быть не можетъ. Видѣть Поляка, и рѣшительное сдѣлать замѣчаніе о немъ, каковъ онъ со стороны наружнаго общежитія, можно только въ Варшавѣ. Характеръ народа вездѣ одинаковъ, доколѣ на соплеменныхъ видимъ его границахъ. Полякъ льстивъ, и въ Варшавѣ, и на послѣдней верстѣ Галиціи, но обращеніе не одинаково, и что мы называемъ тонъ, совсѣмъ не тотъ въ Столицѣ Польской, каковъ въ Каневѣ, или Умани.

Во время стола ревѣла музыка и летали бокалы. Разныя пили здоровья. Тосты поминутно возглашались. Желудки такъ наполнились и головы вскружились, что въ общемъ шумѣ всѣхъ голосовъ нельзя было наконецъ разобрать ни какого слова ни въ чьемъ нарѣчіи: обыкновенное послѣдствіе пировъ! Встали мы изъ за стола въ 6 часовъ, а начали стучать тарелками и рюмками въ 4. Принужденія не было ни какого: всѣ были веселы и обращались безъ чиновъ.

Отдохнувши нѣсколько послѣ обѣда, начался балъ; танцы продолжались до утра. Пожилые гости разъѣхались до заката солнца, а семьянистые люди, у коихъ дочки, тѣ остались гораздо за полночь. Полковникъ, я и всѣ мы приняли участіе въ плясkѣ, отъ малаго до большаго. Но я не видалъ тутъ любезнаго своего танца во всей его красотѣ. Для меня нѣтъ ни чего пріятнѣе Польскаго, когда его танцуетъ настоящій Полякъ въ своемъ платьѣ и съ принятыми у нихъ движеніями: это для меня картина! Здѣсь нѣкому было ее мнѣ показать. Всѣ во фракахъ, и ни на комъ не было Польскаго кафтана, а кургузое наше платье къ этому не способно. Барышни здѣшнія попрыгали мазурку, но въ Москвѣ не хуже ихъ танцуютъ. Пригожая панья Мацевичева, воспитанная въ Бердичевѣ, довольно ловка; но все, думаю, далека отъ изящныхъ подлинниковъ въ Варшавѣ.

Во весь вечеръ, между тѣмъ, садъ былъ иллюминованъ, и праздникъ вообще заслуживалъ особенную похвалу. Все было живо, рѣзво, весело, и каждый казался днемъ своимъ доволенъ; по закатѣ молоденькой луны, небо наполнилось своими многочисленными жителями: появились медвѣдицы, плеяды, озарился

млечный путь, и воздухъ чистой, прохладной, доставлялъ каждому изъ насъ послѣ танцовъ пріятную прогулку, между плотинъ и огней искуственныхъ, подъ крышкой, усыпанной звѣздами, какъ алмазами. Пока накрывали столы и готовились къ ужину, музыканты воспользовались краткимъ отдохновеніемъ, а молодые люди обоихъ половъ играли въ фанты.

Ужинъ данъ въ часъ за полночь, и я въ три часа почти ушелъ спать; но музыка еще долго играла кадрили, и барышни, какъ монахи послѣ длиннаго поста обрадуются сметанѣ и творогу, такъ точно кинулись въ танцы и не могли положить имъ мѣры; совѣстно было имъ пенять: онѣ такъ давно дожидались случая попрыгать—и натѣшились! Свѣтло было на дворѣ, какъ всѣ въ домѣ угомонились.

Августа 5-го. Обыкновенно на другой день торжества бываетъ и пусто, и скучно. Всѣ хозяева худо спали, а гости съ утра рано разъѣхались. Простился я и съ братомъ моего зятя, котораго собесѣдничество доставило мнѣ много удовольствія. Остались еще на сутки нѣсколько Офицеровъ Московскаго полка, и съ ними провели день до ночи въ разныхъ играхъ. Въ комнатахъ были фанты и всякія сидячія дурачества, а въ саду горѣлки, жгуты и прочія подобныя воздушныя забавы. За ужиномъ посылки придали смѣху, и для дня отдохновенія довольно было еще шумно. Между тѣмъ начались приготовленія къ Кіевскому походу. Передовыя повозки отправились туда сегодни на волахъ, а мы рѣшительно назначили выѣхать 7 число.

Августа 6-го. Подъ чужимъ небомъ живучи, надобно праздники Господни торжествовать такъ, какъ принято, и молиться, гдѣ Богъ приведетъ. И такъ я сего дни ѣздилъ къ Обѣдни, къ сосѣду Казаринову. Жена его Унеятка, какъ сказано было прежде; для нея состроена каменная домовая церковь Базиліянскаго Ордена, т. е., Уніятская. Описаніе ея помѣщено въ другомъ числѣ, а здѣсь повѣтствовать хочу о образѣ служенія и Обѣдни Уніятской, для того, чтобъ сохранить въ памяти различіе нашего съ этимъ обряда.

При сей домовой церкви служитъ Каневской Попъ или, по ихъ нарѣчію, Ксензъ изъ Каневскаго Уніятскаго костела. Зазвонили къ Обѣдни, какъ у насъ, и мы вошли въ церковь. Царскихъ вратъ и иконостаса нѣтъ; одинъ престолъ, со многими под-

свѣщниками, на катафалкѣ или возвышеніи о трехъ ступеняхъ, и на облаченіи крестъ; по обѣ стороны два стула: на одномъ поставлены были утвари церковныя и одежды, на другомъ плоды, соты и яблоки. У самаго престола на пьедесталахъ двѣ куклы бѣлаго алебастра, въ видѣ Ангеловъ, изъ коихъ одинъ на правой сторонѣ держалъ сосудъ позлащенный. Я стоялъ какъ можно ближе, чтобъ все слышать и замѣтить.

Священникъ надѣлъ подризникъ, епитрахиль и ризы. Нельзя сказать, чтобъ облаченіе его не было такое же, какъ и на нашихъ Попахъ, но какая-то въ выкройкѣ разница такъ замѣтна, что, кажется, въ тысячи Священникахъ Великороссійскихъ можно бы узнать, что онъ не одинакаго съ ними Исповѣданія. Онъ служилъ Обѣдню по Русски и безъ пѣнія. Это называется шептальная.

Взявши сосудъ и тарелочку безъ звѣзды, которая есть то же, что у насъ дискосъ, съ воздухами, онъ поставилъ ихъ на престолъ съ колѣнопреклоненіемъ, и началъ всю Обѣдню читать по книгѣ, сказавъ по порядку: «Благословенно царство.» Подлѣ него мальчикъ сталъ на колѣни, на приступкѣ у престола, и говорилъ тихо: «Господи, помилуй!» или: «Подай, Господи!» а прочее все читалъ съ ряду самъ Попъ.

Антифоны, Апостолъ и Евангеліе были праздничные. Онъ отправлялъ Обѣдню Іоанна Златоустаго, и читалъ молитвы, которыя Священникъ произноситъ въ алтарѣ, также въ слухъ, какъ и все то, что читается, или поется, во услышаніе всѣмъ. Евангелія не выносилъ, а читалъ его съ прочими молитвами, по уставу. Въ то время, когда у насъ отверзаются Царскія врата, онъ обращался къ намъ лицомъ и помавалъ руками, въ знакъ отверстія дверей.

На ектеніяхъ возносилъ Уніятскаго Епископа и Каневскаго Архимандрита; имя Папы я не слыхалъ. Прочтя Херувимскую три раза молитву свою и псаломъ 50-й, онъ поднялъ чашу съ блюдомъ и именовалъ Царской Домъ, ихъ властей духовныхъ, Сиглитъ и создателей дома сего, но не обращался къ намъ лицомъ.

По прочтеніи Символа и Херувимской пѣсни, предъ освященіемъ даровъ, мальчикъ зазвонилъ въ колокольчикъ, и всѣ стали на колѣна. Попъ, для вящшаго вниманія богомольцевъ, минутъ

пять помолчалъ, и освятилъ дары точно такъ же, какъ у насъ, тѣ же говоря стихи и возгласы.

Готовясь къ причащенью, онъ смылъ персты у обѣихъ рукъ въ водѣ, и сталъ читать: «Вѣрую, Господи» и проч. по обряду, положилъ часть хлѣба, т. е., не просфоры, а особо заготовляемыхъ у нихъ лепешечекъ, въ сосудъ, а другою причастился, и потомъ пилъ изъ чаши одинъ только разъ; за тѣмъ съ дискоса сложилъ частицы, оставшіяся въ сосудѣ, и тщательно обтеръ блюдцо, накрывши потомъ онымъ потиръ.

«Со страхомъ Божіимъ» онъ возгласилъ, обратясь къ народу, и послѣ: «Всегда, нынѣ» и проч.... онъ зачалъ потреблять дары, выпилъ всю чашу: мальчикъ влилъ въ нее воды, онъ, паки пополоскавъ сосудъ, выпилъ, потомъ губкой вытеръ чашу и, обратясь къ намъ, по прочтеніи предъ престоломъ заамвоной молитвы, далъ послѣднее благословеніе народу.

По окончательномъ отпускѣ, онъ, вмѣсто креста, давалъ намъ прикладываться къ дискосу, а потомъ прочелъ надъ плодами туже молитву, которая читается у насъ. Словомъ, все читано по нашимъ книгамъ, съ нѣкоторыми отмѣнами въ наружныхъ только формахъ. Но странное дѣйствіе привычки! Мнѣ неловко было ни стоять за этой Обѣдней, ни молиться, и я, дабы не подать соблазна, рѣшился въ наружности присоединиться къ Уніятамъ на нѣсколько минутъ. Вольтеръ назвалъ бы меня суевѣромъ, пусть такъ; но его всѣ благоразумные люди зовутъ изувѣромъ, и первой титулъ лучше послѣдняго, какъ ни толкуй о сущности того и другого.

Казариновъ далъ намъ хорошій обѣдъ. Насъ сидѣло за столомъ человѣкъ 20. Мы ѣли и пили вдоволь. Послѣ обѣда я, оставя у нихъ сестру, зятя и дочерей, поспѣшилъ къ женѣ, которая оставалась дома нездорова, и встрѣчалъ крестьянъ, отвозящихъ съ полей снопы свои въ гумно. «Бѣдные люди!» подумалъ я: для васъ нѣтъ и Преображенія! Вы, какъ труженики, безпрестанно гнетесь подъ тяжестью Адамова грѣхопаденія.» Въ натурѣ нѣтъ праздниковъ: она не знаетъ нашего календаря. Поспѣли плоды—сбирай въ свои хранилища, а безъ того дорого заплатишь двунадесятые праздники. Чѣмъ солнце веселѣе, чѣмъ природа красивѣе, тѣмъ пахарь болѣе замученъ. Когда мы любуемся хорошимъ небомъ, и сердимся на непогодь, которая мѣшаетъ намъ гулять по садамъ роскошныхъ столицъ, тогда пахарь терпитъ муку, и радъ минутѣ ненастья, чтобъ отдохнуть въ клуньи своей (ригѣ) на соломѣ. Я буду стараться, во всякую мою лѣтнюю прогулку, не забыть здѣшняго края и, вздохнувши, про себя скажу: «Помоги тебѣ, Богъ, несчастной Хохолъ, и да заплатитъ тебѣ природа каждую каплю пота хорошимъ урожаемъ твоего пшеничнаго зерна!»

Пока я дѣлалъ такія унылыя себѣ правоученія въ коляскѣ, подъ зноемъ раскаленнаго неба, у Казаринова молодежь, сидя подъ тѣнью тополовъ и раинъ, играли въ веревочку, и ни мало не помышлялъ тамъ ни кто о тѣхъ жалкихъ существахъ, по милости которыхъ хозяева потчивали своихъ гостей мороженымъ и Левантскимъ кофеемъ.

7. Собравшись очень рано въ Кіевъ, мы выѣхали поздно, какъ обыкновенно водится. Изъ разныхъ дорогъ выбрана была самая кратчайшая степью; но какъ все подобныя боковыя дороги не имѣютъ извѣстной мѣры, то всякой считаетъ версты по догадкѣ, и, вмѣсто 80, которыя полагали отъ Ковалей до Кіева, оказалось ихъ на опытѣ слишкомъ сто, что и не могло не представить большихъ затрудненій желанію нашему поспѣть туда въ два дни; однако мы пустились на это тяжкое предпріятіе, и опытъ заставилъ насъ раскаяться. Доѣхали мы обѣдать не прежде 4 часовъ до корчмы въ 35 верстахъ отъ Ковалей, и выѣхали изъ нея съ тѣмъ, чтобъ, проѣхавши 25 верстъ еще, поспѣть ночевать въ Триполи.* Довольно поздно сумерки насъ застали на голой степи, а къ тому понадвинулись отъ Сѣвера тучи и небо, скрывши за ними свой мѣсяцъ и звѣзды, облачилось въ мрачную ризу самой темной ночи. Путешествовать въ такомъ положеніи непріятно. Молніи ужасныя сверкали во всѣхъ сторонахъ безпрестанно. По счастію и, можно сказать, по какому-то чудесному къ намъ снисхожденію нашей атмосферы, мы не слыхали ниже отдаленныхъ отголосковъ грома, не видали ни капли дождя, которой вездѣ, вокругъ насъ, рисовалъ на облакахъ сильные свои потоки. Естьли бъ къ заревамъ молніи присоединился

* Иначе Триполь, Триполье, построенный на правомъ берегу Днѣпра, при впаденіи въ него Стугны, Владиміромъ Святославичемъ. О. Б.

трескъ грома и дождь, я думаю, что мы бы вытерпѣли необыкновенной ужасъ, сидя въ своихъ каретахъ. Не одни только молніи насъ пугали, а по сторонамъ три пожара въ виду нашемъ заставляли бояться ежеминутно, чтобъ и мы не сдѣлались жертвой воздушнаго безпокойства и не стали въ предметъ громовымъ стрѣламъ. Я въ дорогѣ человѣкъ весьма трусливый. Когда природа вздумаетъ забавляться бурями, въ каретѣ еще тошнѣе и отъ духоты, и отъ того, что не вся картина въ глазахъ: слѣдовательно, воображеніе еще болѣе представляетъ, нежели вещь сама собой ужасна. И такъ я сѣлъ на дрожки, которыя везли за нами для городскихъ разъѣздовъ въ Кіевъ, и досадовалъ въ полной свободѣ, что отважился, противъ обыкновенія моего, ночью пускаться въ дорогу. Да и степью остановиться было негдѣ: ни какого пристанища на 25 верстахъ. Я степи уподобляю океану: тамъ небо да вода, здѣсь небо да поля. Взоръ нигдѣ не имѣетъ границъ: безконечной горизонтъ, безпредѣльное море. Я ждалъ селенія, какъ пловецъ ждетъ берега. Молніи провожали насъ до самаго ночлега, и насилу мы дотащились до Триполья почти въ 11 часовъ вечера. Постели наши прибыли въ 2 часа за полночь. Ужинъ ни кому не шелъ на умъ. Утомясь отъ волненій, боязни и отъ неудачной дороги, мы бросились спать; но разсвѣтъ былъ уже недалекъ; надобно было съ утра рано подниматься опять въ походъ. И такъ мы провели ночь довольно безпокойно, хотя въ изрядной квартирѣ, которою мы обязаны были живущему тутъ Форштмейстеру и очень вѣжливому молодцу.

Августа 8-го. Триполи—мѣстеко казенное; тутъ душъ до 700; отъ него до Кіева боръ, пески и много лѣсу. Я видѣлъ прекрасныя строевыя сосны, что очень рѣдко въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ, или вовсе въ глаза не попадается. Мы обѣдали въ 30 верстахъ отсюда въ Козинѣ, у Жида въ корчмѣ. Здѣсь вездѣ Жиды, какъ насосы, втягиваютъ въ себя всю мѣдь и серебро, и потомъ, посредствомъ лажа самовольнаго, доводятъ до насъ наши мнимыя бумажныя деньги. Послѣ обѣда оставалось намъ до Кіева еще 30 верстъ, изъ коихъ 20 лѣсомъ и песками. Лошади шли шагомъ. Мѣстами Днѣпръ роскошничалъ въ глазахъ нашихъ своими красотами; индѣ пріятно было пройтись пѣшкомъ. За 10 верстъ есть селеніе Вита, изъ котораго выѣхавши увидимъ Лаврскую колокольню. Я ѣхалъ на дрожкахъ, и съ

первымъ взоромъ на нее, съ умиленіемъ возблагодарилъ Бога, что еще разъ привелъ меня видѣть сей Сіонъ Россійскаго Царства. Меня отецъ мой возилъ во младенчествѣ моемъ два раза на поклонъ живой матери своей: и нынѣ, подъ старость, я возилъ дѣтей своихъ кланяться гробу ея; бывши разъ прежде безъ нихъ, я хотѣлъ дочерей моихъ повергнуть къ стопамъ героини въ ихъ полѣ и знаменитой женщины въ нашемъ родѣ, и показать имъ подъ спудомъ забытыя остатки жены праведной и твердой въ добродѣтеляхъ душевныхъ.

Не доѣзжая Кіева, разсѣяны по дорогѣ кирпичные сараи. Кирпичъ бьютъ здѣсь изъ полевой глины: это необыкновенно для нашихъ глазъ, и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на фаянсовыя его клѣтки. Хребетъ горъ величественныхъ со скалами и утесами тянется почти до Кіева по берегамъ Днѣпра, и картина мѣстъ, окружающихъ градъ Божій со всѣхъ сторонъ, съ какихъ къ нему ни подъѣдишь, отмѣнно красива. Лѣсъ песчаной, которымъ мы ѣхали почти весь день, начавъ съ полудня, очень похожъ на тотъ, которой ведетъ въ Кіевъ изъ Броварей. Та же тягость для экипажей, и то же нетерпѣніе въ путешественникѣ. Видишь Лавру, кажется, ужь подъ стѣнами ея. Нѣтъ! Новой изворотъ въ сторону, и предметъ твой опять удалился. Очень темно было уже, какъ мы въѣхали въ городъ. Около 9 часовъ вечера у меня сильная мигрень, начавшаяся еще въ лѣсахъ, такъ жестоко овладѣла всею головою, что я не помню, какъ меня довезли до квартиры. Рвота страшная выбила меня изъ силъ, я бросился на первую софу, какая мнѣ попалась. Скоро постлали мнѣ постель, и я, ни чего не видавши около себя въ домѣ Г-жи Турчаниновой, которая намъ позволила въ немъ остановиться, легъ съ ужаснымъ жаромъ въ головѣ и, слава Богу! могъ скоро уснуть, не отягощая ни кого своимъ пароксизмомъ. Онъ мнѣ въ привычку, но чрезмѣрно усиливается отъ движенія и безпокойства, а въ эти два дня, признаюсь, было его много.

9. И такъ я неожиданно опять въ Кіевѣ: вотъ первая мысль моя проснувшись. Почувствовавъ себя лучше, я расположился ѣхать съ двора и снова осмотрѣть городъ. 7 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я въ немъ не былъ. Многое въ немъ перемѣнилось, а на многое уже и я иначе смотрѣлъ. Не стану здѣсь дѣлать новаго описанія, въ подрывъ, можетъ быть, старому моему

путешествію, а буду говорить только о томъ, что привлекало на себя нынѣ мое замѣчаніе, котораго я тогда или не сдѣлалъ, по небреженію, или не имѣлъ случая сдѣлать.

Прежде всего я бросился въ Лавру, и тамъ съ семействомъ моимъ принесъ жертву умиленія праху бабки моей, Нектаріи, и преклонилъ колѣно и чело на гробъ ея, скрытой подъ чугунною доскою, истоптанною богомольцами. Видѣлъ поставленныя на стѣнахъ противъ гробницъ ея и сыновней мѣдныя доски съ надписью; но не тутъ онѣ прибиты, гдѣ я предполагалъ: такъ разсудилось Архіерею, а изъ Москвы указывать ему было далеко.

Мы отслушали обѣдню въ Лаврѣ: она поется очень поздно. Цѣлое утро отъ разсвѣта толпа молебщиковъ слушаютъ свои молебны, и монахи едва успѣваютъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Печерской напѣвъ мнѣ никогда не нравился. Голосовъ хорошихъ мало, кричатъ и тянутъ чрезвычайно. У всякаго свой вкусъ; мнѣ простятъ, что я не хвалю того, что многіе одобряютъ изъ одного предубѣжденія, какъ будто тамъ, гдѣ живали преподобные, все и по смерти ихъ должно быть изящно: большое заблужденіе! Для меня, я нигдѣ по монастырямъ не слыхалъ такого хорошаго пѣнія, какъ въ Донскомъ, гдѣ хоть не по нотамъ, но весьма трогательно и хорошо, поется всякой стихъ церковной.

Все время пребыванія нашего въ Кіевѣ я расположился провести такъ, чтобъ по утру быть на богомольи и объѣздить всѣ обители, а по вечерамъ наслаждаться картинами природы, которыя здѣсь въ такомъ множествѣ разбросаны и внутри и около города.

Я возилъ дочерей къ башнѣ Андрея Первозваннаго. Какая очаровательная точка на поверхности! Безподобный холмъ, подъ которымъ вдругъ является взору Днѣпръ во всѣхъ своихъ красивыхъ излучинахъ, и Подолъ, особой городъ, выходящій, такъ сказать, изъ самыхъ волнъ Днѣпра. Вся эта часть Кіева погорѣла послѣ моего путешествія въ 1811 году; нынѣ она опять устроена, и пожаръ способствовалъ ея украшенію. Улицы разбиты горазадо правильнѣе, домы построены въ порядкѣ и по хорошимъ рисункамъ; вездѣ промежутки наблюдены въ пристойной мѣрѣ. Нѣтъ прежней тѣсноты, которой опасность доказана была столь пагубнымъ опытомъ. Глядя на Подолъ съ Андреевской высоты,

смотришь точно на планъ, который раскинутъ на равнинѣ и кажетъ вамъ въ рисункѣ всѣ улицы, закоулки города. Я долго, долго, тутъ мѣшкалъ, заходилъ въ церковь и сожалѣлъ, что зданіе, столь знаменитое по древности своей и эпохи, въ честь которой оно было воздвигнуто, примѣтнымъ образомъ разрушается, и скоро на развалинахъ старинныхъ будутъ указывать на развалины нашего времени, естьли казна не придетъ на помощь. Церковь эта не имѣетъ приходу: она на ругѣ дворцовой, но казна ни чего не чинитъ; начальство, не смѣя у нея просить денегъ, требуетъ, чтобъ Магистратъ убыточился на починки въ ней ветхостей. Купцы не очень на это согласны, и въ этомъ спорѣ летятъ годы, а башня по маленьку приходитъ въ упадокъ. Созидать для умноженія руинъ есть, кажется, жребій человѣковъ.

Мы въ другой разъ живемъ очень покойно и широко въ Кіевѣ, и все по милости той же Г-жи Турчаниновой, которая снабдила насъ пристанищемъ у себя въ Одессѣ, не отказала въ немъ и заочно здѣсь, въ настоящее время. Услуга весьма благодѣтельная: ибо около Успеньева дня въ Кіевѣ всѣ норки набиты народу, а наемъ домовъ порядочныхъ отмѣнно дорогъ.

Кто хочетъ дивиться природѣ и видѣть волшебную ея прелесть, тотъ долженъ, пріѣзжая въ Кіевъ, стать на Андреевской горѣ: другой подобной нѣтъ въ Россіи. Можно подняться еще выше Кавказа въ Крыму, но не то вокругъ себя увидишь, что здѣсь разсѣяно: глаза неподвижно остановятся, и первой взглядъ на подножіе горы приведетъ въ неописанный восторгъ: онъ весь принадлежитъ тутъ природѣ. А кому угодно изумиться надъ искуствомъ генія человѣческаго, тотъ пусть побываетъ въ Софіевкѣ, и тамъ подивится чудесному соревнованію человѣческихъ рукъ трудамъ натуры. Кстати и не кстати всегда вспомню объ этомъ очаровательномъ садѣ. — Рай!!!

10. Быть въ Кіевѣ, и не сходить въ пещеры, не простительно. Мы по утру обошли и дальнія и ближнія, и порядочно устали. Ни какой нѣтъ перемѣны ни въ чемъ: та же безмолвная святыня; праведники почіютъ въ мирѣ, въ вертепахъ, ими избранныхъ, въ кои не проходитъ ни лучъ солнца, ни суетные отголоски міра не раздаются. Дивенъ Богъ во Святыхъ своихъ! Нельзя безъ душевнаго умиленія прикасаться блаженнымъ остаткамъ Преподобныхъ, угодившихъ Богу святостью жизни и му-

жествомъ вѣры. Я прикладывался ко всѣмъ мощамъ съ благоговѣніемъ; замѣтилъ съ удовольствіемъ, что гробъ Нестора лѣтописца украшенъ позлащеннымъ нарядомъ. У гроба Марка монахъ поилъ меня святою водою изъ того креста, который вмѣщалъ мѣру его дневнаго питія. При мощахъ Іоанна Многострадальнаго другой монахъ надѣвалъ на меня его шапочку, исцѣляющую головныя боли, а третій, при выходѣ нашемъ, умастилъ лице наше елеемъ, отъ мγроточивыхъ главъ источаемымъ.

Въ прошломъ году здѣсь былъ Государь: каждый шагъ его и въ пещерахъ ознаменованъ памятникомъ. Въ церкви Св. Антонія, надъ ракою Іоанна Постнаго, прибита доска съ надписью, что тутъ Императоръ, въ Христіанскомъ смиреніи, слушать изволилъ Обѣдню. Носящій порфиру приходилъ сюда забывать, что онъ Царь, и не стыдился явиться простымъ рабомъ Божіимъ.

Отдохнувши отъ столь труднаго похода, ѣздилъ я съ визитомъ къ Генералу Раевскому. Сей знаменитый ратоборецъ, коего Могилевъ имени не забудетъ, командуетъ корпусомъ, расположеннымъ около Кіева, и живетъ въ городѣ. Онъ принялъ меня благосклонно, и заставилъ дорожить своимъ знакомствомъ. Герой можетъ быть увѣнчанъ на полѣ брани. Но чтобъ привлечь сердца, надобно имѣть самому въ себѣ сердце доброе и чувствительное, и этотъ способъ не недостаетъ Раевскому.

Подъ вечеръ я возилъ свое семейство на Днѣпръ, и мы разсматривали Крещатикъ, ту славную купель, въ которой Владиміръ крестилъ дѣтей своихъ: ни чего новаго не прибавлено, а старыя украшенія принимаютъ печать древности. Воспоминая столь отдаленныя событія здѣшняго края, можно на памятники ихъ глядѣть, какъ на баснословныя повѣсти, о которыхъ одни піиты съ нами бесѣдуютъ, да и то не весьма иногда удачно. Кто знаетъ, не будутъ ли новые роды людей черезъ тысячу лѣтъ говорить о Владимірѣ, какъ Гомеръ, Овидій и прочіе поютъ намъ въ пѣсняхъ своихъ Троянъ и Олимпійское скопище!

Для путешественниковъ самая бездѣлка занимательна. Мы объѣздили всѣ лавки и магазины, сравнивая наряды Московскіе съ здѣшними, затѣи нашего косметика съ роскошью Маслакова. Много и здѣсь прекрасныхъ бездѣлушекъ во всякомъ родѣ. Вездѣ чужія деньги выманиваются разными обольстительными вздорами.

Какъ не зайти въ книжную лавку тому, кто, какъ я, охотникъ марать бумагу и читать печатную? Здѣсь я былъ чрезвычайно удивленъ, найдя уже одинъ экземпляръ 1-й части моихъ сочиненій 3-го изданія съ моимъ портретомъ и виньетками. Спасибо моему книгопродавцу, что онъ такъ усердно торопится знакомить со мною южной край Россіи. Я признаюсь, что очень обрадовался симъ новымъ начаткамъ старыхъ моихъ произведеній; но самолюбіе мое меня не обманываетъ. Я не уподоблю себя пчелѣ, которая, летая по цвѣтамъ, сбираетъ сладкіе соки ихъ и умѣетъ доставлять людямъ или пріятной медъ, или богатое освѣщенье. Я такъ же леталъ много въ мой вѣкъ по вершинамъ Парнаскихъ горъ, собиралъ грузъ свой, но онъ не сладостенъ и не жарокъ. Другіе приносили съ Олимпа медъ и воскъ, услаждали и просвѣщали свои ульи, а я съ тяжкимъ скарбомъ небеснымъ слеталъ внизъ, какъ пустой комаръ, которой жужжитъ и котораго или гоняютъ прочь, пока не ужалилъ, или бьютъ до смерти, когда попалъ въ чувствительную жилу. Да, друзья мои, читатели моихъ стиховъ и прозы! Не ждите отъ меня ни сота, ни огня; но не ошибайтесь: я право не комаръ, а только трутень, которой чужимъ медомъ и свѣтомъ пользуется, а своего не успѣлъ вамъ дать. Уважьте, по крайней мѣрѣ, хоть признательность мою!

11. Сего дни здѣсь открыто Библейское Общество. На ловца звѣрь бѣжитъ, подумалъ я, и поспѣшилъ смотрѣть такого великолѣпнаго дѣйствія. Позднюю Обѣдню отслужилъ въ Лаврѣ тамошній Намѣстникъ; послѣ Обѣдни Митрополитъ вышелъ на молебенъ со всѣмъ соборомъ монашествующихъ, и потомъ воспѣли по обычаю многолѣтіе Царскому Дому. Чиновники города, военные и гражданскіе, всѣ были на этомъ богомольѣ. Изъ Лавры Серапіонъ повелъ всѣхъ въ свою залу, и тамъ, стоя у большаго стола, накрытаго алымъ сукномъ, съ возложенными на немъ духовными регаліями, какъ то: крестомъ, Евангеліемъ и толстою Библіею, старецъ сей прочелъ всему собранію рукописную своего сочиненія рѣчь, и когда, по выслушаніи ея, всѣ возсѣли около его на свои мѣста, предложилась подписка въ пользу сего новаго отродья Библейскихъ Обществъ. Младенцу на зубокъ положили изрядное приданое, а я, какъ человѣкъ заѣзжій, уклоняясь отъ сей новоизобрѣтенной повинности, отправился домой.

Не знаю, къ чему, посмотря на всю эту духовную церемонію, пришло мнѣ на мысль, что когда-то Наполеонъ сказалъ: «Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas,» и я про себя подумалъ: «Du sacre à la folie il n'y a qu'un pas.» Всему есть мѣра: шагни чрезъ нея, и вдругъ съ лица попадешь на изнанку. Я теперь только гляжу и наскоро замѣчаю, что болѣе прочаго на меня дѣйствуетъ, а разсуждать пространно некогда. Воротясь въ деревню, въ досугахъ уединенія, я вспомню нынѣшнее собраніе, и бумагѣ ввѣрю нѣкоторыя мои мысли на счетъ онаго.

Митрополитъ здѣшній очень сталъ ветхъ, съ трудомъ ворочается, и видно, что ему за 70 лѣтъ. Тяжко въ такой старости дѣйствовать и блистать наружнымъ видомъ. Рѣчь его была слѣпокъ тысячи и одной подобныхъ, и къ нимъ уже я прислушался. Послѣ Леванды въ Кіевъ не за чѣмъ ѣхать охотнику до витійства. Скончался этотъ геній, и жаль, что ни кого по немъ не осталось, кто бы выдалъ всѣ его проповѣди, а паче привѣтственныя рѣчи, которыхъ слогъ имъ усовершенствованъ въ Россіи и доставилъ ему по справедливости титло перваго нашего ритора духовнаго. Въ нынѣшній мой пріѣздъ не судилъ мнѣ Богъ питаться по прежнему сладкою его бесѣдою. Вѣчная ему память! *

Подъ вечеръ мы собрались смотрѣть на Кіевъ съ Московской дороги: оттуда картина его величественна, и поѣхали за Днѣпръ, но за суетами визитъ и общежитія, о которыхъ также намѣренъ поговорить пространно въ иное время, пріѣхали мы туда очень поздно. Мѣсяцъ уже поднялся высоко, прекрасная минута для философической мечты, но не для любопытства! Кіевъ скрывался отъ глазъ нашихъ во мракѣ тѣней нощныхъ, и мы только отгадывать могли красоту его положенія, но видѣть глазами трудно; и такъ безъ пользы проѣздили нѣсколько верстъ по горамъ и долгою ходьбою по пескамъ напрасно утомились.

На силу сладили съ Днѣпромъ и помѣшали ему подмывать

---

* Въ примѣчаніи моемъ къ первомъ Путешествіи въ Одессу и Кіевъ 1810 года Князя И. М. Долгорукаго, на стр. 280-ой, я сказалъ, опираясь на показаніе Г-на Аскоченскаго, въ его «Кіевъ, съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академіею» (2 части, Кіевъ, 1856; II, стр. 282), что Леванда первоначально назывался Сикачка. Теперь мнѣ сообщаютъ изъ Кіева, что онъ былъ не Сикачка, а Скакачка, какъ утверждаютъ нѣкоторые Кіевляне, еще помнящіе Леванду лично. О. Б.

пещеры, которыя могли скоро обрушиться въ воду. Гидравлики и Инженеры употребили на выдумки свои пропасть денегъ и много времени, не получа желаемой пользы. Говорятъ, что кому-то пришла самая простая идея: потопили нѣсколько байдаковъ съ каменьями; Днѣпръ, найдя волнамъ упоръ, сталъ копить тутъ свои отстои, и натура сама отвела его отъ горъ, въ которыхъ уже онъ теперь не роетъ проваловъ и не угрожаетъ вершинамъ. Простыя идеи всегда полезнѣе многосложныхъ замысловъ. Но люди простоту презираютъ, и мнятъ, что будто хитрость поставить ихъ можетъ выше законовъ самаго естества. Какъ мало мы испытали еще и силу свою, и механизмъ природы!

У подошвы хребта разсѣяны хаты, мазанки и бѣднѣйшія жилища, которыя даютъ горамъ Кіевскимъ новыя прелести. Вездѣ мелькали огоньки, когда мы по берегу прохаживались; надъ ними, въ срединѣ скалъ, почиваютъ Святые и какъ бы охраняютъ своимъ покровительствомъ домы сиротъ, а надъ тѣлами угодниковъ Божіихъ воздвигнутые храмы и башни сіяютъ какъ горнія свѣтила неба. Что можетъ сравняться съ этимъ ландшафтомъ? Сколько, думалъ я, подъ низкими сими кровами живетъ людей недужныхъ и престарѣлыхъ, кои рѣже видятъ Кіевъ и бываютъ въ немъ, нежели странники Московскіе, пріѣзжающіе сюда безпрестанно и въ колымагахъ, и въ бричкахъ! Чѣмъ ближе мы къ предмету любопытства, тѣмъ рѣже его видимъ. Это весьма обыкновенно. Я въ сихъ мысляхъ задумался по мосту и глядѣлъ на отраженіе лучей мѣсячныхъ въ Днѣпрѣ, какъ вдругъ услышалъ стукъ колесъ и топотъ конской: Графъ Бутурлинъ скакалъ изъ Питера въ Италію. Демонъ любопытства видно и ему не далъ покоя. На лету его коляски мы не успѣли другъ друга узнать и, не видавшись уже давно, можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни повстрѣчались. Онъ ѣдетъ лѣчиться, а я старъ. Далеко ли обоимъ до вѣчности?

12-го. Обѣдню мы слушали сего дни у мощей Великомученицы Варвары. Живущій въ монастырѣ Михайловскомъ, гдѣ они почиваютъ, Викарій или по нынѣшнему Коадъюторъ Митрополіи Кіевской, Епископъ Чигиринскій, самъ ее служилъ для дня воскреснаго.Ириней все такъ же бѣгаетъ, какъ заяцъ, тупитъ глаза въ землю, какъ сурокъ, и отъ излишней дикости въ поступкахъ чрезвычайно страненъ. Такому Архіерею можно служить только

для себя, а предъ народомъ онъ обращается въ посмѣшище. Онъ говорилъ проповѣдь своего собственнаго рукодѣлья, толковалъ, по какимъ причинамъ Апостолъ Павелъ, прощаясь съ Коринѳянами, отличалъ въ своихъ цѣлованіяхъ домъ Стефаниновъ; оборотъ сдѣлалъ потомъ на книжниковъ, коимъ Христосъ упрекалъ Моисеевымъ сѣдалищемъ, внушая народу слушать ихъ поученія, но дѣлъ ихъ не творить. Отсюда выводилъ, что всякой власти, даже злочестивой и невѣрной, должно повиноваться, когда она повелѣваетъ законное и справедливое, но ни самой благочестивѣйшей власти мы не обязаны покаряться, когда требованія ея не законны и не правосудны. Я слушалъ его со вниманіемъ, но, наскучивъ повтореніемъ безпрестаннымъ однихъ и тѣхъ же словъ, въ числѣ которыхъ чаще всѣхъ твердилъ онъ «дѣла таковыя,» или: «таковыя дѣла,» и опять чрезъ строку: «таковыя дѣла,» я проворчалъ отъ себя на счетъ его поученья: «Такія суть дѣла, ужасныя дѣла!» и обратился къ мощамъ, приложился къ нимъ, и поѣхалъ домой.

Мощи перенесены на другое мѣсто на время, по тому что храмъ придѣльной, въ которомъ они стоятъ, поновляется и загроможденъ лѣсами. У гроба Св. Варвары то же происходитъ, что и прежде: пропасть образовъ, колецъ, крестовъ и всего накладено въ раку, и торгъ идетъ своимъ порядкомъ. Кто беретъ оттуда хлопчатой бумаги для ушей отъ простуды; кто въ пузырекъ цѣдитъ масло, для смазыванія рѣсницъ отъ офталміи; иные заимствуютъ ладонъ, для окуриванія себя во время грома, и проч. и проч. Замолчимъ изъ почтенія къ святынѣ!

Монастырь получилъ въ прошедшемъ году славное пріобрѣтеніе: Государь изволилъ сюда прислать образъ Архистратига Михаила безподобной живописи и въ самой богатой отдѣлкѣ. Онъ обложенъ разными цвѣтными каменьями и алмазами и поставленъ въ иконостасѣ. На него дѣлается теперь ковчегъ.

Сдѣлавъ визитъ Княгинѣ Прозоровской, пожилой вдовѣ, живущей въ Кіевѣ, у которой нашъ женской полъ обѣдалъ, мы съ зятемъ поѣхали, по приглашенію Генерала Раевскаго, къ нему на обѣденный столъ. Герой окруженъ былъ своимъ военнымъ штатомъ и нѣсколькими ратоборцами, свидѣтелями его славы. Онъ насъ принялъ очень ласково. Живетъ во дворцѣ, держитъ хорошій столъ, всегда радъ гостямъ. Мы пили у него отмѣнное Шампанское вино, фруктовъ наѣлись до сыта, изобиліе въ нихъ большое но не для всякаго; они покупаются довольнно цѣнно, воздухъ созрѣваетъ ихъ даромъ—это правда; но владѣльцы той почвы, на которую льются лучи Феба, берутъ за плоды свои хорошія деньги. Супруга хозяина—дама весьма вѣжливая, пріятной бесѣды и самаго превосходнаго воспитанія: обращеніе ея уловляетъ каждаго. Хотя она уже не молода и не пригожа, но разговоръ ея такъ занимателенъ, что ни на какую красавицу большаго свѣта ее не промѣняешь. Не будучи съ нею прежде знакомъ, я остался навсегда ей благодаренъ за вѣжливое вниманіе ея ко мнѣ и всему моему семейству.

По вечерамъ въ праздничные дни бываетъ здѣсь гулянье въ дворцовомъ саду, и мы имъ воспользовались, но пріѣхали поздно, и красотъ мѣстоположенія не могли порядочно разсмотрѣть. Жаль, крайне жаль: ибо и здѣсь есть волшебные виды на Днѣпръ и на Подолъ; да гдѣ же ихъ нѣтъ? Всякая хижина богата своими прелестьми. Визиты проклятые отнимали время у любопытства. Въ городѣ много пріѣзжихъ. Съѣдутся всѣ барыни въ Лаврѣ по утру, другъ другу насулятъ посѣщенія, изъ дома въ домъ надобно таскаться цѣлый день; а какъ жаръ свалитъ, то ужь и вечеръ, темно, ни чего ни видишь: и такъ безполезная суета свѣтская лишаетъ удовольствія прогулки и обозрѣнія. Меня это приводило всякій день въ досаду. Ни чего здѣсь не скажу о новыхъ моихъ знакомствахъ: оставлю исчисленіе и наименованіе ихъ къ деревенскимъ уединеннымъ досугамъ.

Изъ саду мы воротились домой. Гуляльщиковъ было немного, но собраніе пріятное. Проѣзжая туда и обратно мимо булевара, замѣтилъ я, что онъ, къ сожалѣнію, брошенъ, заросъ травой, деревья многія посохли и не подсаживаются; ни кто на немъ не гуляетъ, и мѣсто это на горѣ совсѣмъ потеряно для пользы и для удовольствія. У всякаго заведенія надобенъ охотникъ, а безъ него всуе приниматься за работу.

Будучи на обѣдѣ у Раевскаго, я часто вспоминалъ тотъ прекрасный и нарядный балъ, который въ тѣхъ же самыхъ залахъ давалъ намъ въ 1810 году Генералъ Милорадовичъ, по случаю проѣзда чрезъ Кіевъ Г-жи Мятлевой изъ чужихъ краевъ. Тороватый хозяинъ можетъ быть вреденъ для себя, не спорю; но признаемся, что для публики роскошь его—драгоцѣнная находка.

Какъ намъ было весело тогда! Но я не хочу сравнивать настоящаго съ прошедшимъ ни въ какомъ отношеніи.

13-го. Смотрѣли Софійскій соборъ, знаменитой по древности своей и Левандовой каѳедрѣ. Сколько бы разъ ни довелось мнѣ быть въ Кіевѣ, всегда съ удивленіемъ увижу мозаическую работу въ куполѣ, которой не смогли истребить ни Батый, ни пожары; гдѣ она попорчена, того ни какое нынѣшнее художество исправить не умѣетъ: такъ-то созидали и работали наши предки!

Нашего времени выдумка совсѣмъ другого рода. Здѣсь пребогатыя Царскія двери, и на нихъ кому-то вздумалось вычеканить двуглаваго орла. Странная идея! Гербъ Россійскій на вратахъ олтаревыхъ: чего лесть подлая не употребитъ для снисканія благъ мірскихъ? Когда духовные таковы, то чего ожидать отъ свѣтскихъ? Подобно тому и на стѣнахъ поставлены портреты Царскіе, и поелику изображены были прежде во весь ростъ святые Печерскіе, Антоній и Ѳеодосій, то къ нимъ прибили пелены, и на пеленахъ повѣсили портреты такъ, что надъ ними видны однѣ головы угодниковъ; во весь же остальной ихъ ростъ Царь и супруга его висятъ къ нимъ спиною. Можно ли такъ играть въ святилищѣ?

Мраморный гробъ Ярослава, со всѣми на немъ эмблемами, простоитъ еще нѣсколько вѣковъ, и время самое не сотретъ сего памятника. Онъ заслуживаетъ между рѣдкостьми Кіева особенное примѣчаніе.

Мы приложились къ мощамъ Преподобнаго Макарія и прочимъ Православнымъ иконамъ, обошли хоры и, подойдя къ склепу, въ которомъ погребаются здѣшніе Пастыри, поклонились Самуилу, донынѣ еще съ благоговѣніемъ здѣсь воспоминаемому, и не забыли Леванды, который до свѣтлаго утра дня Господня покоится въ особомъ мѣстѣ отъ полезныхъ трудовъ своихъ. Онъ пережилъ пожаръ своей родины, и видѣлъ пламенное истребленіе своего жилища на Подолѣ, какъ бы предвозвѣстившее ему, что скоро потомъ храмина его тѣлесная разорится. На немъ нѣтъ ни какого отличительнаго памятника, но имя его долго жить будетъ въ памяти современниковъ, и слава его витійства раздастся въ отдаленномъ потомствѣ.

Видѣли въ то же утро Николаевской пустынной монастырь. Я нашелъ его въ томъ же состояніи, какъ и прежде. Но

послѣ того Настоятель Кипріянъ и создатель храма на Оскольдовой могилѣ скончался, и въ пещерахъ новопостроенной имъ церкви погребенъ. Храмъ сей не былъ еще освященъ въ первой мой пріѣздъ. Онъ имѣетъ круглую форму. Подъ нимъ вездѣ мѣста для мертвыхъ, а на верху колонада окружаетъ всю церковь. Прекрасная фасада! Она не огромна, но на красивомъ поставлена буеракѣ надъ Днѣпромъ. Тутъ ужъ я нашелъ четыре гроба благородныхъ жителей Кіевскихъ. Скоро и сія дебрь исполнится костей человѣческихъ!

Послѣ обѣда мы пустились за городъ смотрѣть Выдубицкаго монастыря. Онъ въ 3 верстахъ отъ Кіева, на покатѣ горъ къ Днѣпру. Къ нему дорога лежитъ все внизъ, и спуски довольно круты; надобно на смирныхъ лошадяхъ туда ѣздить. Обитель бѣдная! Мнѣ расхвалили положеніе мѣста: я ни чего не нашелъ особеннаго. Тутъ выстроена надъ оврагомъ бесѣдка сквозная, въ которой мы съ своей компаніей пили чай, лимонадъ, ѣли дыни, арбузы, груши; это былъ между нами пикникъ. Я долго смотрѣлъ съ удовольствіемъ на тихія струи Днѣпра, которой отошелъ такъ же и здѣсь отъ стѣнъ монастырскихъ и плыветъ далѣе, накидавши пропасть песку по сторонамъ. Послѣ видовъ, какіе мы находимъ у Андрея Первозваннаго, изъ бесѣдки Дворцовой, въ Кіевѣ, здѣшній уже почти ни чего не значитъ. Къ намъ зашелъ безъ зову пьяной монахъ, и позабавилъ насъ: что имъ дѣлать въ этихъ монастырькахъ, какъ не пить? Безпрестанная праздность! Названіе свое монастырь сей получилъ отъ басословнаго преданія въ народѣ, что когда идолъ Перунъ близъ Десятинной церкви былъ брошенъ въ Днѣпръ, то чрезъестественная сила нечистаго духа, въ кумирѣ гнѣздившаяся, дала ему способность плыть. Каменной истуканъ прибился къ этимъ берегамъ, и народъ язычниковъ, толпами его преслѣдующій, кричалъ въ слѣдъ ему: «Выдыбай же, нашъ Боже, выдыбай!» Въ память этой сказкѣ построенъ монастырь, и названъ Выдубицкимъ. Настоятель онаго, Ректоръ Кіевской Семинаріи, никогда въ немъ не живетъ, и обитель, не смотря на нѣкоторыхъ вкладчиковъ, коихъ похоронены тутъ родственники, въ весьма низкомъ состояніи; парчи много для ризъ, но строеніе въ упадкѣ; иконостасы требуютъ не только починки, но совершенной передѣлки.

Между камнями надгробными я видѣлъ, по одной надписи,

что тутъ похороненъ Штабъ-Офицеръ изъ Кіевлянъ, которой убитъ въ Бородинѣ, а зарытъ въ здѣшнюю землю. Гдѣ не найдешь жертвъ закланныхъ? Въ послѣднія яростныя войны отвсюду возили трупы мертвыхъ гноить въ нѣдро родимой земли. Чтобъ провѣтрить кучу мыслей мрачныхъ, которыя я собралъ въ этомъ монашескомъ жилищѣ, я пошелъ пѣшкомъ въ гору, и дойдя почти до заставы, все подымаясь по песчаному грунту, такъ утомилъ тѣло, что и воображеніе перестало мечтать. Усталь наилучшее лѣкарство отъ меланхоліи. Я уже заготовленъ былъ къ ней съ утра, отслушавши въ Лаврѣ панихиду на гробѣ схимонахини Нектаріи: память ея сильно дѣйствуетъ на всѣ мои чувства.

14. По милости новаго нашего знакомца, дивизіоннаго Генералъ-Лейтенанта Капцевича, отворили намъ Лаврскую ризницу, и мы, въ сотовариществѣ его, смотрѣли всѣ ея рѣдкости. Вообще говоря о ней, я не далъ сокровищамъ ея преимущества предъ тѣми, коими обогащена Лавра Троицкая и Патріаршая ризница. Тамъ надо искать богатства, а здѣсь нѣсколько предметовъ только богатыхъ, но вся ризница не изумляетъ. Я замѣтилъ особенно:

1. Чашу для водосвятія серебряную въ 6 пудъ вѣсомъ, которая можетъ назваться отличною вещью.

2. Евангеліе небольшой руки, но въ богатой отдѣлкѣ, стоющее до 30 тыс., и крестъ съ алмазами. Сіи двѣ вещи сооружены иждивеніемъ Лавры изъ ея имуществъ.

3. Прекрасная панагія съ аметистами, пожалованная Государемъ въ прошломъ году при рескриптѣ; но она не такъ великолѣпна, какъ...

4. Панагія, подаренная Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцевымъ бриліянтовая, и съ портретами родителей своихъ, которые скрыты въ задней доскѣ, украшенной надписью. Эту вещь цѣнятъ въ 40 т. Говорятъ, что Государь, увидя ее, изволилъ сказать: «Чѣмъ же я буду дарить, естьли Румянцевъ такіе даетъ вклады?» Правда ли, не знаю: сказывалъ намъ монахъ, показывающій ризницу; онъ слишкомъ кажется грубъ и простъ, чтобъ солгать съ умыслу.

5. Тотъ же Графъ Румянцевъ отдалъ въ Лавру Маршальской жезлъ своего отца, пожалованной ему Екатериною. Онъ тяжелъ и осыпанъ алмазами: золотая и эмалевая работа прекрасна! Сей военный трофей болѣе бы приличествовалъ въ Арсеналѣ, нежели

въ мирной обители, гдѣ ему нельзя найти ни какого употребленія, развѣ изломавши, чего будетъ жаль. Впрочемъ, я думаю, что двѣ лепты вдовицы громче отзовутся въ небесномъ царствѣ, нежели всѣ алмазы побѣдоносныхъ вождей.

6. Во множествѣ ризъ надо примѣтить тѣ, которыя приложила Императрица Елисавета Петровна: онѣ ушиты всюду крупнымъ жемчугомъ, а на оплечахъ большая звѣзда съ бриліянтами. Та же Самодержица вложила въ здѣшнее сокровище панагію бриліянтовую, стариннаго дѣла, съ портретомъ ея на задней сторонѣ, которой открытъ.

7. Со стороны вкуса я примѣтилъ прекраснѣйшія облаченія на цѣлой соборъ изъ парчи, присланныя въ Лавру отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

8. Изъ шапокъ Архіерейскихъ показывали намъ двѣ жемчужныя съ каменьями, отмѣнно богатыя, но за тяжестью почти не употребляемыя.

9. Много золота и серебра въ старинныхъ сосудахъ и утварахъ церковныхъ, но отмѣнно рѣдкаго ни чего нѣтъ, ни въ работѣ, ни въ драгоцѣнности, такъ какъ и въ сакосахъ: а приложенные послѣ вшествія въ Парижъ сосуды нынѣшнимъ Государемъ хранятся въ соборѣ Софійскомъ, и мы ихъ не видали.

Изъ Лавры я заѣзжалъ къ книгопродавцу на рюмку вина; а обѣдали мы всѣ семейно у Генерала Капцевича, вдоваго зятя Княгини Прозоровской, съ которой онъ живетъ въ общемъ домѣ. Столъ былъ роскошный: множество рыбъ, винъ и фруктовъ. Послѣ обѣда завернули съ визитомъ къ Генеральшѣ Раевской, и по благовѣсту собрались къ вечеру въ Лавру.

Всенощная началась поздно. Самъ Митрополитъ ее отправлялъ; она отошла въ полночь. Монастырь наполненъ былъ чернію. Тѣснота насъ выгнала на хоры, но тамъ и темно было, и душно. Мы не могли долѣе простоять, какъ до паремій, слѣдовательно, ни какой церемоніи не видали. Трудно, думаю, старому Сарапіону, которому за 70 лѣтъ, окружить себя пышностію, подобающею его сану. Напѣвъ монашеской замучилъ слухъ мой: продолжительной вопль ихъ показался мнѣ несносенъ. Ни какой нѣтъ гармоніи. Длинно, медленно и шумно. Образа окружены тысячами свѣчъ, но храмъ очень темно освѣщенъ: весь огонь въ иконостасѣ, а по сторонамъ его слишкомъ мало. Мнѣ казалось, что Митропо-

литъ сидя въ ковчегѣ своемъ, по маленьку дремалъ: да и не мудрено. Я увѣренъ, что естьли бъ народъ имѣлъ право и возможность присѣсть, такъ какъ онъ, то крылосы монашескіе всѣхъ бы насъ убаюкали. Можетъ ли такое богослуженіе быть пріятно Творцу Небесному? Молиться не возможно въ такомъ развлеченіи мыслей, слушать не чего, по тому что монахи кричатъ, а что они выговариваютъ, ни съ десятью ушами не услушишь. Смотрѣть на церемонію тамъ, гдѣ отправляетъ ее едва движущійся семидесятилѣтній монахъ, нѣтъ ни какой пріятности. И такъ прошу у всѣхъ прощенія, но Всенощная Лаврская не возбудила во мнѣ ни благоговѣнія душевнаго, ни удовольствія чувственнаго; къ тому же всѣ другъ друга давятъ, и знаменоваться крестомъ нельзя, не пострадавши отъ чужихъ кулаковъ. Въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, когда отправлялъ вечернее бдѣніе Платонъ, ни кто не примѣчалъ времени: оно летѣло, и всѣ были довольны. Но Платоны такъ рѣдки на земномъ шару, какъ кометы въ тверди небесной.

15. Духота и тѣснота заставили насъ искать Обѣдни не въ Лаврѣ, хотя тамъ Митрополитъ и отставной Архіерей отправляли Литургію съ отличными церемоніями. Мы ее отслушали въ Никольскомъ монастырѣ спокойно и съ подобающею тишиною. Еще въ Лаврѣ не начинали ее, какъ уже мы возвратились домой.

Будучи на канунѣ званъ обѣдать одинъ съ зятемъ къ Митрополиту, а всѣ мои домашніе будучи приглашены къ Раевской, я рѣшился и самъ къ нимъ присоединиться, и чтобъ быть учтивымъ и предъ Митрополитомъ, не смотря на его ко мнѣ холодное расположеніе, я надѣлъ мундиръ и поѣхалъ къ нему со всѣмъ моимъ семействомъ поздравить съ праздникомъ. Еще Обѣдня шла, хотя то было за полдень. Въ Лаврѣ неисчислимое было множество народа. Мы прошли на хоры, нашли тамъ Генеральшу Раевскую, Графиню Бутурлину и весь beau monde, какъ городской, такъ и заѣзжій: тамъ довольно было душно.

Проповѣдь говорилъ Ректоръ Академіи. Я слышалъ ее, но не могъ сверху довольно прилѣжно слѣдовать за его словомъ, чтобъ опредѣлить мое мнѣніе о красотѣ предики; а желая поскорѣй выйти изъ этой бани, я былъ доволенъ тѣмъ, что она была коротка.

Митрополитъ, окончивъ Обѣдню, шествовалъ въ своей мантіи до дома, такъ сказать, на плечахъ человѣческихъ: всѣ кидались ему на встрѣчу, «и угнѣтаху его народи,» прикладываясь къ пяти пальцамъ его; тѣже изъ богомолокъ, кои не умѣли схватить руки, цѣловали мантію его и краемъ ризъ отирали чело, я думаю для того, чтобъ голова не болѣла. Но мантіи нашихъ Святителей не имѣютъ дара, подобно простой ризѣ ихъ учителя, останавливать токи крови однимъ прикосновеніемъ. Если для сановитости довольно сѣдыхъ волосъ и глубокой старости, то Сарапіонъ особеннаго достоинъ вниманія. Его такъ толкали, что онъ едва не упалъ нѣсколько разъ на пути до комнатъ своихъ, близъ которыхъ онъ благословилъ трапезу нищихъ, отвѣдалъ ихъ хлѣба и питья, и наконецъ, при громкомъ восклицаніи «Исполла,» вступилъ въ свои чертоги.

Туда вошли за нимъ всѣ чины города, и высшіе, и низшіе, и наша братья, странники. Дамъ было множество. Такая же тѣснота въ покояхъ, какъ и въ церкви; но здѣсь другія причины привлекли богомольцовъ: богатой столъ со всякими яствами ожидалъ ихъ. Преосвященный изволилъ меня спросить, давно ли я пріѣхалъ, и отвѣтомъ моимъ кончилась наша бесѣда. Избранные, коихъ было мало, остались обѣдать; а я, хотя и званъ былъ, но уклонился отъ постной трапезы и поѣхалъ съ домашними къ Генеральшѣ Раевской, которая насъ прекрасно и дружески угостила. Я познакомился короче со всѣмъ ея семействомъ, и съ ученымъ иностранцомъ, который сыновей ея воспитывалъ. Онъ Французъ, но лучше по Славянски и по Русски знаетъ многихъ Русскихъ.

Послѣ обѣда барышни по перемѣнкамъ играли на фортепіяно, а прочія, сколько ихъ было, попрыгали; отъ нихъ не отставалъ и я, по тому что между добрыми людьми я охотно забываю свои лѣта и дѣлаюсь молодымъ.

Подъ вечеръ мы, отдохнувши съ часокъ дома, и сдѣлавъ визитъ Госпожѣ Иваненькѣ, поѣхали въ дворцовой садъ. Гулянье было прекрасное! Много съѣхалось пригожихъ дѣвушекъ и военныхъ мундировъ. Снова Госпожа Раевская приглашала насъ къ себѣ чай пить. Послѣ чего оставила насъ ужинать. Пріятно забывать время тамъ, гдѣ ласковое обращеніе замѣняетъ всѣ другія увеселенія, и мы въ пріятной бесѣдѣ кончили день, очень счастливы, что въ Кіевѣ нашлась такая дама, какъ Раевская, которая всякому городу можетъ придать отличную красу примѣр-

нымъ своимъ общежитіемъ. Говоря съ ней, можно забыть о балахъ, о громкихъ забавахъ, какія были здѣсь въ обычаѣ 7 лѣтъ назадъ, при Генералѣ Милорадовичѣ. Любезная женщина милѣе всякаго праздника!

16. Мы очень рано отправились къ Обѣдни въ тотъ монастырь, въ которомъ спасалась и дни свои кончила бабушка, Княгиня Нектарія Борисовна. Фроловской монастырь, будучи на Подолѣ, потерпѣлъ общую участь съ нимъ и весь почти сгорѣлъ. Крестовая церковь бабки моей, больничной именуемая, превратилась въ пепелъ: остатковъ ея вовсе нѣтъ. Но Государь пожаловалъ монастырю 50 тыс., и есть надежда, что попеченіемъ достойной его Игуменьи, Госпожи Норовой, онъ скоро придетъ въ первобытное свое состояніе.

Тутъ мы отслушали Обѣдню, и приложились къ разнымъ знаменитымъ иконамъ; а въ верхнемъ придѣлѣ на хорахъ, куда отданы были всѣ иконы изъ кельи Нектаріи и составили его иконостасъ, мы отслушали по ней панихиду, и пропѣли ей вѣчную память.

Внѣ монастыря поклонились гробамъ бывшихъ въ ея время настоятельницъ: Кал. Милославской, Августѣ, бывшей Графинѣ Апраксиной. Заходили къ нынѣшней Игуменьи, которая насъ приняла очень ласково: она уже украшена наперснымъ крестомъ. Видѣли новопостриженную монахиню изъ благородныхъ, по фамиліи Набокову, дѣвицу Шипову, прекрасную собой, которая, не смотря на молодость своихъ лѣтъ, рѣшилась посвятить себя Богу и ожидаетъ постриженія. Это родная сестра того гостепріимнаго помѣщика, который, подъ Кромами, всѣхъ проѣзжихъ зоветъ къ себѣ и угощаетъ. Любопытство насъ завело къ безумной Рахмановой. Она все въ одинакомъ положеніи, и несетъ вздоръ.

Изъ старицъ, кои помнятъ бабку мою, одна еще живетъ, Назарета. Мы были у нея въ кельѣ, и несказанно тѣмъ ее утѣшили. Трудно всѣмъ имъ послѣ пожара исправлять свои жилища и жить по прежнему.

Одна изъ сосѣдокъ зятя моего, у которой мы были въ гостяхъ въ деревнѣ, тогда еще пригласила насъ къ себѣ въ этотъ день обѣдать. Домъ ея на Подолѣ. Много насъ сѣло за столъ, но ни одного знакомаго лица. Хозяйка, женщина стариннаго обращенія, всячески старалась насъ угостить, и мы обязаны были,

изъ снисхожденія къ ея добродушію, вытерпѣть скуку—просидѣть полсутокъ въ жаркихъ и тѣсныхъ покояхъ, посреди лицъ незнакомыхъ. У нея было нѣсколько Офицеровъ и довольно барышень для танцовъ. И такъ послѣ обѣда зазвали музыкантовъ, и наша молодежь попрыгала. Юныя воспитанницы здѣшняго благороднаго пансіона отличались въ этомъ искуствѣ, которое во всякомъ краю имѣетъ свои собственныя правила и виды.

Идучи мимо рядовъ, я остановился у фонтана, изъ котораго безпрестанно течетъ прозрачная, ключевая вода. Онъ хорошо отдѣланъ. Подъ каменнымъ куполомъ, на 4 большихъ колонахъ, рѣзаной Самсонъ поражаетъ льва, деретъ его челюсть, и изъ нея брызжетъ вода въ пространной басейнъ, около котораго широкая проведена рѣшетка. Этотъ фонтанъ очень краситъ площадь. Жители Подола не могутъ осушить этой богатой купели.

Сегодня назначено было опять гулянье въ саду. Для украшенія онаго Генералъ Капцевичъ пригласилъ роговую музыку Князя Лобанова, и она привлекла сюда многихъ. Прежде, чѣмъ наслаждаться этѣмъ удовольствіемъ, я зашелъ на то мѣсто, которое готовится подъ построеніе костела и, осмотрѣвъ его, прошелъ въ садъ. Уже музыка гремѣла, наши всѣ были на гуляньи: вечеръ самой пріятной проведенъ съ большимъ удовольствіемъ. Музыка роговая отмѣнно хороша. Князь Лобановъ, женясь на богатой дочери Графа Безбородька, пользуется ею, живучи здѣсь зимою, и даетъ городу праздники; она тѣшитъ публику и теперь, хотя его здѣсь нѣтъ.

Нѣтъ радости безъ печали: разставаться съ людьми любезными всегда и вездѣ тяжело. Мы тутъ простились съ Генеральшей Раевской, и съ крайнимъ сожалѣніемъ принуждены были на толь короткое время свести съ нею знакомство. Необходимость поранѣе выѣхать заставила насъ поспѣшить домой, и я заснулъ съ пасмурнымъ воображеніемъ о суетѣ земнаго шара и живущихъ на немъ.

17. Вчера мы отдали послѣдній долгъ бабушкѣ, и поклонились въ послѣдній разъ тому мѣсту, въ которомъ почіетъ прахъ ея въ мірѣ. Да предыдетъ намъ всюду благословеніе ея и молитвы сей праведной души! Сегодни мы простились съ Кіевомъ, и довольно рано пустились обратно въ походъ до Ковалей, тою же степью, которой ѣхали сюда. Погода намъ благопріятствовала, и

мы опять пріѣхали въ Триполи на почлегъ. Дорогой утренней кучеръ нашъ доставилъ намъ новое безпокойство, какого еще мы не испытывали. Желая объѣхать пески, онъ взялъ въ сторону, сбился съ дороги, завезъ насъ въ какое-то болото, изъ котораго мы должны были по одиначкѣ на рукахъ нашихъ людей перебираться саженъ 20 черезъ водяную лужу, и къ счастью, что карета не потерпѣла отъ безпрестанныхъ толчковъ по каршамъ и пнямъ. Зять съ сестрой уѣхали изъ Кіева до насъ, и мы такимъ образомъ странствовали одни.

Подъ вечеръ другая встрѣча намъ попалась: волкъ прохаживался около дороги. Мы его видѣли не очень пріятными глазами. Крикъ людей его самаго встревожилъ: онъ скоро своротилъ въ лѣсъ и скрылся отъ насъ. Въ Триполяхъ нашли мы ту же квартиру, тѣхъ же блохъ, которыя намъ вовсе уснуть не дали, и мы провели довольно безпокойную ночь. Хозяинъ меня увѣрялъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ карета диковинка, по тому что по этой дорогѣ ѣздятъ только телѣги на волахъ; и я этому вѣрю. Нѣтъ ни чего тошнѣе степи; и кто захочетъ ими сокращать путь, когда можно другими дорогами, мимо хорошихъ селеній, достигнуть того же предмета?

Триполи должны были непремѣнно сдѣлаться намъ памятны надолго. Ѣхавши въ Кіевъ, мы сюда прибыли почью, послѣ молніи и ужасныхъ тучъ, которыя поминутно наводили на насъ страхъ; а сегодни, лишь только доѣхали, жена, выходя изъ кареты, испугалась на крыльцѣ собаки такъ нечаянно, что ей сдѣлался обморокъ съ истерикой, и долго, долго она не успокоилась а нервы ея не пришли въ порядокъ.

18. Цѣлый день ѣхали, съ 7 часовъ утра до глубокаго вечера, и достигли наконецъ Ковалей. Дорога пустынная, степная, ни чего примѣчательнаго: одни Жидовскія корчмы, въ которыхъ содержатели заняты были шабашомъ. Худое вездѣ убѣжище отъ зноя: ни одного дерева для тѣни, ни одной капли воды для прохлады. Кіевскіе фрукты, которыхъ съ нами былъ запасъ изрядной, питали насъ въ каретѣ, и, наслаждая вкусъ, мы старались переносить скуку единообразныхъ видовъ. Жаръ былъ умѣренной, вѣтеръ подувалъ съ прохолодью, и я то дремалъ въ подвижномъ своемъ кивотѣ, то читалъ Вольтеровы философскія враки. Сколько мы времени иногда теряемъ безъ пользы въ нашихъ

переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, да еще съ денежными большими тратами! Но человѣкъ не такъ созданъ, чтобъ онъ умѣлъ быть покоенъ и настоящимъ доволенъ: сидя на одномъ мѣстѣ, соберется въ дорогу, а на пути торопится домой.

19. Воротясь въ деревню, въ совершенное уединеніе, гдѣ ни шумъ, ни этикеты городской жизни не препятствуютъ человѣку мыслить и дробить свои идеи, я обращаюсь мысленно къ Кіеву, отъ котораго удалился, и намѣренъ сообщить на бумагѣ всякому, кому вздумается ее прочесть, нѣкоторыя мои разсужденія на счетъ предметовъ, кои успѣлъ только наименовать, переносясь отъ одного къ другому скоропостижно.

Кто хочетъ путешествовать изъ любопытства, тотъ долженъ быть свободенъ и распоряжать временемъ по своему произволу; иначе все увидишь, но ни чего не замѣтишь. Трудно удовлетворять въ одно время и законамъ общежитія, и желанію наблюдателя: визиты, знакомства, суеты, отнимутъ время и не оставятъ ни самаго краткаго мгновенія на то, чтобъ примѣтить древнюю рѣдкость, или пріятную картину природы. Путешествуя, надобно имѣть непремѣнно карандашъ въ рукахъ, и, не теряя ни чего ни со стороны взора, ни въ размышленіи, тотчасъ марать бумагу, тотчасъ повѣрять ей свои примѣчанія. Послѣ работай, приводи ихъ въ порядокъ; но память уже не обманешь, и суета не украдетъ того, что сохранилось въ ней.

Я былъ 10 дней въ Кіевѣ, былъ въ немъ въ другой разъ, и увѣренъ, что естьли бъ обстоятельства допустили меня еще побывать въ немъ, то мнѣ бы не достало столькихъ же дней, чтобъ все то описать, что въ немъ заслуживаетъ примѣчанія. Кромѣ обрядовъ общественныхъ, которые похищаютъ все время городской жизни такъ, что минуты, которыя остаются въ нашей свободѣ, часто необходимы для отдохновенія празднаго, мы всѣ, Россіяне, находимъ большой трудъ въ удобномъ разсматриваніи любопытнаго; у насъ надобно имѣть или большія деньги, чтобъ цѣною ихъ показали что нибудь, или повелѣнія Правительства, съ сильною протекціею мѣстныхъ властей, чтобъ видѣть всѣ рѣдкости какого ни будь края.

Чужестранецъ, пріѣхавъ въ нашу землю, или я въ его отечество, и сдѣлавшись ему чужеземцемъ, все увидитъ и воспользуется любопытнымъ. Ему у насъ, мнѣ у него, все покажутъ;

но въ своей землѣ ни кто вамъ изъ одного снисхожденія ни чего не покажетъ, какъ будто Москвичъ, заѣхавши въ Кіевъ, не можетъ такъ же горячо желать видѣть рѣдкости этого города, какъ и храмъ Св. Петра въ Римѣ. Но обыватель тутошній, видя всякой день Днѣпръ и его очаровательныя окрестности, думаетъ, что такъ же, какъ и ему, онѣ ни кому не въ диковинку, и не двинется съ стула, чтобъ указать вамъ Андреевскую церковь. Она у него поминутно въ глазахъ; онъ равнодушно ее видитъ и нынѣ и завтра, и дивится, что вы 1000 верстъ переѣхали для того, чтобъ на нее взглянуть. Велятъ какому ни будь приставу отперетъ и впустить: тогда все увидите; но чтобъ этого приказанья дождаться, вы напрасно проживете въ городѣ мѣсяцъ, и ни чего не добьетесь, а безъ повелѣнія ни кто вамъ сопутствовать не станетъ. Въ такомъ случаѣ путешественникъ, не снабдившій себя ни ордерами, ни рублями, можетъ, такъ какъ я, распросами одними обременять проѣзжихъ, или праздныхъ зѣвакъ, и, по вѣроятію ихъ отвѣтовъ, ѣздя собирать познанія о незнакомомъ мѣстѣ. Для любопытнаго человѣка это совсѣмъ неудовлетворительно.

Кто вамъ покажетъ Арсеналъ, Инвалидной домъ Князя Прозоровскаго и многія другія полезныя заведенія безъ особеннаго на то приказанія? Для полученія его надобна протекція; а у кого нѣтъ ни знакомыхъ въ городѣ, ни покровительства, тотъ можетъ сто разъ пріѣхать въ Кіевъ, и меньше будетъ его знать, нежели Англичанинъ, Шведъ, Нѣмецъ, который привезетъ отъ Министра письма, и для котораго всюду двери растворяются настежъ. Жаль, что это такъ затруднительно въ нашемъ Государствѣ; разсужденіе мое о семъ основано на собственномъ опытѣ. Присоединимъ къ этому затрудненію еще и образъ жизни Россіянъ: ни въ какомъ городѣ нельзя прожить дня, не поработясь тутошнимъ обрядамъ общежитія. Всякой требуетъ визита и поклона, потомъ станутъ васъ посѣщать. Куча незнакомыхъ сдѣлаются пріятелями, но на пользу ни отъ одного не жди ни шага, ни слова, былъ бы соблюденъ этикетъ, а между тѣмъ время убито; суетился, усталъ и, оставляя городъ, тужи весь свой вѣкъ, что не достигъ той цѣли, для которой единственно дорогою цѣлою поспѣшалъ побывать въ немъ. То же самое случилось со мной и нынѣ въ Кіевѣ: я многое видѣлъ урывками, а основательно не высмотрѣлъ ни чего.

Дорого бы я далъ, чтобъ въ первый мой сюда пріѣздъ въ 1810 году, я могъ, вмѣсто десяти дней, прожить мѣсяцъ: тогда бы я всякую пядень земли въ Кіевѣ осмотрѣлъ исторически—тогда я носилъ званіе публичное. Меня и пускали, и провожали всюду, опасаясь, не ревизоромъ ли я инкогнито разъѣзжаю, а нынѣ другое совсѣмъ воспослѣдовало:

> Чтобъ только лишь къ мощамъ за деньги приложиться,
> Я долженъ былъ сто разъ монаху поклониться.

Жалки путешественники въ Россіи! Сверхъ того, не совѣтую ни кому ѣздить смотрѣть Кіева ни въ Успенской постъ, ни въ Контракты. Въ первое время—тьма богомольцовъ и суеты набожныхъ посѣтителей, въ послѣднее—толпа Поляковъ и роскошные праздники не дадутъ времени ни о чемъ подумать, все въ развлеченіи: и монахъ, и міряне, всѣмъ не досугъ. Путешественникъ толку не добьется, да и климатъ самой препятствуетъ любопытной дѣятельности. Нынѣ такіе стояли жары въ этой сторонѣ, что цѣлой день почти никуда не хотѣлось выѣхать: пекло зноемъ! Душа утомляется, когда тѣло въ разслабленіи отъ жара: нѣтъ возможности ни двигаться, ни мыслить, съ трудомъ дышетъ человѣкъ, лежа на соломѣ безъ одежды; а какъ свалитъ жаръ, то вечеръ коротокъ, настигнетъ темнота, и съ самыми лучшими глазами ни чего не разглядишь.

Сказать ли, какимъ образомъ я желалъ бы путешествовать? Пріѣзжая въ любой городъ, не имѣть въ немъ ни какихъ знакомствъ, или освободиться съ тѣми, кои встрѣтится, отъ принятыхъ обычаевъ сидячей обывательской жизни; ѣсть, пить и ночевать въ трактирѣ, найти въ лавкахъ описаніе того города и, слѣдуя ему, такъ какъ съ ниткой въ лабиринтѣ, ѣздить всего смотрѣть, находить вездѣ разскащика, который, получая за трудъ свой положенную плату, вездѣ меня водилъ, все мнѣ показалъ, не допытываясь, кто я таковъ и стою ли его хлопотъ, и позволялъ бы мнѣ чертить карандашемъ въ моей записной книжкѣ, а потомъ, когда день прошелъ и настала вечерняя пора, увидѣть общество въ публичномъ какомъ либо собраніи, лѣтомъ въ саду, зимой въ залѣ, со всѣми ознакомиться, не посѣщая ни кого по домамъ, не принимая ни кого къ себѣ. О! такимъ образомъ я

готовъ мыкаться по всѣмъ матерымъ землямъ на свѣтѣ, и кочевою жизнію сего рода никогда не соскучу.

20. Въ Кіевѣ каждой шагъ ознаменованъ древностью достопамятной; каждой шагъ можетъ доставить страницу лѣтописцу; но отдаленіе вѣковъ прошедшихъ, когда Кіевъ былъ громокъ своею славою, уподобляетъ все о немъ преданія баснословной повѣсти. Все, что за долго до насъ происходило, кажется намъ сказкою. Да и подлинно, естьли мы увѣрены въ томъ, что тутъ Апостолъ Андрей водрузилъ крестъ, что тутъ Оскольдъ истлѣлъ въ своей могилѣ, что Перунъ сверженъ съ горы въ Днѣпръ и Владиміръ погружалъ въ немъ сыновъ своихъ, естьли и нѣтъ сомнѣнія, что Кіевъ былъ ѳеатръ всѣхъ сихъ позорищъ, то почему знаемъ мы опредѣлительно тотъ самой пунктъ земли, на которомъ такое и такое послѣдовало произшествіе? Мы знаемъ нынѣ, на которой батареи именно въ Бородинѣ раненъ смертельно витязь Русскій, Багратіонъ, но чрезъ 500 лѣтъ, можетъ быть, указывать будутъ проѣзжимъ за 5 верстъ далѣе его защиту и кончину. Время всѣ памятники истребляетъ, оно съѣдаетъ всѣ вывѣски человѣческой гордости, даже и самыя естественныя, какъ ржа точитъ желѣзо. Сколько мы находимъ развалинъ даже и тамъ, гдѣ гигантскіе рыты были окопы для оборонъ противъ стрѣлъ Татарскихъ. Курганы, холмы, все сравнивается наконецъ съ тою же землею, изъ которой они извлечены были, и толща земли все въ нѣдра свои поглощаетъ. Въ тлѣнномъ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго.

Можно смѣло быть увѣрену въ томъ, что ежели бы на Куликово поле явился вдругъ кто изъ воиновъ Донскаго, или изъ ратоборцовъ Мамая, и послушалъ нашихъ разсказовъ о битвѣ, то бы поправилъ тьму ошибокъ въ назначеніи, или наименованіи, урочищъ, и въ самыхъ дѣйствіяхъ вождей. Но что до того за нужда! Я такихъ мыслей, что нѣтъ ни какой пользы привязываться раболѣпно къ мѣстной точности; довольно вѣрной книги, чтобъ сохранить въ памяти всякое знаменитое событіе. Изъ устъ одного переходитъ сей словесной памятникъ въ помышленія другого, и такъ изъ рода въ родъ прославляется доблесть и добродѣтель гораздо надежнѣе, нежели высѣчкой на камнѣ, которой вѣкъ, или два, превратятъ въ пыль, нежели воздвиженіемъ страшныхъ скалъ, которыя свирѣпыя волны промоютъ въ основаніи и разрушатъ

до подошвы. Мы знаемъ, что Петръ I-й разбилъ соперника своего подъ Полтавою; но на которомъ пригоркѣ рѣшилась побѣда его, какая крайняя надобность объ этомъ и допытываться? Россіяне должны вѣчно помнить, что Екатерина дала имъ права, утверждающія ихъ свободу и благосостояніе; но въ которой именно комнатѣ своего дворца она подписала Указъ о томъ, чтобъ не называться рабами, и какимъ перомъ черкнула подъ нимъ свое имя, гусинымъ, или лебединымъ, что до того потомству за дѣло? Исторія наполнена бываетъ такихъ мелочей; а для внучатъ нашихъ довольно помнить подвигъ, и прославлять подвигоположника. Еще вѣкъ и два, и странникъ найдетъ, можетъ быть, пустыни тамъ, гдѣ чертоги наполнены нынѣ Бояръ.

Многіе охотники до древнихъ памятниковъ тужатъ часто, и даже съ досадою обвиняютъ современниковъ, что мало имѣютъ они вниманія къ руинамъ, и, истребляя обломки старинныхъ трофей, зиждутъ на мѣстахъ ихъ новыя башни, кои такъ же послѣ насъ кто ни будь разоритъ для затѣи. Но я бы желалъ этихъ антикваріевъ спросить, куда бы сами они дѣлись, естьли бъ, начиная съ перваго человѣка, въ мірѣ всякое произведеніе искуства, или всякой монументъ его тщеславія, оставался не прикосновенъ, какъ святыня, хотя и самой кивотъ завѣтный наконецъ безъ вѣсти пропалъ и до насъ не сохранился? Естьли бъ всякой геройской подвигъ съ тѣхъ поръ, какъ люди выучились орошать землю кровью своего ближняго; естьли бъ всякое зданіе владыкъ земныхъ съ тѣхъ поръ, какъ Самуилъ елеемъ помазалъ Саула на царство, сохранилось, или могло сохраниться, въ цѣлости, то намъ негдѣ было бы и хаты поставить, земля обратилась бы вся въ памятники, и такъ, какъ на кладбищахъ, нельзя ступить, чтобъ не наткнуться на камень надгробной, такъ точно нельзя было бы пройти во вселенной десяти шаговъ, не повстрѣчавши пирамиды, бугра, колоны, или чего ни будь подобнаго, во свидѣтельство незабвенное чаще проказъ человѣческихъ, нежели истинно славныхъ подвиговъ ума и сердца ихъ; и гдѣ же бы стали свои памятники строить тѣ герои которые, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ придутъ на землю и будутъ, можетъ быть, по однимъ Географическимъ чертежамъ догадываться, что существовала когда-то Европа, такъ какъ мы теперь въ школахъ слышимъ о Парѳянахъ и Месопотаміи? Міръ давно существуетъ; много родилось

и померло владыкъ, вождей и судей земныхъ; вѣкъ каждаго изъ нихъ созидалъ свои памятники, послѣдующій вѣкъ разорялъ ихъ, и на попранныхъ твердыняхъ земли новыя земли возрастали. Все живущее на свѣтѣ обязано уступить мѣсто свое другому: такъ устроенъ шаръ земной Творцемъ безчисленныхъ міровъ! Довольно, повторю я, естьли дѣла человѣческія предадутся беспристрастнымъ повѣтствователемъ до позднѣйшихъ потомковъ на то, чтобъ злыхъ остерегаться, а добрымъ подражать: вотъ существенная польза Исторіи, а памятники пусть сокрушаются! Лучше видѣть въ наши дни хорошій Казанскій соборъ, съ его богатыми притворами на Невѣ, нежели десятинную Владимірову церковь близъ Днѣпра, которая ни какой красы уже не сохранила, около которой, между бурьяна и дикихъ зелій, пасутся свиньи.

Въ Александровой слободѣ, что нынѣ городъ, живалъ нѣкогда Царь Иванъ Васильевичъ, и съ опричниками своими мучилъ все царство Россійское. Дворца его праха не осталось; на томъ мѣстѣ нынѣ ковачи настроили кузницы, чинятъ дрожки и кареты. Для меня всегда пріятнѣе было видѣть ихъ дѣятельную и полезную промышленность, нежели воспоминать, что тутъ нѣкогда происходило подъ скипетромъ Царя тирана. И такъ слава Богу, слава природѣ, что многіе памятники стираются съ лица земли. Сладко позабывать причину многихъ изъ нихъ! Не лучше ли ѣхать мимо поля, на которомъ ростетъ пшеница, нежели прохаживаться между пней сухихъ и думать: здѣсь былъ когда-то лѣсъ; громъ грянулъ—и роща вся сгорѣла.

21. Всякой смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія и, по дѣйствію ихъ на чувства, составляетъ въ головѣ свои заключенія. Я не могу безъ отвращенія видѣть нынѣшняго обычая или моды (ибо и на самыя святыя упражненія бываетъ мода), смѣшивать со всякимъ политическимъ происшествіемъ духовныя церемоніи, которыя отъ частаго ихъ употребленія почти въ посмѣшище иногда обращаются. Вспомнимъ, и послѣдуемъ словамъ Спасителя: «Воздадите Божія Богови, а Кесарева Кесареви!»

Я помню съ ребячества, что въ старину всякой хозяинъ дома, или отецъ семейства, не предпринималъ ни чего безъ молитвы и благословенія Божія. Заложитъ ли домъ, перейдетъ ли на новоселье, или поѣдетъ въ путь, или изъ дороги воротится, всегда призоветъ Священника, и посвятитъ нѣсколько минутъ на сла-

вословіе молитвенное предъ Богомъ. Такая скромная молитва среди своихъ домочадцевъ, безъ шума и провозвѣстія, текла прямо отъ души умиленной. Нынѣ, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ которыя благочестіе обратилось въ кощунство, люди вздумали опять прибѣгнуть къ Богу, и, дабы вознаградить потерянное время, ударились въ другую крайность. За все, про все, сбираютъ крестные ходы, двигаютъ толпы Священниковъ съ причтами, носятъ хоругви и цѣлые почти иконостасы по улицамъ и по домамъ.

Какая нужда при всякомъ манифестѣ, которой Государь подпишетъ, при всякомъ эстандартѣ, т. е., лоскуткѣ, вышитомъ на деревянной палкѣ, сгонятъ Архіереевъ, Поповъ въ каѳедральные соборы служить молебны, звонить въ колокола и давать, такъ сказать, черни духовное зрѣлище, унижающее цѣну первоначальной его причины? На что въ дѣла гражданскія вводить Церковь? Одно принадлежитъ Царю земному, другое Царю Небесному.

Когда Господь одождитъ ниву твою послѣ зноя продолжительнаго, усушившаго сѣмяна твои; когда онъ заключитъ хляби небесныя послѣ ненастья, затопившаго плоды твои; когда спасетъ тебя отъ бури тлетворныхъ вѣтровъ, не воздвигнетъ волнъ морскихъ противъ корабля твоего, плывуща съ грузомъ, или, устраня домъ твой отъ пожара сосѣдняго, сохранитъ жилище, при подобныхъ явленіяхъ природы, кои суть видимой знакъ Божія благоволенія (ибо натура въ десницѣ Божіей), бѣги, Христіанинъ, въ храмъ, подобно прокаженному, зови къ себѣ служителя Вѣры, лобызай пенатъ своихъ, падай предъ изображеніемъ Іеговы, восхвали Господа, благодѣтеля твоего, и молитва тихая, уединенная, скромная, полетитъ въ пренебесной жертвенникъ Господень, какъ чистой паръ нѣкогда Авелевой жертвы вознесся до Саваоѳа въ вони благоуханія духовнаго.

Но когда Царь великаго народа объявитъ новую милость, новой законъ, пожалуетъ Сигклиту новыя преимущества, воинству принесетъ въ даръ богатыя знамена, при такихъ политическихъ приключеніяхъ не нужно водить Архіерея съ бородою по улицамъ и носить передъ нимъ кресты съ хоругвями; тогда надобно, чтобъ Сенаторъ говорилъ благодарственную рѣчь Монарху за оказанныя имъ щедроты, чтобъ членъ Совѣта безъ содроганія выражалъ Государю мысли свои на счетъ новаго закона. Пусть Воевода, пріемля знамя Царское, бьетъ во всѣ барабаны, стрѣ-

ляетъ изъ ружей въ честь геройству и доблести, Сигклитъ пусть съ благоговѣніемъ заключаетъ въ золотые ковчеги грамоты и манифесты: все это прилично и у мѣста. Политическія дѣйствія должны быть окружаемы гражданскою величавостью.

Когда Царь шествуетъ къ Обѣдни, пусть тогда предылутъ ему лампады, Іереи съ ѳиміамомъ, Первосвященники во всемъ убранствѣ своего сана. Но когда Царь даетъ аудіенцію Послу, или приходитъ, посреди судей гражданскихъ, разсудить о правдѣ и истинѣ, тогда весь Дворъ пусть станетъ вокругъ его престола и умножитъ сіяніе славы его. Въ Сенатѣ судья народовъ обязанъ не псалмы пѣть на распѣвъ, а голосъ свой записывать и защищать права народа. Вотъ какъ раздѣляться должны живыми границами жертвы Вѣры, приносимыя Богу, въ его храмахъ, и дань благоговѣнія, платимая Владыкѣ въ его палатахъ.

Не молиться вовсе и никогда, какъ завелось было у насъ, совершенно пагубно; но при всякой исходящей изъ суда бумагѣ класть, при подписаніи ея, земные поклоны, при помѣтѣ каждаго имяннаго Указа бѣгать въ Соборъ и окропляться святою водою, есть другое низкое суесвятство, которое не Религію означаетъ, а слабость ума человѣческаго.

Отъ чего многіе вообразили, что будто подъ словомъ: «нищіе духомъ,» должно разумѣть людей, окраденныхъ умомъ и безтолковыхъ? Большое заблужденіе! Религія ни мало не чужда уму высокому, но чистому; напротивъ, чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ умнѣе и разсудительнѣе между себѣ подобными; и прямыхъ Христіанъ, угождающихъ Богу, отнюдь не въ толпѣ ханжей и не въ безумныхъ домахъ искать должно.

Въ сіе пространное размышленіе, которое излилось нечаянно отъ свободнаго потока идей моихъ и служитъ какъ бы предисловіемъ настоящему предмету, завело меня Библейское Общество, котораго открытію я былъ свидѣтелемъ въ Кіевѣ. Митрополитъ и все монашество Лавры отправляло богослуженіе торжественное во храмѣ; потомъ и въ покояхъ пастыря происходили пѣснопѣнія, проповѣди, и все это политическое зрѣлище совершилось предъ крестомъ и прочими регаліями духовными, украшающими алтарь и престолъ, а нынѣ возложенными на судейской столъ, облаченной въ красное сукно. Виноватъ! Спрошу стократно: на что сіе злоупотребленіе Святыни въ дѣлѣ, которое,

имѣя, можетъ быть, видъ духовной, весьма по внутренности далеко отстоитъ отъ Бога?

Я не знаю таинственной причины учрежденія Библейскихъ Обществъ, и не смѣю разсуждать о томъ, что отъ очей моихъ сокрыто, подъ спудомъ; но, судя о семъ новомъ Соборѣ Христіанъ настоящаго вѣка, по ихъ же собственной проповѣди, я въ Библейскихъ Обществахъ вижу не иное что, какъ книжную лавку, въ которой нѣсколько человѣкъ, сдѣлавъ подписку, собираютъ деньги на то, чтобъ больше печатать и дешевле продавать книги обоихъ Завѣтовъ, дабы всякой могъ, притекая къ сему источнику, пить невозбранно воду живу. Для достиженія сей цѣли, кажется, нѣсколько сотъ станковъ съ хорошими мастеровыми печатнаго ремесла, при одномъ вѣрномъ надзирателѣ, представили бы болѣе успѣховъ, нежели всѣ эти громкіе Комитеты, раздѣленные на Департаменты и подраздѣленные на Директорства.

Библія извѣстна нѣсколько тысячъ лѣтъ. Когда нравы были чисты, тогда и безъ Библейскихъ Обществъ всѣ ее покупали, имѣли въ домахъ и читали, а бѣдные люди слыхали въ церквахъ, моляся каждодневно, тѣ мѣста Ветхаго Завѣта, кои, для назиданія умовъ, извлечены были святыми мужами, трудившимися надъ сложеніемъ церковнаго устава, и, конечно, не безъ причины тѣ самые учители церковные и Іерархи предоставили читать всенародно въ пареміяхъ и прочихъ славословіяхъ не всю Библію отъ доски до доски, какъ порываются мистики наши, а нѣкоторыя мѣста, способныя просвѣтить людей безграмотныхъ.

Когда же нравы стали портиться, тогда и Библію ни кто не хотѣлъ брать въ руки, осмѣивая все, что въ ней было написано. Библейскія Общества злу сему не лѣкарство. Нравы исправляютъ не книги, а поступки и благіе примѣры. Тщетно бы сталъ врачъ говорить больному: «Живите умѣренно, воздержитесь отъ вредной пищи, расположите полезнымъ образомъ ваше время и занятія!» Напередъ больнаго надо вылѣчить, и когда онъ получитъ равновѣсіе въ сокахъ, необходимое для здоровья, тогда укажите ему средства, какъ сохранять это благосостояніе, какъ спасти животъ, легкое и голову отъ физической порчи. Такъ, кажется мнѣ, поступать надобно и съ нравами. Сперва пусть врачи моральные, кто гораздъ въ этомъ дѣлѣ, исправятъ ихъ, вылѣчатъ недуги умственные и душевные, а потомъ дайте въ руководство выздоро-

свѣвшимъ, дабы они не впадали въ новыя болѣзни, книги Священнаго Писанія, и они, читая ихъ, обрящутъ истинную пользу, а благодать воспоспобствуетъ трудамъ и прилѣжанію душъ благочестивыхъ, и исполнитъ сію аксіому:

Finis coronat opus.

Но въ теперешнемъ состояніи умовъ, кидайте даромъ всякому Библію—всякой изъ раболѣпства ее возметъ, и броситъ. Заводите во всякомъ селѣ свои общества, и прогуливайте всѣхъ Архіереевъ изъ Собора съ крестами въ свои новыя школы — ни чего не произведете, кромѣ пищи кощунству, или окаяннаго соблазна.

И такъ, естьли Библейскія Общества, какъ выше сказано, не что иное, какъ книжныя лавки, или типографіи публичныя, то къ чему столько шума, проповѣдей и церемоній духовныхъ? По этому нельзя будетъ безъ Попа, крестнаго хода и святой воды, печатать ни книгъ церковныхъ, ни Миней, ни Часовниковъ? ибо и сіи изданія такъ же нужны и полезны, какъ Библія; но мы не видимъ, чтобъ книгопродавцы, при открытіи своихъ лавокъ, звонили во всѣ колокола и тревожили все поколѣніе Левитовъ.

Нѣтъ ни чего страннѣе, какъ видѣть, что наши Аароны вдругъ нынѣ вздумали расхваливать и раздавать такую книгу, о которой столько тысячъ лѣтъ они молчали и на всѣ ругательства ея смотрѣли равнодушно. Иной могъ бы подумать, что Моисей вчера только выпустилъ изданіе своихъ книгъ въ Россію. Я не робѣя дерзну сказать, что наши Общества Библейскія не суть плодъ Вѣры, а плодъ духа лести. Это какой-то припадокъ, которой такъ же скоро пройдетъ, какъ и многіе, ему подобные, порождаемые не любовію ко Христу, а лукавствомъ и самолюбивою прелестію. Я помню, что кумъ Матвѣй не выходилъ изъ рукъ у всякаго юноши; теперь всякой хватается за Іезекіиля: все мода и человѣкоугодіе! Дай Богъ, чтобъ въ этомъ случаѣ не сбылась съ Россіей старая ея пословица: «Гдѣ вода была, тутъ и будетъ.» Опять появится кумъ Матвѣй, но, Боже сохрани, чтобъ послѣдняя лесть не сдѣлалась горше первой.

22. Изъ всѣхъ диковинъ, которыя попадались мнѣ на глаза въ настоящее мое путешествіе, признаюсь, что ни одна меня такъ не поразила, какъ орелъ серебряной на Царскихъ вратахъ въ Софійскомъ Соборѣ. Чего не попуститъ низкая подлость суетнаго человѣка!

Храмы наши созидаемые суть не что иное, какъ домы молитвъ, въ коихъ всѣ предметы, подверженные взору, должны располагать чувственность нашу къ одному душевному благоговѣнію и возраждать въ насъ внутреннее богомысліе. Но ежели въ то время, какъ пѣвчіе поютъ по нотѣ, или монахи кричатъ протяжно во все горло: «Всякое житейское отложимъ попеченіе!» куда мы ни обратимъ нашъ взоръ, къ чему ни приклонимъ слухъ, вездѣ видимъ одинъ соблазнъ, или слышимъ шумъ, заглушающій всѣ лики, то чего ожидать отъ нашего воображенія, кромѣ нестройныхъ идей, ни мало не соотвѣтствующихъ той цѣли, для которой тысяча колоколовъ торжественно насъ сюда приглашали?

Я бывалъ въ церквахъ разныхъ Исповѣданій, и ни въ одной не видывалъ такого безчинія, какое царствуетъ въ нашихъ храмахъ. Чего въ нихъ нѣтъ? Ввели обычай, вмѣстѣ съ святыней, полагать на престолѣ Царскія грамоты и учрежденія политическія, рядомъ съ иконами Мучениковъ и Пророковъ ставятъ портреты Царей, Епископовъ и мужей знаменитыхъ не Вѣрою, но гражданскими подвигами. На гробахъ Святыхъ раскладываютъ лавочки съ кольцами, и ими часто во всю Обѣдню торгуютъ, конторщики записываютъ свои счеты, старосты церковные звонятъ мѣдными деньгами, наполняютъ карманы, берутъ, сдаютъ, да еще и въ самое то время, какъ Священникъ возноситъ къ небу Святая Святыхъ. Мало этого! Кто-то вздумалъ на самыхъ Царскихъ вратахъ, кои, отверзаясь, должны представлять Христіянину небо отверсто, начеканить ту же птицу, какую мы видимъ на вывѣскахъ въ шипкахъ и трактирахъ, не смѣю даже сказать, кабакахъ, и гдѣ же? Въ томъ самомъ алтарѣ, изъ котораго первый лучъ Христіанства потекъ во всю Россію! Какого ожидать душевнаго расположенія къ таинствамъ Вѣры въ такихъ, можно сказать, не храмахъ, а капищахъ?

Святыня должна быть неприкосновенна. Самая бездѣлица, войдя во вкусъ, или обычай, вредитъ важнѣйшимъ постановленіямъ. Мы часто примѣры сіи встрѣчаемъ въ мірскихъ дѣлахъ: тоже допускается и въ духовныхъ, когда пастыри не только не блюдутъ, но даже позволяютъ собственнымъ своимъ примѣромъ отступать отъ коренныхъ правилъ Церкви, и убирать храмы по

произволу каждаго точно такъ, какъ комнату пріемную въ партикулярномъ домѣ, или диванъ какой ни будь Иродіады. Домъ молитвъ не игрушка. Или забыли наши Епископы и вся ихъ братья, что Спаситель выгналъ изъ храма Еврейскаго торжниковъ, продающихъ птенцовъ голубиныхъ, кои, приносимы бывая въ жертву по закону Моисееву, могли казаться даже принадлежностью церковной, какъ нынѣ у насъ ладонъ, или свѣча? Куда бы дѣвался тотъ пастырь, у котораго Іисусъ, въ наше время, увидѣлъ бы двуглаваго орла не въ притворѣ, а почти надъ самымъ кивотомъ благодати?.. Я не думаю, чтобы этотъ жрецъ, въ бѣлой камилавкѣ, успѣлъ послѣ того покойно стерлядей кушать.

Напрасно ссылаются у насъ Попы на то, что суевѣріе терпимо бываетъ для черни, которая взволнуется, ежели отнять у нея Пятницу на конѣ, или другія изуродованныя изображенія, кои она преимущественно чествуетъ. Вздоръ! Чернь никогда сама собой ни чего не выдумаетъ подобнаго, и не осмѣлится внести во храмъ, а всему тому раболѣпно кланяется, что найдетъ въ немъ; слѣдовательно, ежели бы сами наши учители не вымышляли такихъ затѣй, и не одобряли ихъ отъ людей высшихъ классовъ, то бы мы не находили въ церквахъ ни идоловъ, ни картинъ разнообразныхъ.

Ужь ли Христіанинъ выдумаетъ поставить зеркальныя Царскія врата, какія я видѣлъ въ одной обители, противъ которыхъ, какъ передъ туалетомъ, Дьяконъ растягиваетъ свой орарь, а баба, за нимъ стоя, вмѣсто молитвы, оправляетъ кичку? Ужь ли кто изъ черни выкраситъ Іоанну Златоусту, мѣстному образу въ иконостасѣ, сусальнымъ золотомъ губы, чтобъ отличить его отъ прочихъ изображеній, какъ я самъ это видѣлъ въ нѣкоторой обители? Не уже ли пахарь, ремесленникъ, или мѣщанинъ, первые натаскали по церквамъ рѣзныхъ куколъ, въ широкихъ сапогахъ съ раструбами, и назвали ихъ чудотворцемъ Николаемъ? Наконецъ, народъ ли должно обвинять въ томъ, что портретами наполнены иные храмы, какъ галереи картинныя въ музеяхъ? Совсѣмъ нѣтъ, конечно! Тщетно винятъ народъ. Подобныя выдумки никогда въ его головѣ не поселятся. При всемъ его суевѣріи, естьли просвѣщенный пастырь не будетъ поощрять, или наровить, прихотямъ людей знатныхъ, богатыхъ и проказливыхъ, повѣрьте, что простодушной поселянинъ всему тому будетъ молиться, что Попъ выставитъ ему на глаза; и такъ, ежели напишутъ на доскѣ просто и пристойно Георгія въ доспѣхахъ на своихъ ногахъ, онъ также будетъ передъ нимъ кланяться, какъ и передъ тѣмъ же Побѣдоносцемъ, естьли живописецъ вздумаетъ его намазать верхомъ на рыжей кобылѣ. Всякой порядокъ, благочиніе и благопристойность, зависитъ отъ служителя Вѣры; но увы! сей самой служитель, ради выгодъ своихъ, все стерпитъ, все позволитъ!

Не должно обрядовъ почитать сущностію Религіи, но не меньше опасно забывать, что одно съ другимъ въ такой же тѣсной связи, какъ тѣло съ душой. Искаженная наружность или форма вещи портитъ и внутреннюю ея доброту. Налейте въ кривой стаканъ, съ пузырями и нечистаго стекла, самое лучшее Токайское вино, ни кто пить его не станетъ. Начеканьте на образахъ голубей да синицъ, всякой забудетъ, что онъ въ храмѣ Господнемъ, а будетъ думать, что онъ въ Охотномъ ряду. Къ душѣ и разуму одинъ проводникъ—чувства, и дѣйствовать на нихъ надобно съ осторожностью.

Когда мы въ свѣтскихъ забавахъ не терпимъ, чтобъ нарушались принятыя правила, какъ, на примѣръ, въ театрѣ вездѣ завѣсы, кулисы и всѣ его собственныя принадлежности одинаково строятся; каждой карточной фабрикантъ тѣми же красками пишетъ короля жлудоваго, какъ и за пять сотъ лѣтъ назадъ его печатали, безъ малѣйшей отмѣны въ краскахъ и чертахъ, то по чему же мы въ однихъ только церквахъ допускаемъ всякія новизны, какими кому вздумается пощеголять, до того, что, проѣхавши 1000 верстъ въ краю одного Исповѣданія, не найдешь ни какого сходства между церковію въ Москвѣ и храмомъ въ Малороссіи? Должно признаться, что власти наши духовныя худые стражи дома Владычня; но они покрыты щитомъ великаго магическаго слова нашего времени—терпимость.

23. Когда я былъ молодъ, меня въ публикѣ называли атеистомъ, натуралистомъ, деистомъ, потомъ республиканцемъ, наконецъ даже и Якобинцемъ, но это меня не смущало; ибо я на лай собачій никогда не огрызаюсь. Теперь, подъ старость, пусть зовутъ меня суевѣромъ, ханжою, чѣмъ хотятъ: я еще равнодушнѣе перенесу злорѣчіе людское; но ни изъ страха, ни изъ корысти, не отрекусь отъ образа мыслей моихъ на счетъ предметовъ духовныхъ.

Я изъявилъ уже мое мнѣніе на счетъ орла, воткнутаго въ Царскія двери. Присоединю къ этой нелѣпой странности еще другую: я видѣлъ въ ризницѣ панагію, подаренную Лаврѣ Канцлеромъ Графомъ Румянцевымъ. Человѣкъ одинокой, безъ подруги и племени, доживающій послѣдніе годы суетной и малополезной жизни, добившись всего, что въ мірѣ благомъ зовется, и чиновъ, и почестей, и сокровищъ, разбитъ будучи параличемъ, и видя себя у края гроба, можетъ вся благая стяжанія своя повергнуть предъ Богомъ, вмѣняя ихъ въ ничтожность и прахъ. Подвигъ сей былъ бы подвигъ великой души; но вездѣ видна гордость Сіятельства, а съ гордостью и пренебреженіе къ Церкви. Въ этой панагіи вставлены скрытно портреты отца и матери. Почтеніе къ родителямъ похвально, но и сія добродѣтель имѣетъ свои предѣлы...

Пусть почтительный сынъ воздвигнетъ знаменитому родителю памятникъ въ палатахъ своихъ, на распутіяхъ, или площадяхъ городскихъ! Мы его прославимъ, и имя его сохранится въ лѣтописяхъ, какъ имя гражданина, первою добродѣтелью украсившаго сердце свое. Но вставить портреты батюшки съ матушкой въ панагію, т. е., въ такое церковное украшеніе, которое предназначено для одной святыни, и тѣмъ сравнивать честь міра съ святостью Религіи, это значитъ только принести въ даръ Богу, вмѣсто злата и сребра, навозъ, это значитъ посвятить Богу, вмѣсто умиленія раскаяннаго грѣшника, залогъ сатанинской гордости, и кинуть въ сокровищницу храма не лепту вдовичу, но тьму талантъ богатаго Лазаря, по тому еще, можетъ быть, что ихъ ужь дѣть некуда.

Весьма безполезно, думаю, для души Графа Румянцева, что онъ съ тяжкимъ иждивеніемъ соорудилъ для Лавры такую панагію, и не постыдился противъ алтаря воздвигнуть бюстъ своего родителя, съ надписью весьма не пристойною въ домѣ Господнемъ, о которомъ уже я и въ первомъ моемъ путешествіи упоминалъ. Но не менѣе предосудительно для властей духовныхъ, что они, изъ уваженія къ лицамъ знатнымъ, а, можетъ быть, и изъ сребролюбія, позволяютъ дѣлать въ храмѣ такія соблазнительныя приношенія.

Примѣръ сей подала первая Императрица Елисавета, подаря въ Лавру богатую панагію съ своимъ портретомъ. Трудно согласить этотъ поступокъ съ извѣстною ея набожностію, но не всегда человѣкъ одаренъ бываетъ такою силою въ духѣ, которая могла бы защитить видимой престолъ Божій на землѣ отъ насилія Діадимы. Извинимъ по человѣчеству сію слабость, но допустить подобныя, смѣю сказать, кощунства изъ уваженія къ вельможѣ, непростительно. И что такое Графъ Румянцевъ предъ Богомъ? Со всѣми своими подвигами побѣдоносными, онъ не болѣе значитъ послѣдняго поселянина, которой потѣетъ съ сохою на своей десятинѣ земли. Герои знамениты въ отечествѣ: тамъ ставятъ имъ статуи, пирамиды, ворота. Но въ церкви всѣ состоянія сравниваются. Здѣсь не тактика прославляется, а вѣра; не убійство, а любовь ближняго; не хищность, а милосердіе и безмездіе: вотъ, чѣмъ хвалится Христіанинъ предъ Богомъ! А портреты въ богатой оправѣ черной души отъ ада не избавятъ.

Не лучше ли стократно поступилъ такой же воинъ и вождь легіоновъ Россійскихъ, Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій? Онъ завѣщалъ при городѣ Кіевѣ построить инвалидной домъ для содержанія въ немъ раненыхъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ на его коштѣ, ассигноваъ на то значительной капиталъ. Замокъ сей каменной по волѣ его устроенъ. Въ немъ будутъ храбрые его сподвижники проливать безпрестанныя слезы о спасеніи души его. Тутъ храмъ, въ которомъ поставленъ гробъ его, оглашаться будетъ чрезъ долгой рядъ вѣковъ пѣснію духовною въ пользу души его; и нѣтъ сомнѣнія, что сія милостыня, сія жертва сокрушеннаго сердца, благоугодна будетъ Богу. Вотъ какъ герой, умирая Христіаниномъ, умѣлъ память свою сдѣлать незабвенною и достославною.

Естьли даръ, приносимый въ домъ Божій, тѣмъ уважительнѣе долженъ быть, чѣмъ богаче, и по тому портреты Гг. Румянцевыхъ терпятся въ панагіи, то не властенъ ли и откупщикъ богатый осыпать крупными алмазами такую же панагію и вставить въ ней свою пьяную харю? Какъ отказать ей послѣ приношенія подобнаго отъ другого? Лицепріятіе имѣть мѣсто не можетъ въ церкви. Алмазъ, все алмазъ, кто бы его ни бросилъ въ ризницу. Подъ какимъ предлогомъ откажутъ въ пріемѣ его портрета? Въ какомъ уставѣ найдетъ Архіерей, что Графской портретъ можетъ лежать на престолѣ и висѣть рядомъ съ крестомъ на его персяхъ, а живопись простолюдина не достойна одна этой высокой чести? Примѣръ попущенъ, и ни кого съ такимъ же приношеніемъ отвергнуть нельзя. И такъ, со временемъ ризницы

18

нашихъ богатыхъ обителей могутъ обратиться въ кабинеты миньатюръ всякаго пола и званія людей. Жаль, что есть вельможи, которые не чувствуютъ, въ чемъ состоитъ истинная и богоугодная жертва; жаль вдвое того, что есть монахи такіе падкіе къ камушкамъ, которые, дабы нарядиться въ алмазы, готовы принять все, что въ нихъ ни обдѣлаютъ.

24. Воздухъ сталъ у насъ мѣняться. Послѣ жаровъ продолжительныхъ и знойныхъ стало похолоднѣе, но засуха все продолжается. Поговоримъ еще въ уединеніи нашемъ о Кіевѣ.

Польская Шляхта, присоединенная къ Кіевской Губерніи, задумала построить костелъ, т. е., своего Католическаго Исповѣданія церковь, и посвятить ее Александру Невскому, котораго у нихъ и въ Святцахъ нѣтъ. Но что до того за дѣло? Императора Россійскаго зовутъ Александромъ: довольно, чтобъ и храмъ во имя его воздвигнуть. Для зданія, столь благочестиваго, нарядъ былъ по 25 коп. съ души. Нѣсколько Дворянъ, съѣхавшихся въ собраніе, такъ положили: заочныхъ о согласіи ни кто не спрашивалъ, но отъ Земской полиціи поскакали всюду Коммисары требовать денегъ. Графиня Браницкая, надѣясь на силу свою, не подписала ни чего, подъ предлогомъ, что, будучи Русскаго Исповѣданія, она можетъ сама у себя, въ честь Государю, безъ складки чужой, построить храмъ Греческой, а не костелъ, хотя будучи по мужѣ своемъ почти Полячка; ибо все имѣніе и богатство его принадлежало Польшѣ: она обязаннѣе была бы коренныхъ Русскихъ помѣщиковъ въ этой Украйнѣ пожертвовать на костелъ; но когда же сильные и богатые не дѣлаютъ того, что имъ вздумается? Графиня скупа, рада привязкѣ, и не дала ни гроша. Однимъ бѣднякамъ запрещено имѣть свой произволъ; и такъ прочіе обыватели Малороссіи, владѣющіе имѣніемъ въ Кіевской Губерніи, должны были дать, что назначено съ души, на постройку костела. Роптали, но платили, по тому что всякой изъ малости боялся попасть подъ тучу и навлечь на себя политическіе громы. Вотъ до чего дошла въ нашъ вѣкъ препрославленная терпимость, что ужъ Христіанинъ Греческой Церкви долженъ по неволѣ вспомоществовать построенію чужаго храма, тогда какъ, можетъ быть, онъ и своего построить, или же и починить, не въ силахъ, на что въ доказательство приведу и примѣръ.

Въ Кіевѣ—гнѣздо Христіанской Религіи. Тутъ Владиміръ за-

чалъ просвѣщать Россію, и крестилъ ее. Во имя его поставленъ издревле бѣдной деревянной храмъ на лучшей площади города, противъ Лавры. Церковь сія почти разрушилась; ни кто ее не поправляетъ; каменной строить городъ не въ состояніи, а между тѣмъ на костелъ всѣ даютъ, что велятъ, и Католики свой храмъ на Русскія деньги построятъ прежде, нежели Князю Владиміра, просвѣтителю Россіи, возобновится престолъ, не достойной нынѣ, по виду своему, ни имени его, ни страны, имъ просвѣщенной.

Я изъ любопытства ходилъ смотрѣть то мѣсто, гдѣ предполагаютъ заложить костелъ въ Александровъ день: оно отведено на одной изъ горъ Кіевскихъ, между Печерской стороны и Старымъ городомъ. Холмъ высокой, отвсюду виды прелестные и величественные: Кіевъ весь картина; рвы вырыты, и все готово. Принуждены были копать очень глубоко, по тому что насыпи велики, материкъ далекъ. По слоямъ земли видно, что тутъ было нѣкогда кладбище. Землекопы сказывали намъ, что при рытьѣ выбрасывали довольно много череповъ и костей человѣческихъ. Нынѣ на гробахъ Православныхъ чадъ Восточной Церкви поставится престолъ Западной! Равнодушіе всѣхъ примирило. Въ старину огорчился бы весь народъ, а теперь никому до этого дѣла нѣтъ, и мы дошли до той счастливой точки терпимости, что естьли и въ Донскомъ монастырѣ, надъ гробами нашихъ отцовъ и дѣдовъ, вздумается кому изъ философовъ духовныхъ присовѣтовать мечеть построить, мы, Москвичи, поворчимъ дома, а натаскаемъ кучу золота и серебра, и дадимъ волю проказничать.

На это тотчасъ закричатъ: «Какое сравненіе! То Мусульмане, а это Католики, и тѣ же Христіане.» Прошу меня извинить. Можно сказать, на примѣръ, говоря съ Нѣмцемъ: мы разныхъ царствъ, но тѣ же люди, по тому что человѣкъ одинъ и тотъ же вездѣ, что въ Африкѣ, что въ Европѣ: два глаза во лбу, носъ посреди лица; но нельзя сказать: мы разныхъ Церквей крестники, но тѣ же Христіане, по тому что, какъ скоро сказано разныхъ въ отношеніи къ Религіи, то не тѣ же и не одни. И въ самой Россіи мы отличаемся отъ раскольниковъ, но ихъ понятія не такъ, можетъ быть, отшиблись отъ нашихъ, какъ Лютеранское, или Римское, Исповѣданіе. Вѣра моя имѣетъ свои догмы и правила: все, что не сходствуетъ съ ними, перестаетъ быть для меня одно и то же. Я не стану разсуждать о томъ, чья Вѣра лучше: оста-

вимъ судъ сей Богу; но долженъ стоять на томъ камнѣ, на которомъ поставили меня мои благовѣстники духовные, и на которомъ я держаться хочу, по убѣжденіямъ совѣсти и моего разумѣнія. Такъ какъ Полякъ и я, мы тѣ же человѣки, но не одного народа люди. У нихъ Статутъ и Конституція: у насъ воля Царя и Имянной Указъ. Мы управляемся одною властію, но не по однимъ законамъ; слѣдовательно, не одно и не то же. Я не пойду въ Повѣтовой Судъ разбираться съ Россіяниномъ, своимъ братомъ, въ обидѣ по Статутовымъ правамъ: за чѣмъ же полечу я въ его костелъ молиться по его книгѣ, а не по своей? Естьли мы въ правахъ гражданскихъ изобрѣтаемъ всякой день новое различіе между иноплеменными народами и своимъ, то какая нужда смѣшивать мнѣ свою Религію съ чужою? Пусть всякой вѣритъ, какъ разсудилъ; но тотъ, кто со всѣми готовъ молиться всячески, безъ нужды, а изъ блажи, тотъ, думаю я, не далекъ и отъ того, чтобъ ни чему и никогда не молиться.

25. Бывши въ Выдубицкомъ монастырѣ, нечаянно глаза мои попали въ церкви на широкую картину, изображающую до 50 разныхъ видовъ Богоматери. Между прочими, я, по надписямъ, нашелъ явленіе Гишпанской и Почаевской Богородицы, которыя принадлежатъ болѣе къ Католической Церкви, нежели къ нашей.* При взглядѣ на нихъ, мнѣ захотѣлось сдѣлать вопросъ всѣмъ нашимъ пастырямъ и учителямъ: отъ чего, какъ видно, являлись одни образа Матери Божіей безпрестанно, и на всякомъ мѣстѣ, а Христовыхъ иконъ явленныхъ подъ наименованіями прилагательными нигдѣ я не видалъ? У насъ что городъ, что монастырь, то своя икона Богородицы, а Христосъ вездѣ одинъ; Его не зовутъ ни Тамбовскимъ, ни Подольскимъ, ни Ревельскимъ. При томъ же, какое множество аллегорическихъ списковъ Богоматери! Живописцы ни на чемъ такъ не изощряютъ своего воображенія, какъ на иконахъ Владычицы. Доходитъ иногда дѣло до предосудительнѣйшаго соблазна. Скажите, Господа въ высокихъ колпакахъ, широкихъ платьяхъ и лентахъ, отъ чего вы это терпите, и для чего не положите преградъ затѣямъ иконописца, или,

* Образъ Почаевской Божіей Матери—живописи Православной, точно такъ, какъ Остробрамской въ Вильнѣ и Ченстоховской, которые всѣ нѣкогда принадлежали Православнымъ храмамъ. О. Б.

лучше сказать, Холуйскихъ богомазовъ, которыхъ, ежели не унять, то скоро натаскаютъ въ наши храмы и того, чего нѣтъ и въ кумирницахъ языческихъ? *

Здѣсь оканчиваются мои бѣглыя примѣчанія на тѣ предметы, кои въ Кіевѣ заняли меня болѣе прочихъ. Съ удовольствіемъ хочу въ заключеніе сказать, что я радовался каждое утро, ходя слушать Обѣдню въ разные храмы, той вѣрѣ и сокрушенію, съ какими многіе приступали къ Евхаристіи: вездѣ почти причащались многія свѣтскія особы и высшихъ классовъ, и простонародные богомольцы. Это представляло моему воображенію древнюю нашу Апостольскую Церковь въ то время, въ которое всѣ, готовясь къ Причащенію, очищали совѣсть свою не въ узаконенную только какую либо часть года, но тогда особенно, когда совѣсть ихъ удручена была тяжкимъ упрекомъ. И въ самой вещи, человѣкъ не тогда ли спѣшитъ искать врача, когда онъ занеможетъ? Точно такъ и грѣшникъ тогда спѣшитъ упасть съ повинною предъ Отцемъ Небеснымъ, когда онъ чувствуетъ, что раздражилъ его. Принимая таинство Причастія въ видѣ примиренія себя съ Богомъ, какъ можно присрочивать его къ какому ни есть посту, или сочельнику? Иногда въ эти дни совѣсть наша спокойна, а въ прочіе мятежна: тутъ-то и потребно врачество Вѣры, и мы перѣдко его отсрочиваемъ. Въ обращеніи нашемъ къ Богу не должно вмѣшивать ни этикетовъ, ни сроковъ, ни приличій мѣстныхъ. Душа не должна подходить подъ правила симметріи, или вымышленнаго распорядка. Въ Кіевѣ Дьяконъ, говоря, съ чашею въ рукахъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!» не произносилъ словъ сихъ для одной только формы, и не уходилъ назадъ въ олтарь, но Христіане приступали и причащались Святыхъ Таинъ, и это одно изглаживало въ умѣ моемъ до послѣдней черты негодованіе, съ которымъ я обращался ко многимъ неустройствамъ въ богослуженіи. Я видѣлъ, что есть еще Христіане, приверженные къ святынѣ, и радовался внутренно, что ревность добрыхъ людей превозмогаетъ пагубную философію хитрыхъ лжеучителей нашего вѣка.

26. По возвращеніи нашемъ въ Ковали прошло уже восемь

* Въ прошломъ столѣтіи, и даже въ XVII-мъ, было издано нѣсколько распоряженій отъ свѣтскихъ и духовныхъ властей касательно этого предмета. О. Б.

дней, которые мы провели въ деревенскомъ уединеніи, занимаясь мысленно Кіевомъ. Я все еще писалъ объ немъ и собиралъ разсѣянныя мои размышленія; пора заняться сочиненіемъ семидневнаго рапорта о здѣшнемъ нашемъ житьѣ и наполнить газету мою настоящими произшествіями. Недѣля протекла въ обыкновенномъ единообразіи, хотя въ близкомъ разстояніи отъ насъ, не далѣе 5-ти верстъ, происходили военныя большія движенія. Изъ Кіева съѣхались Генералы дивизіонные и бригадные, и дежурный Генералъ, или Главный штабъ 1-й арміи, Дибичъ, ревизовать и учить бригаду Московскаго и Псковскаго пѣхотныхъ полковъ; однимъ, т. е., первымъ командуетъ Краминъ, другимъ Нарышкинъ. Оба сведены были въ помѣстье Господина Турчанинова, и три дни продолжались строи. Къ намъ доходилъ отдаленной только гулъ барабаннаго боя. Ученье происходило рано по утру, слѣдовательно, мы въ нихъ не могли принять участья нашими глазами. Генераламъ недосугъ было завернуть къ намъ. Мы все это время провели дома; посѣщали насъ нѣсколько Офицеровъ 3-го баталіона Московскаго полку, и Подполковникъ онаго, Г. Капцевичъ, съ которыми шумно и пріятно протекали наши дни и вечера. Потомъ весь Генералитетъ разъѣхался; полки разошлись по квартирамъ, но Офицеры, стоящіе около насъ, ѣздили къ намъ безпрерывно.

Прислушиваясь къ полковымъ анекдотамъ, я примѣтилъ, что полки не что иное, какъ Губернскіе города въ движеньи, относительно къ общежитію. Тѣ же въ нихъ сплетни, партіи, раздоры и, смѣю сказать, тѣ же поползновенія, но облагороженныя мундиромъ другого покроя, эполетами и разными гремушками. У военныхъ людей свой лексиконъ. На прим., въ полкъ надобенъ провіантъ; цѣна по справкамъ высока. Полковой командиръ уступаетъ гривну, и беретъ продовольствіе на свое попеченіе. Казна отпускаетъ деньги; Полковой командиръ выдаетъ изъ нихъ, сколько, по сдѣлкѣ взаимной съ ротными командирами, разсудитъ, каждому изъ нихъ, для продовольствія людей. Ротные начальники или купятъ хлѣбъ ниже выданной цѣны, или отдадутъ часть денегъ, не обижая себя, обывателю, и заставятъ безъ ряды кормить солдатъ. Всѣ сыти, всѣ довольны, доносчиковъ нѣтъ; казна въ живомъ накладѣ; но эта операція называется економіей, и ни кто ея не стыдится. А та же операція въ

статскомъ званіи слыветъ лихоимствомъ, и что сходитъ съ рукъ съ похвалою широкимъ эполетамъ, за то ссылаютъ всякой день въ Сибирь тѣхъ, у кого нѣтъ ни шпоръ, ни тяжелыхъ палашей. Правда, что за то и солдатъ и Офицеръ смучены на походахъ и маневрахъ, и выгоды полковыхъ командировъ сокомъ достаются въ самое мирное время: что жь въ день сраженія? Хорошо, какъ убьютъ; а иногда въ страдательномъ увѣчьѣ нѣсколько лѣтъ промаешься, въ тягость и себѣ и людямъ. Можно за это позволить воровство и маленькой грабежъ называть економіей. Увы! Натура иногда и сама, безъ непріятеля, дѣлаетъ насъ калѣками.

Вчера мы выѣзжали обѣдать къ одному сосѣду, по фамиліи Montrésor: онъ живетъ въ 15-ти верстахъ отъ насъ; хорошій хлѣбосолъ, старинной краснобай, а теперь въ параличѣ, не можетъ порядочно изъясниться. Языкъ отшибло, а память свѣжа, и хочется поговорить: жалкое состояніе! Я съ большой прискорбностью дѣлилъ съ нимъ время. Мы ходили у него по саду: всего много, и здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ виноградникъ на воздухѣ. Имѣніе его не велико, но въ присмотрѣ: и всѣмъ изобильно. Онъ насъ хорошо накормилъ, и славнымъ потчивалъ Венгерскимъ. Семья его состоитъ изъ пожилой сестры, пригожинькой племянницы и молодаго сына. Гдѣ есть личико женское, тамъ никогда не пусто. Офицеры всякой день къ нимъ ходятъ, и во время послѣднихъ строевъ домъ ихъ полонъ былъ гостей.

Въ околодкѣ здѣшнемъ очень громка Г-жа Матусевичева, у которой дочь воспитана въ Бердичевѣ, танцуетъ лучше прочихъ сосѣдокъ мазурку, довольно жива и красива: чего же больше для славы? Матушка ея сама еще не стара, а какъ набѣлится, то при огнѣ на балѣ покажется хороша. Она дружна съ супругою полковаго командира, и отъ того восхитила право на чванство. Къ тому же достатокъ ея соблазняетъ жениховъ. Многіе Офицеры безвыѣздно отъ того живутъ въ селеніи ея, Пилявѣ. Это недалеко отъ насъ. Но здѣсь ея не трусятъ. Нашла коса на камень. Она до насъ не охотница. Отъ связи ея съ Полковницей весь полкъ по большей части или у нея, или съ нею. Третій батальонъ, который не гибко ведетъ себя, разумѣется, Офицеры онаго, раздѣлились съ прочими своими собратами на партіи, и отъ междоусобія этого мы пріобрѣтали свои выгоды, т. е., нѣ-

сколько молодыхъ людей, кои, вмѣсто Пилявы, прямо изъ строя ѣзжали въ Ковали. И такъ мы попали въ соревнованіе съ какою-то шляхтою, о которой едва и знаетъ ли кто верстъ за сто отсюда.

Погода у насъ перемѣнилась. Вдругъ завернула стужа. Я ужъ тужу о своемъ каминѣ, что не могу его изъ Москвы сюда передвинуть. Пора къ нему спѣшить. Какъ часто мы хвалимъ напрасно здѣшній климатъ: право таковъ же почти, какъ и въ Россіи: бываетъ холодно въ Іюнѣ, и въ Августѣ листъ валится. Я нахожу разницу только въ томъ, что продолжительнѣе бываютъ жары, и солнце сильнѣе здѣсь печетъ, отъ этого и бергамоты, и принцмадамы, и виноградъ. Но у насъ натопленныя оранжереи не уступаютъ солнечнымъ лучамъ. Въ Россіи все это есть, что имѣетъ Малороссія, но Малороссія не имѣетъ того, что въ Россіи. Климатъ въ четырехъ стѣнахъ можно доставить себѣ, какой захочешь, были бы сосновыя рощи; а общества не дадутъ ни воздушныя дули, ни гигантскіе тополы. Съ людьми пріятными въ большой залѣ весело и посреди суровой натуры, а безъ людей скоро соскучится и подъ лучами Феба, на горахъ высокихъ. Скажемъ, скажемъ сто разъ: «Что матушки Москвы и краше и милѣе!»

27. Вчера, для имянинъ дочери моей меньшой, здѣсь, въ домѣ, было праздество, и прощальная вечеринка Гг. Офицерамъ 3 баталіона Московскаго полку, кои сегодня всѣ выступили въ Богуславль для шествія оттуда на маневры, приготовляемыя къ пріѣзду Государя въ Бѣлой Церкви. Съ полденъ начали съѣзжаться гости, сосѣдей было у насъ немного: несчастный Монтрезоръ съ своимъ семействомъ, и веселая панья Казаринова съ своимъ угрюмымъ супругомъ; а прочая компанія состояла изъ воинства. Подъ вечеръ прибылъ Подполковникъ Капцевичъ, человѣкъ очень любезный и рыцарь безъ педантства. Налетѣлъ на праздникъ Нѣжинской нашъ знакомый, Кіевскаго драгунскаго полку Офицеръ, Баронъ Венгерскій, который такъ рѣзвился въ Нѣжинѣ на балѣ. Онъ пріѣхалъ сюда съ своимъ Генераломъ, Полемъ, и отпросился къ намъ на сутки. Все скачетъ къ маневрамъ.

Увеселеніе началось обѣдомъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Монтрезоромъ, и болѣе думалъ о немъ, нежели о пищѣ. Худой аппетитъ подлѣ такого недужнаго страдальца. Онъ не можетъ порядочно двухъ словъ выговорить, не можетъ самъ рюмки вина себѣ налить. Не приведи Богъ попасть въ эдакое состояніе! Кажется, никуда бы не показался. Все умножаетъ собственную скорбь и наноситъ печаль другимъ. Вѣрьте, послѣ этого, медикамъ! Они часто увѣряютъ насъ, что только люди тучные, сырые, особенно же короткошеи, осуждены отъ натуры умереть въ параличѣ. Монтрезоръ, напротивъ, такъ же сухъ и худъ, какъ я; шею имѣетъ длинную; по наружной конструкціи его тѣла складнѣе было бы ему зачахнуть; напротивъ, онъ дожилъ до 70 лѣтъ почти безъ кашля, а параличъ его разшибъ и сдѣлалъ на весь остатокъ жизни калѣкой.

За десертомъ мы пили славнымъ Венгерскимъ здоровье двухъ наличныхъ имянинницъ и нѣсколько заочныхъ. Десертъ былъ богатъ всякими плодами. Погода холодная заставила меня позавидовать одному пану Подкоморью. Онъ въ Польскомъ своемъ кафтанѣ опоясанъ богатымъ кушакомъ, не чувствовалъ сѣвернаго вѣтра, а мы всѣ во фракахъ вздрагивали, какъ скоро дверь, или окно, растворятъ и пахнетъ наружной воздухъ. Вотъ настоящая одежда—Польской кафтанъ! Въ старину и Русскіе также одѣвались: а нынѣшній модный фракъ, Французскаго покроя, ни отъ чего не защититъ: бѣдное платье! Ощипано, обужено, все на распашку: худая оборона отъ сырости и стужи!

Послѣ обѣда начались танцы подъ клавикорды съ одною скрыпкою, на которой игралъ самъ хозяинъ. Всѣ мы прыгали и рѣзвились. Венгерецъ очень былъ забавенъ. Я самъ далъ себя взманить, и до устали ноги ломалъ. Панья Казаринова затѣяла здѣшній танецъ или, лучше сказать, рѣзвость журавля. Пыль столбомъ стояла въ залѣ; тутъ ужъ всѣмъ сдѣлалось очень жарко. Между тѣмъ привели трехъ скрыпачей съ стороны. Пляска усилилась; а для отдохновенія отъ нея иногда играли въ фанты, въ короли и всячески дурачились, какъ въ деревняхъ, на свободѣ водится. Въ легкости отличалась болѣе всѣхъ мамзель Терезъ, племянница Монтрезорова: она не танцуетъ, а летаетъ какъ перышко. Такимъ образомъ проведя день очень шумно, ежели нельзя сказать очень весело, мы со всѣми гостями послѣ ужина разпрощались, и угомонились.

Между разными предметами економіи, о которыхъ здѣсь на-

слушаешься, сказывали мнѣ, что пчелъ сохраняютъ на зиму только тѣхъ, кои благонадежны къ своей работѣ и могутъ вознаградить весною то, чего станутъ хозяину въ зиму, а тѣхъ, которые не способны ни роиться, ни трудиться, тѣхъ выбиваютъ изъ улья, т. е., отберутъ весь медъ и воскъ, а ихъ дымомъ уморятъ. Изрядное обращеніе! И послѣ мы дивимся, что голодный медвѣдь, встрѣтивши человѣка въ лѣсу, сорветъ съ него черепъ и мозжечекъ высосетъ. О! естьли бъ всѣ животныя, рыбы, птицы и даже гады, которыхъ мы выдумали кушать, могли съ нами поступать такъ же, какъ мы съ ними, немного бы нашей братьи на племя оставлять стали. Надо признаться, что человѣкъ есть самое хищное и плотоядное существо въ мірѣ.

28. Пріятная встрѣча—находка для путешественника, какъ спокойный ночлегъ послѣ утомительнаго пути по пескамъ, какъ ключъ свѣжей воды подъ полуденнымъ зноемъ въ степи. Я вскользь молвилъ, писавши въ Кіевѣ, о тамошнихъ новыхъ моихъ знакомствахъ; хочу теперь, увозя съ собой память ласковости ихъ, въ отдаленную мою родину, наименовать лица и подробнѣе поговорить объ нихъ. Трудно, и даже не возможно, судить о нравахъ людскихъ изъ нѣсколькихъ свиданій! Опыты многихъ ошибокъ послѣ долговременнаго знакомства свидѣтельствуютъ сію истину, ибо человѣкъ хитрый способенъ долго притворяться. Надобно съ нимъ жить въ тѣсной связи, зависѣть отъ него, имѣть съ нимъ дѣла, чтобъ проникнуть его характеръ; да и тутъ не всегда отгадаешь. Человѣкъ измѣняетъ иногда самымъ твердымъ своимъ правиламъ, когда онъ повстрѣчается въ борьбѣ съ любимымъ чувствомъ; а въ равнодушіи, или такомъ положеніи, въ которомъ нѣтъ ему ни выгоды, ни удовольствія, сбросить личину, онъ крѣпко умѣетъ сдержать ее. Слѣдовательно, о нравственности моихъ знакомыхъ я ни чего не скажу, но пріятная сторона ума всегда окажется съ перваго свиданія: умъ спрятаться не можетъ. Самолюбіе побуждаетъ каждаго въ обществѣ открыть всѣмъ это сокровище. И такъ о любезности можно судить изъ двухъ, трехъ, бесѣдъ безошибочно.

Генеральша Раевская – одна изъ тѣхъ любезныхъ женщинъ, съ которой часъ свиданія почесться можетъ пріобрѣтеніемъ. Она обогащена полезными свѣдѣніями для жизни свѣтской: проста въ обращеніи, со всѣми ласкова съ благородствомъ, но не кидается на шею ко всякой дамѣ, какъ многія сестры ея, которыя въ распростертыхъ объятіяхъ, при встрѣчѣ и проводѣ гостей своихъ, почитаютъ превосходной знакъ дружества. Софья Алексѣевна съ мягкостью разсуждаетъ о самыхъ даже слабостяхъ ея пола: она не вдается въ систему инквизиціи, которая нынѣ въ такой модѣ и между многими барынями. Разговоръ ея кротокъ, занимателенъ, привѣтствія отборны; въ нихъ нѣтъ поминутныхъ «душа моя,» и «ma chére,» которыя отпускаютъ нерѣдко многія дамы такъ грубо и не ловко. Ей извѣстны иностранные языки, но она ими не хвастаетъ, и слушаетъ охотно чужой разговоръ, не стараясь одна болтать безъ умолку. Природа отказала ей въ пригожествѣ, но въ замѣнъ обогатила такими дарованіями, при которыхъ забывается наружный видъ лица, и Г-жа Раевская, конечно, болѣе займетъ въ нынѣшнихъ ея не молодыхъ лѣтахъ, нежели дѣвчонка въ 20 лѣтъ, которая только что будетъ красива собою. Розы на щекахъ вянутъ: огонь ума никогда не гаснетъ.

Генералъ Капцевичъ очень скромный и вѣжливый человѣкъ, хорошій хлѣбосолъ, привѣтливый хозяинъ; онъ обошелся съ нами наилучшимъ образомъ, далъ намъ два обѣда, искалъ всячески доставить намъ всѣ удовольствія, возможныя въ настоящую пору въ Кіевѣ. Онъ не говоритъ безпрестанно о своихъ побѣдахъ и подвигахъ, хотя три звѣзды на груди и добрый гарнитуръ разноцвѣтныхъ отличій даютъ ему на то полное право. Онъ умѣетъ продолжать общій разговоръ, вести рѣчь со всякимъ по его занятіямъ и вкусу, свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ безъ педантизма и несноснаго чванства. Онъ не похожъ на муху Дмитріева, которая, сидя на хребтѣ у слона, говаривала: «Мы сбили, мы рѣшили!» не заносчивъ, когда встрѣчаетъ возраженія, не вспыльчивъ, когда съ нимъ не соглашаются. Таковъ показался мнѣ Капцевичъ въ компаніи; а каковъ въ строю для дивизіи своей, этого я не знаю, да и не провѣдывалъ; ибо мнѣ въ рядахъ по командѣ его двигаться не доведется, а въ обществѣ всегда охотно съ нимъ съѣдусь, и готовъ раздѣлить время въ Москвѣ самой, какъ и въ Кіевѣ.

Теща его, Княгиня Прозоровская, дама пожилая, осторожная, скромная и благоразумная; принимаетъ охотно къ себѣ гостей, знакомится свободно, не тяжела въ разговорѣ, и не господствуетъ въ немъ. Она страждетъ глазной болѣзнію, и мало ими (гла-

зами) пользуется, принуждена сидѣть, по большей части, потупя взоръ, подъ зонтикомъ. Зять ея весьма почтительно съ ней обходится, хотя лишился жены своей. У нея остались еще дочери въ дѣвушкахъ. Старшая изъ нихъ прекрасно поетъ и мастерски владѣетъ пространнымъ своимъ голосомъ. Вообще всѣ сестры получили красивое свѣтское воспитаніе.

Г-жа Ширкова, старая знакомка жены моей, барыня хорошая, обходительная, готовая на услуги. Мы жили съ ней въ одномъ домѣ, видались ежечасно, и начатое мое съ нею знакомство на Нѣжинскомъ воздушномъ балѣ здѣсь утвердилось найпріятнѣйшимъ образомъ. Дочь ея милая дѣвушка, пріятная въ общежитіи, занимательна на балѣ и у клавикордъ.

Поворочусь опять къ семейству Г-жи Раевской. Дѣти ея: сыновья и дочери, прекрасно воспитаны. Старшая дѣвушка снисходительна, кротка и любезна; сынъ молодецъ въ 16 лѣтъ, воинъ и собесѣдникъ, умѣетъ драться въ полѣ, любитъ и Словесность въ комнатѣ, не гнушается Поэзией, не почитаетъ ее поганымъ ремесломъ; при шпагѣ, и соглашался со мной, что даръ, которымъ любили заниматься Фридрихъ послѣ побѣдъ своихъ, Екатерина, отдыхая отъ Наказовъ и учрежденій, не можетъ терять славы и достоинства своего ни въ какомъ званіи. При немъ живетъ еще и теперь, въ домѣ его родителей, иностранецъ, который методически выучился въ Россіи Славянскому и Русскому языкамъ, и переводилъ съ успѣхомъ на Французскій Карамзина прозу, Державина стихи. Разговоръ мой съ нимъ о предметахъ древней и новой Словесности принесъ мнѣ удовольствіе и пользу.

Вотъ всѣ мои знакомства въ Кіевѣ, и я ихъ всегда буду помнить, ставя въ числѣ пріятныхъ минутъ въ жизни частыя мои съ ними свиданія, особенно съ Госпожей Раевской, которая владѣетъ въ превосходномъ степени искуствомъ нравиться умомъ и наружными чертами сердца. Можетъ быть въ другомъ отношеніи къ нимъ иначе бы я сталъ разсуждать, столкнувшись ближе съ характерами; но въ обществѣ женскаго пола всегда буду искать людей, похожихъ на Софью Алексѣевну.

Я не говорю ни слова о многихъ другихъ, съ кѣмъ видѣлся въ Кіевѣ, и у насъ и у нихъ. Всякая встрѣча не есть еще знакомство; они изглаживаются въ памяти подобно тѣмъ красивымъ мѣ-

стоположеніямъ, мимо которыхъ проскачешь въ коляскѣ, бросивши на нихъ бѣглой взоръ на минуту.

29. Вчера мы обѣдали у сосѣда Казаринова, и довольно пріятно провели время. Онъ хозяинъ доброй, панъ зажиточной: и самъ сытъ, и другихъ кормитъ. Къ нему зачали слоняться Подсудки и Писари Повѣтовые съ просьбою о выборѣ ихъ опять по прежнему. Въ Кіевѣ будутъ выборы Дворянскіе въ концѣ Сентября: тѣ же интриги и здѣсь, что въ нашихъ мѣстахъ. Человѣкъ вездѣ одинаковъ: ищетъ добра, и матраситъ. И я нашелъ здѣсь свое добро: гулялъ подъ тополами.

Въ вечеру, воротясь домой, застали письма: весело получать извѣстія о своей сторонѣ; кажется, какъ будто увидишься съ друзьями и одноземцами. Всякой пишетъ свое. Но жаль, что поздо получается почта, а долго ходитъ. И въ Москвѣ та же погода, что была у насъ. Жалуются на сильные и непомѣрные жары; слѣдовательно, тѣ, которые мы испытывали, не должно относить къ обыкновенному дѣйствію полуденнаго климата: они такъ же и здѣсь, какъ тамъ, были чрезвычайнымъ капризомъ природы, такъ точно, какъ 7 лѣтъ назадъ, я, въ концѣ Іюня, нашелъ морозъ въ Харьковѣ, и спалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Натура любитъ блажить.

Новости отвсюду во всѣ края текутъ однѣ и тѣ же. Въ Могилевѣ, Кіевѣ, Полтавѣ и Москвѣ, вездѣ ждутъ Государя. Полки идутъ къ маневрамъ изъ зимнихъ гнѣздъ своихъ, а обыватели другъ другу о томъ пишутъ: и такъ однимъ слухомъ вся земля полнится. Дай Богъ всякому веселиться своимъ манеромъ, а меня донеси, Владыка, поскорѣй домой! Сяду у камина, и торжественно пропою всему моему семейству:

Plus de voyage qui me tente!

30. Вчера мы выѣзжали послѣ обѣда чай пить, по приглашенію одной сосѣдки, а именно, вдовы молодой, дочери той старушки Симчевской, которая насъ угощала столь доброхотно въ Кіевѣ, на Подолѣ. Она пріѣхала въ ближнюю свою деревню съ братомъ, взглянуть на свою экономію. Тѣмъ временемъ, не за долго до насъ, у нихъ случилось непріятное происшествіе, котораго мы бы могли быть свидѣтелями, естьли бъ на канунѣ къ нимъ заѣхали, а не вчера. Отъ нихъ въ трехъ верстахъ Каневъ. Солдатъ,

отданный изъ Ковалей, изъ имѣнія зятя моего, нѣсколько лѣтъ назадъ, и служащій въ піонерной командѣ, укралъ у Жида лошадь и стягъ говядины. Жидъ за нимъ пустилъ въ погоню, и встрѣтя Ксенза т. е., Попа, при домовомъ костелѣ у какого-то пана, убѣдилъ его съ собой воротиться назадъ, и, нагнавши вора, вообще покражу у него отбить, за что Жидъ Попу посулилъ четверть стяга. Въ самомъ дѣлѣ скоро они нагнали солдата, но у того былъ ножъ и топоръ: они хотѣли добычу у него отнимать, солдатъ остервенился, пырнулъ Ксенза ножомъ, утрафилъ прямо въ сердце, и съ одного раза простеръ его предъ собою мертва. Преступленіе одно ожесточаетъ и на другое: тотчасъ за тѣмъ схватилъ Жида, далъ ему нѣсколько ранъ, но не успѣлъ убить, какъ наѣхалъ народъ съ торгу, схватилъ его, связалъ, и всю компанію привезли въ это село, гдѣ мы чай пили, по тому что на ихъ землѣ событіе случилось. Сколько звѣрства изъ мяса!

31. Сюда приносили изъ Земскаго Суда курсорію, т. е., повѣстку о чемъ-то на Польскомъ языкѣ, и меня этотъ обычай очень удивилъ. Въ селѣ живетъ помѣщикъ Русской, а Правительство изъясняется съ нимъ по Польски: это такъ, какъ бы я вздумалъ въ свою деревню къ Старостѣ наслать приказъ по Нѣмецки. Кіевская Губернія, однако жь, населена вся Русскими обывателями. Шляхты въ ней Польской не болѣе, какъ Россіянъ, накупившихъ себѣ имѣнія, и для нихъ-то судъ и расправа производится по Польски, что ихъ очень балуетъ. Въ доказательство— Поляки здѣшніе никогда дѣтей своихъ не учатъ по Русски, и глядятъ на Россію, какъ на Царство, съ которымъ, не имѣя ни чего общагo, они, при всякой удобной встрѣчѣ, могутъ разорвать и физической и политической свой союзъ. Прежде отторженныя провинціи Польскія вступали въ права и преимущество и подъ законъ той Державы, которая ихъ къ себѣ присоединила: нынѣ, напротивъ, не только оставлены права и законы тѣмъ областямъ, въ коихъ одни живутъ Поляки, но и въ самой древней Россійской провинціи, Кіевской, введены Польскіе суды, статуты и языкъ, по тому только, что нѣсколько Повѣтовъ вошли въ составъ ея изъ земель Польскихъ, и, вмѣсто того, чтобъ заставить Поляковъ плясать по дудкѣ Русской, Россіяне, живущіе здѣсь вмѣстѣ съ ними, должны подлаживаться подъ ихъ учрежденія и обучаться ихъ языку, когда, какъ выше сказано, Полякъ по Русски не хочетъ и говорить.* Такое снисхожденіе къ сосѣду, съ которымъ мы никогда не были дружны, весьма удивительно, и тѣмъ болѣе, что Дворянство Польское совсѣмъ здѣсь не таково, чтобъ политика, уважая силу и мочь его, или богатство, заставляла тѣшить ихъ для поддержанія своего похищенія. Совсѣмъ нѣтъ! Кромѣ Браницкаго, Понятовскаго и очень немногихъ здѣсь, прочая Шляхта, которая составляетъ и Повѣты, и Губерніи, состоитъ сама изъ адвокатовъ, поссессоровъ или арендаторовъ, и прочихъ всякихъ разночинцовъ, которыхъ ежели бы прижать хорошенько, то ни одинъ изъ нихъ не могъ бы доказать, по чему онъ Шляхетству принадлежитъ. У него нѣтъ ни грамотъ, ни патентовъ на чины, ни какихъ либо документовъ, свидѣтельствующихъ его благородство; но онъ привыкъ считаться Шляхтой, ни кто не споритъ, всѣ его принимаютъ, говорятъ: «Шляхтичъ такой-то,» и полно; а между тѣмъ онъ нигдѣ лично не служитъ, ни какихъ повинностей не платитъ, беретъ на аренду имѣнья, тиранитъ и разоряетъ Малороссіянъ природныхъ, наживаетъ деньги, ѣздитъ съ ними на Контракты, и самъ пріобрѣтаетъ деревни, а потомъ является на выборъ, вступаетъ въ Подсудки, или Подкоморьи, или Повѣтовые Писари, потомъ получаетъ чинъ, классъ, и входитъ въ рядъ съ осѣдлымъ знатнѣйшимъ Дворянствомъ. Вотъ краткое историческое начертаніе здѣшней Шляхты! И Правительство коренное наше смотритъ на все это равнодушно! Для чего, я того не знаю. Но кажется, не вовсе благоразумно попущать такіе самовольные безпорядки. Но кому объ нихъ писать? Губернскій Маршалъ здѣсь всегда Полякъ природной. Свой своему по неволѣ другъ; да и Польша никогда Россіи добра не пожелаетъ. На нихъ пріятно смотрѣть, когда мужья танцуютъ Польской, заворотя рукава назадъ и шевеля усами, а жены ихъ пляшутъ мазурку и стучатъ каблучками. Но противъ этого народа Россія должна имѣть всегда ножъ за пазухой. Мы долго и люто мстили имъ за Сигизмунда и Маринку: Богъ благословилъ успѣхомъ; но какъ бы листъ не перевернулся, и чтобъ Поляки, я не говорю сейчасъ, а также чрезъ два, три, столѣтія, не пришли опять мстить намъ за наши у нихъ проказы, такъ какъ и покушались

* Точь въ точь какъ теперь еще въ нашемъ Прибалтійскомъ Поморьѣ! О. Б.

было въ 1812 году.* Но благословенъ Господь Богъ, научивый тогда руцѣ наши на брань и персты на ополченіе!

Сентября 1. Нѣкогда праздновали сегодни въ Россіи Новой Годъ, торжествовали прежде и въ Мартѣ. По мнѣнію моему, въ оба сіи срока гораздо сходнѣе съ порядкомъ натуры было начинать годъ, нежели въ Генварѣ. Въ Мартѣ природа оживится, и человѣкъ исходитъ въ поле на дѣло свое: прекрасное обновленіе года! Въ Сентябрѣ человѣкъ, собравъ плоды земные, заключаетъ ихъ въ житницы, и приступаетъ къ наслажденію оными: прекрасная причина начинать годъ въ Сентябрѣ. Но въ Генварѣ съ чего начали исчислять времена и лѣта, право не знаю, и думаю, что хотѣлось Петру I какъ можно поскорѣй и при себѣ сдѣлать Россію Европейской Державой, и для того торопился ввести въ нее всѣ тамошніе обряды. Я думаю, что ежели бы въ Голландіи, въ Пруссіи, въ Германіи, носили сапоги на головѣ, а колпаки на пяткахъ, то бы дубиной и кнутомъ заставили въ Россіи и тому подражать. За то вытрясли изъ нея и душу, и сердце, осталась какая-то оболочка Русская, внутренность же вся чужая, и пріѣзжающіе къ нынѣшнимъ нашимъ Дворамъ Послы не такъ ужъ насъ опишутъ, какъ Англичанинъ Карлиль описывалъ свою аудіенцію у Царя Алексѣя Михайловича, которой, на тронѣ сидя, ослѣпилъ его великолѣпіемъ своимъ и богатствомъ. Нынѣ нѣтъ ужь ни золота, ни алмазовъ, не величія. Въ замѣнъ того льемъ пушки, ходимъ изъ стороны въ сторону драться, и уподобляемся воображеніемъ Римлянамъ. И люди, переодѣвшіе совсѣмъ Россію въ новой нарядъ, требуютъ, чтобъ любили Россіяне свое отечество! И радъ любить, да я не знаю родину. Приведите къ ребенку его отца въ маскѣ и въ наружномъ видѣ, со всѣмъ противномъ тому, въ какомъ привыкъ тотъ видѣть его, да къ тому же пьяницу, драчуна, вора, обманщика, каковымъ никогда сынъ отца не замѣтилъ: увѣрьте его, что это отецъ: сынъ не повѣритъ, побѣжитъ отъ него прочь и не окажетъ ему ни малѣйшей ласки, доколѣ не увидитъ въ отцѣ тѣхъ признаковъ, которые были ему извѣстны и милы. Точно такъ и Государство: все въ немъ переворотятъ вверхъ дномъ, изгладятъ коренныя черты его образа,

* Случилось то уже дважды, и гораздо скорѣе, въ 1830 и 1863 г. Что до многолюдства Шляхты, то вычислено, что въ трехъ только Югозападныхъ Губерніяхъ нашихъ около 142 тысячъ ея обращено въ другія сословія, какъ не доказавшихъ своего дворянства. О. Б.

сгноятъ нутро, да и хотятъ, чтобъ его любили дѣти, также какъ тогда, когда оно благодѣтельно, праведно, щедро и благоразумно! Но остановимся: мое замѣчаніе завело меня далеко, а сегодни много надобно писать писемъ, но дессертацій, ни краткихъ, ни длинныхъ, дѣлать нѣкогда. Заочныхъ старыхъ друзей стану привѣтствовать съ старымъ Новолѣтіемъ.

2. Въ глухомъ уединеніи нашемъ, не имѣя ни откуда ни какихъ извѣстій занимательныхъ, размышлять не о чемъ. Воспоминая, что сегодни 5 лѣтъ, какъ Французъ выжилъ насъ изъ Москвы, и сравнивая тотъ Сентябрь съ настоящимъ, остается только въ безмолвіи пролить источники слезъ предъ Существомъ Небеснымъ, не до конца на насъ прогнѣвавшимся. Всѣ вокругъ насъ сосѣди, по гласу Правительства, поскакали въ Кіевъ на срѣтеніе ожидаемаго туда къ 5 числу Монарха. А любопытная молодежь, въ слѣдъ за выступившими полками, помчалась въ Бѣлую Церковь смотрѣть маневровъ. Мы, заѣзжіе люди, поспѣшающіе домой, дабы не захватили дожди и распутица осенняя, которой неминуемо ожидать должно послѣ постоянной засухи, мы занимаемся сборами и готовимся къ разлукѣ съ Ковальскими, пріятными сердцу, обывателями. О! когда бы я былъ сребролюбивъ, пожелалъ бы на дорогу имѣтъ всѣ тѣ деньги, кои въ рукахъ у Жидовъ изъ Русскихъ и Польскихъ кармановъ сольются въ Бѣлой Церкви въ большія суммы денегъ. Тамъ останутся до 40 тыс., или болѣе, войска, много серебра и бумажекъ истратятъ, между тѣмъ какъ здѣшніе поселяне на роздыхѣ собираютъ крохи, оставшіяся у нихъ послѣ жильцовъ военныхъ, кои стояли на тѣсныхъ квартирахъ. А что такое, спросятъ, тѣсныя квартиры? Новое тактическое слово, которому вкратцѣ намѣренъ дать здѣсь изъясненіе на досугѣ.

Подъ словомъ тѣсныя квартиры разумѣется временное, иногда долго, иногда кратко, пребываніе воинства по селеніямъ. Въ старину бывали лагери: полки въ нихъ выступятъ, и живутъ своими колоніями, не тревожа ни кого. Нынѣ приведутъ ихъ въ города, или деревни, и разставятъ такъ, что на каждой дворъ придется человѣкъ по 8 и больше постояльцевъ. Лагерей уже

почти нѣтъ нынѣ. Такимъ образомъ въ самое то время, когда убирается хлѣбъ, налетѣли рыцари въ окрестныя деревни для спеціальныхъ смотровъ и ученій бригадныхъ. Дома нѣтъ ни кого изъ хозяевъ, остаются въ избахъ однѣ старухи, или недужныя, или младенцы въ люлькахъ и дѣвчонки. Тутъ-то водворится шайка солдатъ. Можно вообразить, какъ хорошо хозяевамъ отъ гостей. Первые терпятъ и молчатъ, благодаря еще тѣхъ пришельцевъ, кои не отваживаются на злодѣянія и наглыя обиды, а ужь за куръ, пшено и борщъ не стоятъ. Мнѣ разсказывали, что одному солдату вздумалось всякой день окачиваться водой, и бѣдная баба, у которой онъ стоялъ, не могла натаскать ее изъ подъ горы на гору; другому солдату могла прійти мысль другого рода, а хозяева все одни и тѣ же. Вотъ что называется тѣсныя квартиры!

3. Любя стихи писать вездѣ, я и здѣсь иногда ими занимался, когда находилъ на меня этотъ паръ вдохновенія, которой зовутъ Французы verve. Посланіе мое къ Остолопову будетъ извѣстно въ печати, такъ какъ и два романсы, которые не скроются отъ публики въ моихъ сочиненіяхъ. Но сдѣсь подъ симъ числомъ помѣщу я пѣсенку, которая не для свѣта, но должна мнѣ служить памятникомъ одной сосѣдки здѣшней, Полячки. Съ ней какъ-то не было согласія у нашихъ хозяевъ: она оскорбляла многихъ своими капризами, и по тому мы съ ней только одинъ разъ видѣлись, на праздникѣ 4 Августа, по тому что тогда все здѣсь было, что только дышетъ въ околодкѣ. Вотъ пѣсня: прошу не взыскать, естьли дурна скороспѣлка. Минутная игра воображенія:

Друзья! Хотите ли взглянуть,
На безпрестанную забаву,
И въ морѣ сладостей тонуть?
Ступайте всѣ скорѣй въ Пиляву! *

* *
*

Угодно ль вамъ найти гостей,
На праздникъ шумную араву,
Иль въ будни нѣсколько друзей?
Скачите все таки въ Пиляву!

* Названіе помѣстья интересной Полячки.

Хотите ль вы на вѣкъ забыть,
Все то, въ чемъ міръ находитъ славу,
Въ восторгахъ сердца только жить?
Тогда не мѣшкая въ Пиляву!

* *
*

Когда наскуча суетой,
Натуры слѣдуя уставу,
Вамъ тихой взмилится покой:
Держите прямо путь въ Пиляву!

* *
*

Или желая дружбы дать
Урокъ чувствительному нраву,
Хотите вѣрности искать:
Совѣтъ мой вамъ: летѣть въ Пиляву!

* *
*

Когда же страсти наконецъ
Вкусить пріятно вамъ отраву,
Любви пріобрѣсти вѣнецъ:
Друзья, тотчасъ, тотчасъ въ Пиляву!

Написавши пѣсню, мнѣ вздумалось пошутить съ Московскими пріятелями. Сегодни отходила почта: я каждому изъ нихъ, а именно: А. М. П. и Ф. Ф. К., запечаталъ по одной копіи безъ письма, чужой рукой подписалъ: «Подателю дано будетъ,» и отправя слугу въ Богуславль, велѣлъ ихъ застраховать для вѣрнѣйшаго доставленія. Мнѣ заранѣе забавно ужь воображать, какъ они между собой спесутся и будутъ въ недоумѣніи отгадать, кто и откуда отправилъ имъ такую мистификацію.

4. Мила родина при всякомъ воспоминаніи. Естьли бъ я былъ дома, т. е., въ Москвѣ, я бы сегодни былъ у праздника, въ сосѣдствѣ у Обѣдни: отъ насъ два шага празднуется Неопалимая Купина; услышалъ бы хорошую проповѣдь изъ устъ благоразумнаго Священника, и повидался бы съ любезной, а по здѣшнему нарѣчью добрже едукованой кобитой, В-вой. Здѣсь, за 1000 верстъ, отъ сихъ наслажденій, пользуясь, однако, ими въ домѣ родныхъ своихъ, въ другомъ родѣ, я часто выдерживаю споры о разныхъ предметахъ морали и политики, и вчера, читая газе-

ты, которыя благовѣстятъ намъ о разныхъ безпокойствахъ во Франціи и другихъ сопредѣльныхъ земляхъ на счетъ Конституціи, я хочу здѣсь разметать перомъ нѣсколько мыслей собственно моихъ о сихъ хартіяхъ новомодныхъ, зовомыхъ Конституціями. Прошу меня простить, ежели тѣ, кои со мной не согласятся, скажутъ, что я писалъ вздоръ: всякой думаетъ по своему. Не все размышлять по Указамъ Бентама, Монтескье и подобныхъ имъ.

Умы бродятъ и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Америкѣ. Въ Африкѣ еще насыщаются орангутанги и ползаютъ звончатыя змѣи. Люди гады же, но гады одушевленные, и попадаютъ охотно въ сѣти предубѣжденія. Опыты на нихъ мало дѣйствуютъ. Иные отъ лѣни, другіе отъ страха, а большая часть по модѣ, слѣдуютъ чужимъ правиламъ, не обдумавъ сами, прочны ли они и полезны. Такъ нынѣ просвѣщенные народы требуютъ вездѣ Конституціи. Но остановимся на часъ и спросимъ: что это такое?

Конституція есть коренной и непреложной законъ. Достоинство ея главное состоитъ въ томъ, чтобъ оберегать права свободнаго народа, назнача имъ предварительно сущность и предѣлъ. Это—конкордатъ между Царемъ и подданнымъ, силою котораго первой и послѣдній, зная свои взаимныя отношенія, нарушать ихъ не могутъ. Прекраснѣйшій идеалъ! Посмотримъ его въ исполненіи.

Что такое Царь?—Человѣкъ! Слѣдовательно, имѣетъ страсти и пороки. Званіе даетъ ему власть, войска силу, деньги способы. Сими важными рычагами ворочаетъ онъ Царство съ боку на бокъ. Хочетъ—и приказываетъ; велитъ—и движутся. Золотомъ покупаетъ онъ согласіе, оружіемъ усмиряетъ возраженія: что жъ значатъ права? Они суть только наименованіе такого добра, котораго народъ никогда имѣть не можетъ; ибо право бываетъ между равными, никогда между подвластнымъ и властелиномъ. Законъ—книга, по которой назначено мое право; но если читаетъ въ ней деспотъ, то толкуетъ его по произволу, и гдѣ находитъ себѣ противорѣчіе, тамъ на штыкахъ заставляетъ молчать и повиноваться. Царь добрый—самъ конституція и безъ написаннаго закона; Царь жестокой не послушается и каменныхъ скрижалей, такъ какъ язычники нѣкоторые, по словамъ Павла, естествомъ законное творили, а Христіане многіе и на Евангеліе не смотрятъ. Добро и зло въ народоправленіи происходитъ отъ нравственности управляющаго онымъ.

Дѣло въ человѣкѣ, а не въ хартіи. Вездѣ писали законы:

Солонъ, Ликургъ, Ярославы, Фридрихи, всѣ ими занимались; но каковъ былъ духъ у самаго Царя, таковъ былъ и народъ. При Генрихѣ IV-мъ Французъ былъ счастливъ при Людвигѣ XIV любезенъ и уменъ, при XVI-мъ дурачился и блажилъ, при Наполеонѣ явился звѣрь. Законамъ ли то приписать? Отнюдь! Они все тѣ же. Нравы перемѣнялись, и воля Царя давала имъ угодное ему направленіе.

Что могло быть совершеннѣе, святѣе, Закона Божія? Хартія безошибочная. Но люди взяли ее въ руки, и мяли какъ воскъ. Отлучился Моисей на Синай—явился кумиръ, и законодатель разбилъ доски законныя. Исполнялъ ли кто потомъ Второзаконіе? Нѣтъ! Судьи Израильскіе блажили, народъ страдалъ, и Пророки ежечасно ихъ упрекали. Вступили Цари. Законъ не мѣнялся, но Еврей при Давидѣ не тотъ уже былъ, что при Навинѣ. И Сирахъ на каждой строкѣ соотчичей укоряетъ.

Пришелъ Мессія. Явилась Благодать, и заступила сѣнь Законную. Апостолы потекли, и всюду благовѣстили миръ, любовь, долготерпѣніе. «Се нынѣ, говоритъ Павелъ, вся нова.» Но слушался ли его какой владыка? Всякой молился Богу по своему, и управлялъ по своему. Законъ лежалъ въ алмазахъ на престолахъ, а Іерархи пасли стадо жезломъ желѣзнымъ, и, вмѣсто духа кротости, проповѣданнаго торжественно на амвонахъ и каѳедрахъ, Папы собирали рекрутъ, и кинжаломъ изъ подъ рясъ умерщвляли сопротивныхъ.

Когда законы Святѣйшаго слова такимъ образомъ нарушаемы были хранителями самаго того закона, то чего же ожидать должно отъ тѣхъ, кои сами написавъ законъ, имѣютъ силу и способъ нарушать его, когда хотятъ и выгоды ихъ того потребуютъ? Конституція нѣма, а стражъ при ней хитръ, и сколько ни вопіютъ иногда народы, какой законъ устоитъ противъ меча и злата?

Хвалятъ республики, кричатъ и превозносятъ Англійскую Конституцію, но и тамъ я вижу то же зло, только въ другой оболочкѣ. Не силенъ Царь, или Штатсгальтеръ нарушитъ законъ, парламенты, палаты, могутъ унять необузданную власть ихъ. Согласенъ; но не въ томъ дѣло, не о томъ рѣчь: Царь, или Канцлеръ, имѣетъ больше вѣсу въ Государствѣ? Вопросъ: есть ли неприкосновенное право и тамъ? Посмотрите, совсѣмъ нѣтъ: ибо

извѣстно по натурѣ вещей, что цѣлое сословіе вдругъ кричать не можетъ. Хитрый Министръ заговоритъ, и всѣ голоса у него въ карманѣ. Онъ тогда законъ, а не Конституція. Не Регентъ нарушитъ право народа, согласенъ, но Шериданъ, Питтъ, Кастельри: что они захотятъ, то и будетъ. Всегда человѣкъ хорошій сдѣлаетъ добро, человѣкъ развратный попуститъ зло; народу что отъ того пользы? Не все ли мнѣ равно, сама ли Императрица Анна разсудила казнить моего дѣда, или подъ именемъ ея Биронъ? Но дѣдъ мой все безъ головы, а законъ молчитъ.

Когда при Людовикѣ XIV-мъ парламенты съ упрямствомъ не соглашались имянныхъ Указовъ его пропустить, онъ подвинулъ пушки къ окошкамъ засѣданія,—и члены крѣпили всѣ его бумаги. Въ Англіи когда палаты шумѣли, Король не могъ унять ихъ, но Питтъ унималъ, и Питтъ, имѣя силу, былъ настоящій Царь, а не Конституція.

Въ мірѣ одна только есть, по мнѣнію моему, Конституція; она въ двухъ словахъ: «Сила солому ломитъ.» Екатерина Вторая, управляя деспотическимъ Государствомъ, но будучи благодѣтельнаго сердца, заставила Державина прямо по вдохновенію сказать: «Самодержавья Скиптръ желѣзной моей щедротой позлащу.» И подлинно, какая свободная Монархія могла похвастаться такимъ благоденствіемъ, какимъ наслаждалась во дни ея Россія? Законамъ ли Ея припишимъ мы наше право, наше блаженство? Нѣтъ, стократно повторю, нѣтъ! Она была добра, дѣятельна, чувствительна: и вотъ законъ, подъ сѣнію котораго каждой изъ насъ ублажалъ свой удѣлъ, сидя подъ виноградомъ своимъ и смоковницею. Не стало ея: законы не згорѣли, не пропали; духъ новый воцарился, и что сталось съ нашими правами? Они носятся въ воздухѣ, а бѣдность и обида вошли въ хижину поселянина и въ чертогъ Бояръ нашихъ.

Пусть люди пишутъ Конституціи, роются въ Римскомъ правѣ, выворачиваютъ Кодексы Юстиніановы и тысячу тысячъ печатаютъ новыхъ Уложеній; но естьли самъ Богъ не пошлетъ Владыку по сердцу своему, всуе трудятся редакторы и референдаріи! Я съ тѣми мыслями сойду въ гробъ, что нѣтъ правленія лучше Единодержавія, когда Самодержецъ—человѣкъ Божій по уму и нраву; но когда онъ не таковъ, то всѣ хартіи на свѣтѣ обратятся въ пустую бумагу, и люди счастливы не будутъ.

Нѣкто сказалъ, что худыя Царства должно переносить, такъ какъ воздушныя непогоды. Перемѣнить ихъ не чѣмъ, а молиться Богу, жить порядочно, чистить почаще собственную совѣсть: авось и бури прейдутъ, и ведро вознаградитъ ненастье!

5. Я видѣлъ здѣсь дѣвичникъ и свадебные обряды Малороссійскіе: ни чего отмѣнно любопытнаго! Вздоръ, шумъ и дурачество, какъ и вездѣ между крестьянами. Церемонія начинается хороводами. Желудокъ первую составляетъ заботу въ природномъ человѣкѣ. Множество бабъ и дѣвокъ сошлись въ домъ къ невѣстѣ. При пѣніи пѣсенъ, или лучше сказать, при странномъ какомъ-то визжаніи, мѣсили онѣ тѣсто, и прежде нежели поставить въ печь, зажигали вкругъ его свѣчки; потомъ вокругъ его плясали; разбили рѣшето объ матицу съ припрыжками, и посадили два коровая въ печь; потомъ подносили всѣмъ, въ томъ числѣ и намъ, по яблоку и по чаркѣ горѣлки, а на за куску пирожокъ, который у нихъ называется шишкой. Насмотрѣвшись на это, и нанюхавшись вони отъ жиру, поту и смраду, мы воротились домой, но и тутъ они пришли насъ звать на свадьбу. Женихъ съ Бояриномъ, а невѣста съ хороводомъ женщинъ, и съ визгомъ. Пришедши назадъ къ себѣ, они убрали прутъ разными цвѣтами и тесемками; зазвали гудошника, плясали и, что всего мудренѣе, иные крестьяне изрядно выдѣлывали прыжки, которые танцуются въ мазуркѣ.

Замѣтить можно изъ всѣхъ странностей, которымъ я былъ очевидной свидѣтель, что много у нихъ сохранилось обрядовъ старинныхъ какъ, напр., они имѣютъ Князя, который надѣваетъ шубу на выворотъ; Бояръ, которые не отходятъ отъ новобрачныхъ, и называются тѣми же именами; а самъ женихъ до вѣнца, приходя за невѣстой въ день свадьбы, ѣздитъ на палкѣ верхомъ. Хату запрутъ, и невѣста не дается; наконецъ доложутъ ей, что женихъ коня умучилъ, и тогда его пустятъ. Здѣсь оканчивается дурачество домашнее. И такимъ-то образомъ приступаютъ люди къ законному браку, который мы почитаемъ Таинствомъ!

Все это предисловіе напоминаетъ старинные Царскіе вѣнцы, въ которые рыцарь въ латахъ ѣзжалъ около подклѣта верхомъ во всю ночь, дабы вѣдьмы и чародѣи не помѣшали новобрачнымъ содѣйствовать на просторѣ размноженью человѣческаго ро-

да. Эта затѣя хотя и въ теремахъ золотыхъ водилась, немного умнѣе всего того, что мы видали здѣсь въ простой крестьянской избѣ. Все это остатки баснословія и невѣжества людскаго.

Страннѣе всего мнѣ показалось то, что жениха съ невѣстой вѣнчаютъ безъ обрученія, подъ предлогомъ, что мужикамъ не гдѣ взять колецъ. Обрученіе есть основаніе брака. Естьли бракъ Таинство, то обрученіе необходимо, и его нигдѣ отставлять не должно. Естли это обрядъ, то не за чѣмъ и Попа трудить: одной постели довольно. Лучше бы въ такомъ священномъ актѣ сохранить единообразность во всѣхъ мѣстахъ одного Исповѣданія, нежели, подъ видомъ поклоненія духомъ и истиною Единосущному Богу, наполнять новомодные иконостасы образами Дѣвы, кои, по вымыслу живописца, похожи на кого угодно будетъ приказать, заплатя хорошія деньги.

Во время глупыхъ этихъ мужичьихъ суетъ въ ихъ семействѣ, я радовался мѣстоположеніемъ, сидя въ тѣни на прилавкѣ, подъ соломенною крышею. Противъ хаты высокая гора, обросшая чистымъ и густымъ лѣсомъ, изъ за котораго виденъ господскій домъ. Внизу, подъ крутымъ утесомъ, рѣчка и плотина; по сторонамъ хаты, украшенныя садами. Я съ размышленіемъ любовался этой картиной, и думалъ: сколько надобно пустяковъ сдѣлать и показать другимъ, чтобъ совершить законъ природы, для котораго довольно двухъ согласныхъ сердецъ, молодости, здоровья и уединенія!

6. День имянинъ сестры моей вчера прошелъ съ меньшимъ шумомъ и провозглашеніемъ, нежели имянины зятнины, по тому что весь Уѣздъ кинулся въ Кіевъ. Тамъ сегодни долженъ быть ужь Государь. Туда обращены очи отъ Сѣвера, Юга и Востока; а мы, сиротные пустынножители, хотя и не въ черныхъ рясахъ, провели день до вечера съ хворыми и старыми сосѣдями, кои уже не въ силахъ никуда двинуться. Монтрезоръ въ параличномъ недугѣ, да панъ Казариновъ съ женою и Енько составили всю нашу бесѣду. За столомъ мы пили здоровье имянинницы добрымъ Венгерскимъ. Послѣ обѣда сыграли 4 тура въ бостонъ. Вечеръ одиночали въ своихъ двухъ семьяхъ, и тѣмъ все пиршество наше кончилось.

Я ожидалъ съ нынѣшней почтой денегъ изъ деревни на подъемъ въ Москву, но ошибся: ихъ нѣтъ еще, а мѣшкать опа-

сно. Стужа усиливается ежедневно, при ясномъ небѣ и сухомъ воздухѣ ужь и вода по утрамъ мерзнетъ; еще дни два, три, подожду другой почты, и тамъ хоть до Орла подниму крылья, съ своими оставшимися крошками: до туда станетъ, а тамъ Богъ пошлетъ авось и свои натекутъ ожидаемыя, изъ Нижегородской моей столицы. Какъ ни располагай своихъ дѣлъ завременно и заочно, все не могутъ они такъ ити, какъ при себѣ и постоянно заведеннымъ порядкомъ. Что далѣе отъ столицъ, то почты менѣе надежны. Я это и по письмамъ часто замѣтилъ.

Между тѣмъ, какъ я писалъ свой дневникъ, налетѣли молодыя на дворъ панамъ своимъ поклониться. Съ ними пришло человѣкъ до 30 бабъ и нѣсколько крестьянъ. Двое, названные по свадебному обряду Боярами, отличались отъ прочихъ красными кушаками черезъ плечо. Женихъ былъ въ нарядной шапкѣ, а молодая въ овчинномъ тулупѣ; на головѣ у нея было сито съ красною лентою, и она весьма живо изображала въ себѣ кикимору. Обычай требуетъ, чтобъ панъ всю эту сволочь потчивалъ горѣлкой. При ней Хохолъ игралъ на скрыпицѣ разные Малороссійскіе танцы; въ томъ числѣ особенно часто повторялся Журавль; бабы плясали и ломались разными образами. Надобно знать, что въ въ Малороссіи нѣтъ балу безъ Журавля, ни пиру безъ борща: этѣ двѣ вещи здѣсь то же, что въ Варшавѣ Мазурка, въ Москвѣ Вальсъ, въ Мадритѣ Фонданго, или въ Парижѣ soupe à l'oignon, въ Неаполѣ макароны, а въ Лондонѣ ростбифъ. Пляска этихъ автоматъ обоего пола продолжалась часа два, и наконецъ имъ сказали, что надобно честь знать, и что для нихъ моря горѣлки не станетъ. Они ушли съ ликами и гудочникомъ своимъ бродить по всѣмъ хатамъ. Вездѣ свои обычаи, но я, глядя на нихъ сегодни, не могъ надивиться, что подъ лучшимъ небомъ нашего отечества (ибо, кромѣ чрезвычайныхъ годовъ, каковъ нынѣшній, когда съ Августа послѣднихъ чиселъ сдѣлалось холодно, въ обыкновенное время Малороссія для Россіи есть то же, что Флоренція и Миланъ для Сѣверной Европы), подъ такимъ солнцемъ, которое согрѣваетъ виноградъ и смоквы безъ искуства садовника, народъ такъ дикъ, какъ здѣшній. Взгляните вы на Хохла, даже самаго обрадованнаго, какъ, на пр., сегодняшній молодой, который только что женился и съ молодой выспался: онъ тупитъ глаза въ землю, стоитъ недвижимъ и во-

рочается по медвѣжьи. Подруга его была бы наказаніе всякаго человѣка, у коего сердце бьется и ищетъ сладости жизни, тогда какъ на Сѣверѣ, въ нашей, можно сказать, желѣзной сторонѣ, гдѣ все уже теперь скутано отъ мороза, простая дѣвка крестьянская въ сарафанѣ такъ привлекательна, парень молодой въ сапогахъ, заломя шапку, послѣ вѣнца, такъ затѣйливъ и занимателенъ. Они могутъ быть и не Адонисъ съ Венерою, но веселы, рѣзвы, забавны.

И такъ, стало быть, не все отъ климата зависитъ. Въ удовольствіе человѣка втекаютъ и другія причины, которыхъ не надобно искать ни въ лучахъ солнца, ни въ дуновеніи воздуха. Свобода и довольство: вотъ корни, отъ которыхъ произрастаетъ наше счастіе и отрада! А у Хохла, кажется, нѣтъ ни того, ни другого; за то у него подъ носомъ сливы и бергамоты. Поздравляю его съ этѣми выгодами, и дай Богъ поскорѣй съ нимъ разстаться. *

7. На послѣднемъ домашнемъ совѣтѣ положено выѣхать непремѣнно 9-го числа, и отсрочено до онаго для того, что завтра, 8 го дня, для праздника Рождества Богородицы въ Каневѣ, въ Костелѣ тамошней Академіи, Ректоръ и Архимандритъ Уніятской будетъ служить соборомъ солонизантную, т. е., solenelle обѣдню, которую я любопытенъ видѣть, дабы имѣть понятіе о пышности ихъ наружныхъ обрядовъ и сколь велико различіе между ихъ и нашимъ богослуженіемъ, и того ради мы не прежде 9-го соберемся въ предлежащій намъ путь къ Москвѣ.

8. Недаромъ я отсрочилъ мое путешествіе въ Москву, и видѣлъ наконецъ сегодни то, чего такъ много любопытствовалъ, а именно: Уніятскую Обѣдню, во всей ея славѣ.

* О вкусахъ не спорятъ; но дѣлать заключенія по одной мѣстности о всей странѣ и ея жителяхъ нельзя, такъ какъ это противно всякой здравой логикѣ. Тѣже Хохлы и Хохлушки въ другой мѣстности совсѣмъ иные люди, и Сѣверному Руссу далеко до нихъ даже и относительно внѣшняго вида. Впрочемъ, этотъ послѣдній много зависитъ, не говоря уже ни чего о мѣстности, отъ образа жизни и занятій, а также общественнаго положенія. Народъ преимущественно пахарь и въ работѣ Египетской у инородца и иновѣрца иначе глядитъ, чѣмъ тотъ, который предпочтительно торгуетъ и промышляетъ. При томъ всѣмъ обитателямъ Юга прирождена въ наружности извѣстная степенность, важность, серьозность. О. Б.

Въ 8 верстахъ отсюда есть мѣстечко Каневъ. Я, въ другомъ мѣстѣ, сказалъ уже, чѣмъ оно знаменито. Тутъ старинный Греческій храмъ, построенный въ одно время съ Кіевопечерскою Лаврою, естьли лѣтописи не солгали; переходя изъ рукъ Запорожцевъ къ Полякамъ, опустошенъ былъ лѣтъ съ 300, и наконецъ нынѣ превратился въ Уніятской костелъ. Помѣщикъ Казариновъ его отстроилъ: поставилъ Базиліянской Престолъ, въ угодность женѣ своей, Полячкѣ. Тутъ Семинарія или училище духовное и Архимандритъ Ректоръ. Онъ сего дня служилъ Обѣдню соборнѣ, и мы ѣздили ее слушать. Унія мнѣ не нравится. Она представляетъ непріятную смѣсь Католицизма съ нашимъ Православіемъ. Языкъ нашъ, но обряды Папскіе. Вотъ что я найпаче примѣтилъ въ разницахъ нашей Церкви съ Уніатскою.

Передъ Обѣднею одинъ изъ учителей, монахъ-Пресвитеръ, растворя Царскія двери, причащалъ облаткой сухой одного прихожанина, безъ всякаго предварительнаго богослуженія; скоро потомъ другой у другого же монаха исповѣдывался по Польски, стоя на колѣняхъ, а Іерей сидѣлъ въ епитрахили на Горномъ мѣстѣ и слушалъ въ тихомолку его повѣсть.

Монахи всѣ учители, ходятъ въ гражданскомъ платьѣ и брѣютъ бороды; во время служенія облачаются въ ризы по нашему.

Архимандрита встрѣтили весь Соборъ въ облаченіи съ трикиріями, дикиріями, святою водою и крестомъ. Двое изъ мнимыхъ Дьяконовъ кадили его шествіе. Я говорю мнимые, по тому что здѣсь и Священники, за неимѣніемъ настоящихъ Дьяконовъ, отправляютъ ихъ должность, облачаются въ ихъ одежды и служатъ обѣдню по Діяконски; одѣяніе ихъ состоитъ въ подризникѣ и разрѣзныхъ стихаряхъ, кои болѣе похожи на сакосы, и надѣваютъ поручи, опоясуясь орарями. Такъ и Обѣдню всю поютъ. Архимандритъ при входѣ надѣваетъ мантію съ крижалями, на коихъ вышиты образа, и тотчасъ нахлобучитъ шапку, но на ней нѣтъ образовъ, а только крестъ вверху.

Въ предшествіи клира, онъ входитъ въ олтарь, становится на колѣни предъ престоломъ, который во всемъ сходенъ съ Католицкимъ, читаетъ приготовительныя молитвы, и потомъ, вышедъ изъ олтаря, садится на правой рукѣ на своемъ мѣстѣ, подъ балдахиномъ. Подъ креслами его разосланы ковры, и тутъ онъ публично облачается въ ризу и прочія утвари, какія употребляют-

ся у насъ, съ тѣми же припѣвами, какія въ обычаѣ въ Архіерейскомъ служеніи.

Часовъ и Проскомидіи не бываетъ; сія послѣдняя, или нѣчто на нее похожее, дѣлается Архимандритомъ во время Херувимской пѣсни. Жертвенника нѣтъ, а къ престолу сзади приставляется столъ, на которомъ выложены священные сосуды. Иконостасъ по нашему. Два только въ немъ образа: Спасителевъ и Дѣвы. По сторонамъ, гдѣ у насъ бываютъ иногда придѣлы, тутъ два престола Католицкіе, съ ихъ обычнымъ украшеніемъ. Церковь вообще проста, но довольно хорошо отдѣлана.

Литургія отправлялась Іоанна Златоустаго по нашимъ книгамъ, съ небольшими отмѣнами, кои я назначу. Начиналъ ее самъ Архимандритъ, не входя въ олтарь, на своемъ мѣстѣ; два Діякона передъ Царскими дверьми стоя, читали ектеніи и на нихъ возносили Папу и Уніятскихъ Первосвященниковъ. Два Пресвитера стояли подлѣ Настоятеля, одинъ съ его посохомъ, другой съ книгой, а не служащій монахъ въ епитрахили ему прислуживалъ, снимая по временамъ митру и паки надѣвая на него.

Предъ Трисвятымъ пѣніемъ выносимо было Евангеліе, съ которымъ Діяконъ сталъ предъ Архимандритомъ и, взявъ его благословеніе, возгласилъ: «Премудрость прости!» Тогда Архимандритъ вошелъ въ Царскія врата, кадилъ троекратно престолъ, предшествуемъ всѣмъ соборомъ и четырьмя мальчиками въ бѣлыхъ срачицахъ, кои носили свѣчи и прочія церковныя регаліи, а одинъ изъ нихъ маршировалъ съ его очками. Архимандритъ служилъ въ перчаткахъ, имѣя большой перстень на рукѣ. Предъ кажденіемъ онъ съ крестомъ и посохомъ благословлялъ народъ на всѣ четыре стороны. Когда онъ не держалъ самъ посоха своего преогромной величины, то сдавалъ Пресвитеру; ибо Священники, стоя за нимъ во всю Обѣдню, ни чего не дѣлаютъ инаго, какъ поютъ, вмѣсто пѣвчихъ, которыхъ не было за не полнымъ собраніемъ школьниковъ послѣ вакаціи. Вообще Пресвитеры безъ всякаго дѣла; Діяконы, напротивъ, безпрестанно заняты.

До Трисвятаго пѣнія Діяконъ возглашаетъ многолѣтіе Государю, Папѣ и всѣмъ Христіанамъ. Начинается чтеніе Апостола и Евангелія, во время коихъ Архимандритъ выступаетъ изъ олтаря и становится на томъ же мѣстѣ, гдѣ облачался. Діяконы при всякомъ дѣйствіи своемъ подходятъ съ тремя поклонами, испрашиваютъ благословенія на колѣняхъ, и съ тремя же поклонами отступаютъ.

По прочтеніи Евангелія Архимандритъ, приложась къ слову Божію, входитъ паки въ олтарь. Во время сугубой ектеніи онъ обращается лицомъ къ церкви и осѣняетъ крестомъ, когда молятся о Государѣ, трикиріемъ при стихѣ о Императрицахъ, дикиріемъ при возглашеніи Царской фамиліи, опять крестомъ при возношеніи Папы, и просто благословляетъ рукою, когда молятся о плодоносящихъ и проч. Стиха о умершихъ нѣтъ.

Во время большаго выхода Діяконъ выноситъ дискосъ съ облаткою, Пресвитеръ чашу; разумѣется, что и тутъ Папа не забытъ. Архимандритъ кадитъ во вратахъ Царскихъ и, поставляя дары на престолъ, продолжаетъ Обѣдню. Отъ сего времени до Причастна нѣтъ ни какого различія съ нашею Церковію. При освященіи даровъ звонятъ въ колокольчикъ: всѣ служащіе и многіе міряне пригибаютъ колѣна и встаютъ во время богослужебной пѣсни. Діяконы всегда рядомъ съ Настоятелемъ на приступкахъ престола и, воздѣвъ руки, молятся при призываніи Святаго Духа, а Пресвитеры молча стоятъ назади, и одинъ всегда держитъ посохъ.

Въ Символѣ Вѣры читается: «отъ Отца и Сына исходящаго.» Молитва Господня поется по нашему безъ отмѣны и въ то же время. Вообще пѣніе нехорошо и сбивается на старинное Греческое.

Во время Причастна Архимандритъ пріобщается одной облаткой и одинъ, остальныя части полагаетъ въ потиръ и выпиваетъ его во время стиха: «Да исполнятся уста наша;» потомъ паки очиститъ дискосъ, нальетъ въ сосудъ теплоты, полощетъ его, и снова все выпьетъ; послѣ чего выступитъ на амвонъ, самъ прочтетъ заамвонную молитву, и входитъ паки въ олтарь. Сосудъ и дискосъ, какъ въ большой выходъ, такъ и при возглашеніи: «Со страхомъ Божіимъ» выносятся безъ покрововъ.

Отпускъ читается въ олтарѣ, и потомъ Архимандритъ выноситъ къ цѣлованію крестъ. Мы подходили, и прикладывались. За тѣмъ онъ на своемъ мѣстѣ разоблачается и въ мантіи и въ шапкѣ отходитъ до вратъ церковныхъ; тутъ снимаетъ митру, даетъ послѣднее благословеніе народу и ретируется въ свои кельи,

Вотъ весь обрядъ Уніятской Обѣдни, при отправленіи которой я не нашелъ ни сановитости, ни важности той, какая подобаетъ служенію Бога Вышняго и какая ни въ которомъ Исповѣданіи Христіанскомъ всеконечно не равняется съ нашею Православною Греческою Церковію.

У Архимандрита мы были очень хорошо угощены. Далъ онъ намъ водку, постную закуску и нѣсколько плодовъ садовыхъ. Мы съ нимъ простились, и поѣхали домой. Симъ послѣднимъ зрѣлищемъ короновалъ я пребываніе мое въ здѣшней странѣ и удовлетворилъ давнишнему моему любопытству.

Оставляя Каневъ, сожалѣлъ только о томъ, что не имѣлъ случая видѣть тутъ старика, Французскаго емигранта, Полковника Sognier: такъ мнѣ по крайности его назвали. Онъ, вмѣстѣ съ Clermont-Tonerre, во времена Ришелье, пріютился въ Каневѣ. Тотъ скоро уѣхалъ на родину свою, куда фортуна переселила снова и Ришелье, а этотъ, будучи бѣднѣе ихъ, остался сиротствовать здѣсь одинъ съ дочерью лѣтъ 17-ти. Они живутъ въ Каневѣ на чужой милостынѣ, и не могутъ возвратиться въ отечество. Жалокъ старикъ, но еще жалчѣе дочь его, которая лучшіе годы жизни своей принуждена убивать въ мѣстечкѣ глухомъ, уединенномъ отъ большихъ городовъ и, слѣдовательно, лишенномъ всякаго удовольствія, свойственнаго ея возрасту. Я и въ Россіи будучи не вовсе доволенъ, по тому что далеко отъ Москвы встрѣтилъ осень и морозы: что жь должны чувствовать сіи бѣдные пришельцы на чужой родинѣ, посреди людей, у коихъ нѣтъ ни чего съ ними общаго? Сколько въ мірѣ искушеній для сиротства и нищеты! Не введи насъ, Господи, въ подобныя, и даждь симъ странникамъ увидѣть паки когда ни будь свою родимую землю прежде, нежели отыдутъ въ общее отечество наше—Царствіе твое! Желать только искушаемому помощи, когда самъ ее подать не можешь, есть одинъ удѣлъ тому, кто искушенъ бываетъ, не меньше, можетъ быть, другого, другими путями и напастьми житейскими.

9. Мы сегодни совсѣмъ было собрались въ путь. Почта принесла мнѣ ожидаемыя деньги, ни за чѣмъ не было остановки, и терминъ, который я предполагалъ себѣ прожить у отдаленныхъ моихъ родныхъ, еще при выѣздѣ изъ Москвы, съ 5 числа прошелъ. Зять и сестра, желая насъ проводить оттуда же, гдѣ встрѣтили, т. е., изъ Дѣвицъ, Черниговской деревни, разсудили насъ отвезти и проводить на своихъ лошадяхъ сами до Нѣжина. Все готово было къ отъѣзду. Послѣ ранняго обѣда, за которымъ мы чокнули всѣ рюмками, полными хорошаго Венгерскаго вина, съ здѣшней приговоркой: «Виватъ! Кохаймосы!» подвезли намъ экипажи: весь нашъ обозъ, тяжелыя дорожныя кареты и люди отправлены были заранѣе въ Каневъ на переправу, дабы могли прежде насъ быть на той сторонѣ Днѣпра. Я съ женою сѣлъ на дрожки—и покатили. Но, не доѣзжая до Канева, поднялся вѣтеръ, и такой сильный, что ни передовыхъ нашихъ экипажей, ни насъ паромщики не согласились перевозить. Днѣпръ взволновался; вѣтръ противный препятствовалъ парому ити, и такъ мы принуждены были воротиться въ Ковали. Я еще въ такой досадѣ при запискѣ этой неудачи въ свой журналъ, что не могу ни какого помѣстить разглагольствія на сей счетъ, кромѣ того, что не дай Богъ впредъ быть въ такомъ же безпокойномъ духѣ, въ какомъ поставилъ меня бѣшеной Днѣпръ съ его волнами. Вотъ что производитъ въ насъ малѣйшее препятствіе, когда оно мѣшаетъ сбываться нашимъ желаніямъ. Тотъ же самый Днѣпръ, на который я, переѣзжая его въ путешествіи моемъ сюда, смотрѣлъ съ такими восторгами и умиленіемъ, теперь, когда онъ останавливаетъ полетъ мой обратный въ Москву, меня раздражаетъ. Всѣ мы, всѣ—слуги покорные нашихъ чувствъ, крови и темперамента.

10. Послѣ дождя во всю ночь возсіяло прекрасное утро, и мы поспѣшили имъ воспользоваться. Вскочили въ 6 часовъ утра, и снова простясь съ Ковальскими холмами, поѣхали опять въ Каневъ. Днѣпръ былъ смирнѣе, вѣтръ не вздымалъ его волнами, и мы благополучно переплыли его на большой лодкѣ, которую зовутъ здѣсь дубомъ. Пока повозки наши и всѣ тягости переправлялись на паромѣ, мы, сидя на песчаномъ берегу Днѣпра, смотрѣли и любовались тихою его поверхностью. Вспоминая разныя чувства, кои происходили во мнѣ при сей переправѣ, восторги, когда я ѣхалъ къ роднымъ, досаду вчерашнюю при разлукѣ съ ними и новое сегоднишнее удовольствіе, что я наконецъ попалъ опять на Московскую дорогу, пришла мнѣ на мысль Іонина тыква. Онъ сердился, что червь ее подточилъ, когда онъ ѣхалъ въ Ниневію: а я досадовалъ, возвращаясь въ Москву, что

Днѣпръ не выпускаетъ изъ Канева. Сколько злобъ человѣческихъ отъ такихъ причинъ, коимъ небо смѣется! Кончивъ переправу, мы откланялись Кіевской области и попали въ Полтавскую Губернію. Тутъ дорога предстояла намъ песчаная, но день былъ похожъ на самый лучшій среди лѣта. Отъѣхавши нѣсколько верстъ, мы обѣдали въ деревнѣ Рѣшотки* и, выкормя лошадей, поѣхали искать ночлега. По сторонамъ слышанъ былъ даже громъ: такъ было тепло, и вокругъ насъ полился дождь, давно на здѣшнихъ поляхъ желаемый.

Одинъ изъ людей зятя моего подползъ дорогой на брюхѣ къ озерку небольшому, выстрѣлилъ и убилъ бекаса. Я глядѣлъ на него изъ кареты и думалъ: «Мало человѣку живущихъ около его птицъ—гусей, утокъ, индѣекъ, которыхъ сама натура, кажется, предназначила ему въ пищу и пріучила водиться подъ одною съ нимъ крышкою; нѣтъ, надобно еще убить дикую, отдаленную, пташку, чтобъ отвѣдать, хорошо ли ея мясо!» Ни свобода, ни глушъ ея пристанища, не спасли отъ смертоносной дроби, и мы ее за ужиномъ съ жадностію растерзали.

Ночлегъ намъ приготовленъ былъ въ хуторѣ Каневскаго, у котораго мы такъ пріятно были угощены подъ Переяславлемъ. Тутъ его винокурня въ 4-хъ верстахъ отъ онаго, и для временнаго пріѣзда два покоя, въ которыхъ мы коекакъ помѣстились. Одна бѣда безпокоила, что лягушки ходятъ по полу отъ сырости мѣстоположенія. Но когда же въ дорогѣ выспишься такъ, какъ дома? Эта деревня принадлежитъ разнымъ помѣщикамъ, и въ ней до 500 хатъ.

Сегоднишній нашъ выѣздъ доказываетъ пустоту примѣты, которая запрещаетъ пускаться въ дорогу въ Понедѣльникъ; напротивъ, вчера былъ день Воскресный, мы пріѣхали къ Днѣпру, и назадъ вернулись. Сегодни Понедѣльникъ, и мы его переплыли. И такъ нѣтъ дней ни черныхъ, ни бѣлыхъ въ жизни, а случай пріятный, или противный, встрѣтиться можетъ во всякое время года.

11. Въ путешествіи, какъ и на мѣстѣ, всякой день имѣетъ свои выгоды и безпокойства. Вчера переправа и пески утомили

* Или Рѣшетки, при Днѣпрѣ, въ 40 в. отъ своего Уѣзднаго города, Золотоноши, съ 20 дв. или 130 д. населенія обоего пола. О. Б.

насъ до того, что, не смотря на хорошую погоду, мы, въ каретѣ сидя, все почти дремали. Сегодни хотя дождливое ненастье и холодная сырость въ воздухѣ съ утра до вечера были нашимъ удѣломъ, однако путешествіе было занимательно.

Рано поднявшись съ ночлега, мы проѣзжали Переяславль около 8 часовъ утра. Уже городъ весь былъ въ движеніи; всѣ улицы и хаты выметали; мосты докрашивали; толпы людей и многія брички съ проѣзжими наполняли площадь. Предъ домомъ Маршала готовился щитъ для иллюминаціи. Всѣмъ симъ приготовительнымъ суетамъ причиною былъ ожидаемый къ вечеру пріѣздъ Государя изъ Кіева на пути въ Полтаву. Мы все это высмотрѣли, не выходя изъ кареты, полюбовались на заботы жителей и, пожелавъ имъ успѣха, каждому въ его намѣреніи, продолжали свой путь.

Обѣдать мы остановились въ корчмѣ, и только что поѣли, какъ прискакалъ Фельдмаршалъ мѣнять лошадей. Онъ тотчасъ послѣ маневровъ въ Бѣлой Церкви отправился до Государя въ Полтаву. Тутъ ему приготовлены были обывательскія подводы въ карету и въ коляску для его стата, состоящаго изъ двухъ Адъютантовъ. Съ нимъ сидѣлъ сынъ его; онъ не выходилъ изъ кареты. Ни я, ни зять, не осмѣлились его просить выйти въ корчму, напиться кофе, или что ни будь перехватить, чтобъ не обезпокоить его и не сдѣлаться нескромными, принудя изъ вѣжливости Его Свѣтлость потерять нѣсколько минутъ, можетъ быть, для него нужныхъ. Мы ему поклонились, стоя у воротъ, а онъ изъ кареты. Лошадей тотчасъ ему впрягли, и онъ полетѣлъ, какъ молнія, далѣе; но и мы на своихъ нагнали его, такъ что онъ изъ Яготина выѣзжалъ только, какъ мы опять его повстрѣчали у выѣзда изъ селенія.

Зять мой въ нынѣшній разъ со всѣмъ другими мѣстами насъ возилъ въ Нѣжинъ, и доставилъ намъ гораздо пріятнѣйшее путешествіе прежняго. Мы въ Яготинѣ не останавливались: ненастье не допустило меня любоваться снова ни плотиной, ни прекрасной тамошней дефилеей, ни берегами рѣки Супоя и богатою водою Графскихъ озеръ. Читатель не забылъ, что это помѣстье принадлежитъ Графу-Разумовскому. Проскакавши его, мы прибыли на ночлегъ къ Г. Д. Томарѣ; мы нашли его дома. Онъ принялъ насъ очень ласково и угостилъ. Домъ у него великъ и

украшенъ разными эстампами; женатъ онъ на Гречанкѣ, которой не было дома: онъ хозяйничалъ одинъ съ живущими у него нѣсколькими молодыми людьми обоего пола, родственниками его супруги. Онъ живетъ безсъѣздно всякое лѣто въ этомъ имѣніи, прозванномъ Войтовцы,* а на зиму переселяется въ Нѣжинъ, гдѣ и домъ свой имѣетъ. Я съ удивленіемъ видѣлъ тутъ довольно рѣдкое животное въ нашихъ мѣстахъ, а именно: верблюдовъ; ихъ разведено до седми. Въ домѣ его есть биліардъ и фортепіано: это доказываетъ, что хозяинъ любитъ и музыку и забавы. Въ такомъ домѣ пріятно провести вечеръ, высидѣвши весь день подъ дождемъ въ каретѣ. Мы хорошо поужинали и очень спокойно выспались. Спасибо привѣтливому владѣльцу такого запаснаго уединенія, въ которомъ есть и газеты, и бесѣда.

12. По утру очень рано воротилась домой хозяйка, пожилая красавица, Г-жа Томара: она прямо изъ Кіева, и заняла насъ повѣствованіемъ о пребываніи Государя въ Кіевѣ. Выслушавши столь занимательный разсказъ, мы отправились въ путь. Намъ надобно было проѣхать 50 верстъ. Мы не путешествовали сего дни: можно сказать, что это была прогулка, и самая пріятная. Цѣлый день почти ѣздили по гостямъ. Погода прекрасная, дорога ровная и широкая; дожди на канунѣ прибили пыль, не причиня грязи; словомъ, такъ ѣздить я готовъ всякій годъ, съ весны вплоть до осени.

Обѣдали мы въ помѣстьѣ Графа П. К. Разумовскаго, у его управителя. Онъ женатъ на мѣщанкѣ, воспитанной въ Смольномъ монастырѣ, и дѣтей около его кучка. Нашли мы тутъ фортепіано прекрасное и нѣкоторую роскошь. Отобѣдавши, ходили смотрѣть фабрики: суконную, коверочную и шпанскихъ овецъ; здѣсь такъ же и свѣчи восковыя дѣлаются, старинный промыслъ этой фамиліи. Нагулявшись по селенію, сѣли опять въ карету и помчались.

Ночевать привезли насъ еще засвѣтло къ родственницѣ моего зятя, старушкѣ Бринкъ. У нея домъ каменный съ колонами, очень хорошо прибранъ. Съ ней живутъ сынъ и споха съ малолѣтнымъ ихъ семействомъ, учитель и нѣсколько молодыхъ

* Или Війтовцы, село на р. Альтѣ, въ 15 в. отъ Переяслава, съ 233 дв. или почти 2000 населенія, съ церковью, Сельскимъ Правленіемъ и заводомъ. О. Б.

барышенъ. Мы приняты были очень хорошо и ласково; нашли и здѣсь фортепіано: дочери играли на немъ и пѣли. Съ учителемъ я вспомнилъ старину. Онъ нѣкогда живалъ въ Москвѣ въ такомъ домѣ, въ которомъ и я имѣлъ связи пріязни. Ужинъ дали намъ очень хорошій. Къ самому столу пріѣхалъ откуда-то изъ Уѣзда сынъ нашей барыни съ женою. Они намъ разсказали о пребываніи Государя въ Черниговѣ, и мы, заслушавшись, позже обыкновеннаго легли спать. Я сегоднишнимъ днемъ вообще былъ очень доволенъ. Вездѣ носится молва о Государѣ; кто его видѣлъ тамъ, кто въ другомъ мѣстѣ: всякой говоритъ свое. Трудно иногда согласить разсказъ съ вѣроятностію, но тѣмъ веселѣе сказки. Шуму много, всѣ говорятъ вдругъ, спорятъ, и послѣ этого сонъ бываетъ очень крѣпокъ: благодаря симъ общимъ суетамъ, я двѣ ночи съ ряду сплю, какъ убитый.

13. Мы пріѣхали къ обѣду въ Нѣжинъ, и остановились въ томъ же трактирѣ, въ которомъ стояли прежде. Застали въ городѣ нѣсколькихъ новыхъ нашихъ знакомыхъ, и съ ними обослались тотчасъ. Я зачалъ суетиться и издерживать деньги для найма лошадей до Москвы. Отправилъ эстафетъ въ Черниговъ, съ приглашеніемъ къ намъ въ Дѣвицу, къ зятнину брату, гостившему въ Коваляхъ, и съ которымъ я такъ пріятно сошелся не по сватовству, а по сходству въ образѣ мыслей. Приготовилъ множество писемъ на почту, и зачалъ снова жизнь недосужную, отъ которой я такъ было отвыкъ въ уединенномъ моемъ убѣжищѣ въ прошедшіе три мѣсяца. Насъ посѣтилъ тотчасъ Клица. У него послѣ насъ жена родила дочь, Олимпіаду. Онъ насъ повелъ въ Греческую свою церковь. Тамъ мы отстояли Вечерню. Храмъ очень великъ и содержится во всякомъ благолѣпіи. Жаль, что я долженъ, описывая его, поставить гораздо ниже, во всѣхъ почти отношеніяхъ, наши не только приходскіе, но и многіе даже соборные храмы. Какая чистота и опрятность! Какое богатое содержаніе! Всѣ паникадилы были зажжены свѣчами и лампадами. Монахи, изъ коихъ одинъ съ острова Кипра, служитъ благоговѣйно и пристойно. На крылосѣ по одному Дьячку поютъ не торопясь, и не суетятся. Около ихъ стоятъ въ два ряда школьники Греческаго училища, изъ коихъ иные читаютъ псалмы и обучаются Греческому пѣнію. Дьяконъ, кадя церковь, подходитъ къ каждому лицу особенно и воздаетъ ему благовонное куреніе

θиміама, не такъ какъ у насъ иной размахиваетъ кадиломъ пустымъ для формы и щеголяетъ тѣмъ, что нѣсколько разъ въ одно мгновеніе обернетъ его вокругъ пальца, какъ игрушку. Предъ Священникомъ выходятъ со свѣчами два юноши, одѣтые въ бѣлые стихари. Все пристойно, все священно, и признаюсь, что естьли бы я разумѣлъ Греческій языкъ, то бы преимущественно сталъ ходить ко всякому богослуженію въ Греческую церковь.

Служба ихъ точно та же, что и наша. Они молятся за нашего Архіерея, отъ котораго весь причетъ ихъ зависитъ; поминаютъ нашихъ Святыхъ, словомъ, нѣтъ ни какой разности, кромѣ такихъ мелочей, кои ни мало не нарушаютъ согласія нашего съ ними въ обрядахъ, какъ, на прим., фелонь на Священникѣ такъ же длиненъ спереди, какъ и сзади. Крестъ вышивается у нихъ на оплечьяхъ, въ низу нѣтъ изображенія камня: вотъ и вся разница, которую я замѣтилъ. Пареміи читаются не на распѣвъ, а просто, какъ должно читать. Греки не скупятся на содержаніе своего храма: тратятъ большія деньги. Они каждые три года выписываютъ изъ Греціи и изъ Царьграда своихъ Священниковъ. Нынѣ у нихъ три монаха и Іеродіаконъ. Жалованья положено Попамъ по 800 рублей, причетникамъ по 600, кромѣ того, что получатъ за требы. Квартиры всѣмъ готовыя; утвари и одѣянія всѣ богаты.

Естьли бъ я и большія разности нашелъ въ ихъ служеніи, то и тогда бы придержался охотнѣе ихъ обрядовъ, чѣмъ нашихъ, по тому что мы Вѣру свою приняли отъ нихъ; слѣдовательно, всѣ новизны, какія ввелъ обычай въ наше служеніе церковное, суть выдумки нашихъ властей, кои по модѣ и церковь преобразуютъ, какъ кому вздумается. Въ Греціи же, напротивъ, ни кто не старается о введеніи новостей. Патріархи держатся старинки, по тому что она сама единственно и ихъ содержитъ, и въ ихъ церкви, конечно, болѣе сходства съ первоначальной и древней Религіей, нежели у насъ, повредившихся на томъ, чтобы во храмѣ все было на вкусъ людей и времени. Между диковинъ, кои поразили взоръ мой, примѣтилъ я тутъ большой портретъ Императора нынѣшняго; я не знаю, съ какого онъ копированъ, но нигдѣ еще подобнаго списка не видалъ. Онъ представленъ во весь ростъ въ мундирѣ, предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, написаннаго на полотнѣ безъ рамы; подъ онымъ противъ Государя

представлена женщина, похожая, по одѣянію ея и каскѣ, на Минерву, держащая чернильницу, а ниже ея видны корона и регаліи Царскія. Этотъ портретъ былъ приготовленъ для Греческаго училища; но какъ тамошніе покои для него оказались низки, то разсудили Греки внести и поставить его въ приличномъ мѣстѣ въ своемъ храмѣ. Государь очень сходно и хорошею кистью изображенъ.

Отслушавши большую Вечерню, съ благословеніемъ хлѣбовъ, ибо Заутреня съ возношеніемъ креста поется у нихъ особенно, подъ утро мы захватили тутъ Г-жу Рубанъ, и всѣ пошли чай пить къ Клицѣ. Тамъ ждали насъ бергамоты, дыни, арбузы, груши и всякіе плоды. Здѣсь ихъ множество на рынкахъ и въ домахъ. Вечеръ былъ прекрасный. Мы при всходѣ мѣсяца шли пѣшкомъ на квартиру въ однихъ фракахъ. Погода нынѣшней осени похожа весьма на прекраснѣйшую осень 1812 года, разумѣя ее въ физическомъ только разумѣ. Это меня очень ободряетъ. Авось мы предваримъ непогоды осенніія, и доѣдемъ прежде въ Москву. На вечеръ зашли къ намъ Краснокутскія, мужъ съ женой и съ свояченицей, молодой барышней Ширковой, съ которой жили въ одномъ домѣ въ Кіевѣ. Они видѣли Государя; тамъ были при немъ на балѣ, расказывали много лыбопытныхъ анекдотовъ на счетъ тамошняго торжества. Вездѣ, гдѣ ни покажешься, теперь одна только и рѣчь: всякой повѣтствуетъ свое, и разсказы бываютъ очень затѣйливы. Здѣсь я прочелъ въ «Инвалидѣ» отставку Министра Юстиціи, и бывшаго Военнаго, Князя Горчакова.

14. Я былъ у Обѣдни въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, именуемомъ Назаретъ. Настоятель самъ служилъ соборомъ. О храмѣ говорено въ другомъ мѣстѣ. Я пришелъ въ церковь рано, и первая встрѣча моя была тотъ самый монахъ, котораго я видѣлъ въ Глуховѣ съ бубликами и штофомъ вина, шатающагося по улицамъ. Онъ изъ крестьянъ казенной вотчины Владимірской Губерніи по имени Плесецъ, выпущенъ обществомъ въ монахи во время моего тамъ начальства. Я объ этомъ старичкѣ упоминалъ въ первомъ моемъ путешествіи и, согрѣшилъ, посмѣялся надъ нимъ. Теперь представьте, что онъ здѣсь въ числѣ братіи, и служитъ Обѣдню. Мы съ нимъ тотчасъ узнали другъ друга. Онъ все мое семейство видалъ и знаетъ.

Тутъ же у Обѣдни мы нечаянно сошлись съ Московскою дамой, М. С. Бахметьевой: она изъ Москвы до Кіева шла пѣшкомъ, оттуда уже возвращается въ столицу въ каретѣ, и мы съ ней съѣхались въ Нѣжинѣ. Хотя знакомство наше весьма не близкое, но изъ одного будучи города, другъ другу обрадовались. Постной и хворой Архимандритъ Викторъ служилъ Обѣдню со всѣми своими привилегіями: ни какой другой Настоятель такихъ не имѣетъ. Ему поютъ «Исполла,» какъ Архіерею. Столь важныя преимущества его не воздымаютъ; онъ ведетъ себя вездѣ, какъ простой монахъ, и самъ даже исправляетъ Проскомидію, какъ рядовой Священникъ, ни мало не кичась своимъ саномъ. Во время служенія имѣетъ видъ весьма важный, и отнюдь не фиглиритъ, осѣняя свѣчами, какъ многіе его братья. Въ городѣ у одного Грека есть пѣвчіе, которые по праздникамъ ходятъ сюда къ Обѣдни, и поютъ ее по нотамъ Бортнянскаго очень пріятно. Крылосъ монашеской не хорошъ и только что реветъ.

По заамвонной молитвѣ Викторъ вышелъ на амвонъ съ посохомъ и говорилъ къ народу. Я не назову бесѣду его проповѣдью: ибо онъ не сочинялъ ни чего и не твердилъ наизустъ; а безъ налоя и приготовленій простеръ рѣчь о крестѣ, подлинно ex promptu. Здѣсь не было не витійства, ни хріи, ни фигуръ риторическихъ: онъ говорилъ просто, и что ему приходило на мысль. Отъ этого часто сбивался съ первоначальной матеріи и обращался къ другой. Вообще слово его не плѣнительно, но народъ около его толпился, слушалъ его со вниманіемъ, и сколь бесѣда его ни была недостаточна для словесника, однако же, признаюсь, я не хотѣлъ отойти отъ него и прилежно внималъ каждому слову. Онъ ученъ, но, кажется, предпочитаетъ велерѣчію монашескую простоту, и поучаетъ людей безъ премудрости въ словѣ.

Когда я слушаю нашихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ и витій церковныхъ, я ищу красоты въ слогѣ. Всякая фраза взвѣшена, оцѣнена, и естьли онъ прошибется въ періодѣ, или художествѣ краснорѣчія, я бѣгу прочь, и не доволенъ. Здѣсь, напротивъ, много слыша нескладнаго въ составѣ разговора, я былъ весь во вниманіи; по тому что текла истина и мораль Христіанская изъ устъ прямо смиреннаго святителя, какимъ почитается во всей здѣшней сторонѣ Викторъ, и по житію его цѣломудренному, и по правиламъ строгой Христіанской нравственности. Нынѣшніе Іерархи наши восходятъ на каѳедры свои, какъ философы, или панегиристы, или умничаютъ, или льстятъ, путаются въ лабиринтахъ школьнаго разглагольствія, и насъ влекутъ въ одну съ собою пропасть. Викторъ не выдумываетъ ни чего, бесѣдуетъ и научаетъ народъ удобопонятнымъ образомъ для него. Не доказываетъ ли это, что сердце, прямо напитанное добротою, гораздо скорѣе убѣдитъ сердце другого, расположенное къ добру же, нежели разумная ткань отборныхъ словъ въ устахъ такого пастыря, который что развернулъ тетрадку и заговорилъ, то кажется, уже взоромъ однимъ обтекая всю свою церковь, возвѣщаетъ: «Слушайте меня, и дивитесь моему краснорѣчію!» Отъ этого и Виктора не любятъ слушать люди ученые, а чернь не отходитъ отъ него и, выслушавши, говоритъ въ одинъ голосъ: «Праведный человѣкъ!» И Анна Пророчица говорила вздоръ, и принята была за женщину пьяную; но послѣ узнали въ ней вдохновеніе свыше и даръ пророчества. Такъ-то міръ всегда премудрости ищетъ, а Религія учитъ въ юродствѣ, нищетѣ ума, искать спасенія.

Послѣ Обѣдни мы зашли на водку къ Архимандриту. Здѣсь еще дугой живетъ Греческой Архимандритъ, предмѣстникъ нынѣшняго, которой отъ меланхоліи нѣсколько повредился. Викторъ носитъ панагію и имѣетъ одну, жалованную нынѣшнимъ Государемъ, съ алмазами. Онъ долго былъ въ Черниговѣ Ректоромъ, и отмѣнно всегда набоженъ; отъ того кинулъ всѣ занятія свѣтскія и прилѣпился къ обители своей. Онъ намъ подарилъ всѣмъ нѣсколько книжечекъ духовныхъ Петербургской фабрики; онѣ получены имъ оттуда для раздачи. Въ обращеніи онъ очень ласковъ, скроменъ, тихъ и всѣми въ городѣ любимъ съ уваженіемъ; только проповѣдями его ни кто не доволенъ, и называютъ ихъ вздоромъ, по тому что онъ часто глаза колетъ, безъ разбора чиновъ и званій, всякому. Краснокутскіе насъ звали къ себѣ обѣдать. Унихъ другіе заняли меня предметы. Хозяинъ подарилъ мнѣ свое путешествіе въ Царьградъ, печатное, * и показывалъ табакерку бриліантовую, которая подарена была ему отъ Султана:

* Дневныя записки поѣздки въ Константинополь Александра Краснокутскаго въ 1808 году. М., въ типографіи Селивановскаго, 1815 г., въ 8-ку. О. Б.

алмазы крупные и большой цѣны: она стоитъ, говорятъ, здѣсь 10,000 рублей. Вещь драгоцѣнная! На шеи у него орденъ луны на померанцовой лентѣ: едва ли кто изъ Русскихъ Офицеровъ, кромѣ его, имѣетъ сіе отличіе. Орденъ золотой, круглый, съ алмазами, а къ нему мѣсяцъ маленькой мѣры изъ алмазовъ прикалывается вмѣсто нашей звѣзды, на лѣвой сторонѣ. Всѣ эти безделки любопытны, по тому что рѣдки.

Днемъ посѣтилъ насъ Викторъ, и напился у насъ чаю. Мы съ нимъ поговорили о Турецкой Имперіи. Онъ роется въ Апокалипсисѣ, и на нѣкоторыхъ своихъ догадкахъ основываетъ мысль, что Христіане тамошніе скоро освободятся отъ ига Магометанскаго. Пусть онъ услаждается сею пріятною мечтою: у всякаго своя. Отъ него я узналъ еще этимологію названія города Нѣжина. Въ самомъ этомъ мѣстѣ сынъ Ярослава, Изяславъ, имѣлъ битву съ дядей своимъ, Княземъ Переяславскимъ, а самъ онъ княжилъ въ Черниговѣ. По окончаніи сраженія онъ увидѣлъ полосу земли, на которой хлѣбъ былъ еще не сжатъ, и на самомъ томъ мѣстѣ велѣлъ построить городъ, который и прозванъ потомъ народомъ Нѣжинъ. Справедливо ли это, не знаю. Викторъ ссылается на Нестора, а ему нельзя не повѣрить. Впрочемъ, мнѣ до этого во все дѣла нѣтъ: какъ бы города ни называли, онъ хорошъ, и жительство въ немъ Грековъ приводитъ на мысль Аѳины, о которыхъ вспомнить всякому воображенію пріятно. Мы, послѣ откровенной бесѣды, съ Викторомъ распростились пріязненно и съ любовью.

На вечеръ пожаловали къ намъ Клица и Краснокутскія, кои у насъ и отужинали. Круговенька была разговорчива и весела. Полицмейстеръ здѣшній такъ же раздѣлилъ ее съ нами. Онъ изъ военныхъ, и доставилъ мнѣ разныя пособія къ путешествію до Москвы.

Я нанялъ Тульскихъ ямщиковъ до Тулы по 145 р. на тройку. Много дешевле того, что мнѣ стоило доѣхать сюда изъ Орла. И такъ я былъ очень доволенъ моимъ визитомъ въ Нѣжинъ.

Городъ сей наполненъ людьми: по улицамъ безпрестанно и ходятъ, и ѣздятъ. Торговля—душа городовъ. Здѣсь она очень выгодна и занимательна. Греки составляютъ общество многолюдное. Церквей довольно и всѣ очень хороши. Между приходскими въ одной Успенской иконостасъ отмѣнной работы. Священникъ

мнѣ показывалъ гробъ Князя Ал. Сергѣевича Долгорукаго, который похороненъ при церкви. Сводъ провалился, и накрытъ гробъ досками. Старинный камень простой такъ обветшалъ, что почти надписи я не могъ разобрать; видно только, что онъ былъ Посланникомъ, и здѣсь скончался. Я взялся ходатайствовать у ближайшихъ его родныхъ, чтобъ они позаботились поддержать этотъ памятникъ, который почти совсѣмъ разрушился. Не знаю, удастся ли. Мы любимъ кланяться живымъ родственникамъ, особливо, когда чаемъ отъ нихъ пользы и видимъ ихъ въ силѣ, а мертвыхъ скоро предаемъ вѣчному забвенію, хотя поемъ часто имъ «вѣчную память.»

15. Мы выѣхали изъ Нѣжина довольно рано по утру, и мы отправились опять въ Дѣвицу, чтобъ тамъ же проститься съ нашими родными, гдѣ мы съ ними увидѣлись. Изъ города насъ провожалъ Полицмейстеръ. Мы прошли большую улицу пѣшкомъ и сѣли въ кареты за рѣкою Остеръ, которая хотя обведена надолбами для прогулки по набережной, однако сама собой отъ того не стала прекраснѣй. Она заплываетъ зеленью и похожа болѣе на болото, нежели на источникъ. Вода въ Нѣжинѣ очень дурна, въ ней много алкоголическихъ частей, и вкусъ ея очень непріятенъ.

До Дѣвицы надобно было проѣхать 40 верстъ. Мы на половинѣ дороги, въ той же корчмѣ у Жида обѣдали, въ которой были прежде. Жиды нынѣ празднуютъ кучки: они пристроиваютъ къ домамъ своимъ шалаши, въ нихъ и ѣдятъ, и молятся Богу, и ни чего не работаютъ. Они имѣютъ всегда наемныхъ Русскихъ служителей, кои въ это время, и въ шабаши, вмѣсто ихъ, торгуютъ, продаютъ сѣно, овесъ и горѣлку, а Жидъ слоняется и ни чего не дѣлаетъ. Нельзя безъ вниманія видѣть такого строгаго постоянства въ правилахъ закона, какое они оказываютъ къ своей Религіи.

Я имѣю привычку читать, когда путешествую. Это сокращаетъ весьма дорогу, и какъ бы она длинна ни была, я ни какъ не скучаю въ каретѣ. Между тѣмъ какъ жена моя и дочери поминутно спрашиваютъ у кучера: «Много ли верстъ отъѣхали? Много ли осталось?» я, потупя глаза въ книгу, нахожусь въ подвижномъ кабинетѣ и не тороплюсь на станцію. Вотъ главное преимущество хорошей погоды для меня въ дорогѣ. Зимой все

оледенѣетъ около тебя, и ты не смѣешъ руки высунуть изъ шубы, не только держать въ нихъ книжку.

Мнѣ на этотъ разъ попалось путешествіе Краснокутскаго въ Турцію. Я его прочелъ съ любопытствомъ. Описаніе тамошняго мятежа меня весьма заняло: онъ хорошо объ немъ разсказываетъ. Много онъ выдержалъ труда: за то многими обогащенъ дарами и насладился почестьми необыкновенными. Ему дали шубу, золотой кафтанъ, жеребца, табакерку богатую и орденъ луны. Сколько гостинцовъ! но я бы не желалъ быть на его мѣстѣ тогда, какъ душили Султана, Пашу и янычары, остервенясь, рѣзали свою братью, какъ куръ. Это происходило въ 1807 году. Краснокутскій посыланъ былъ отъ Фельдмаршала Прозоровскаго съ важными депешами къ Портѣ. Они относились къ миру между ею и нами, и по тому посланной былъ вездѣ отлично принятъ и угощаемъ.

Скоро мы доѣхали до Дѣвицы. Еще не смерклось. Я увидѣлъ снова журавлей и павлиновъ, которые забыли уже голосъ мой и не такъ охотно подходили къ крыльцу на мой вызовъ. Я здѣсь нашелъ письма отъ сыновей моихъ въ Питерѣ. Они писали объ отъѣздѣ Государя, а я уже видѣлъ тѣ мѣста, кои были посѣщены имъ, обрадованы лицезрѣніемъ Монарха. Какая медленность въ сообщеніи!

Послѣ разсѣянной жизни въ Коваляхъ, въ сравненіи съ коими здѣшняя деревня совершенная пустыня, намъ бы показался вечеръ и длиннѣе прочихъ и очень скученъ, но, по милости Пастора Рейнбота, мы его провели довольно занимательно. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена рѣчь, произнесенная имъ въ Училищѣ Св. Анны: мы ее съ зятемъ прочли съ большимъ удовольствіемъ. Я весьма съ нимъ согласенъ въ томъ, что нравы, а не просвѣщеніе, составляютъ благоденствіе народовъ, и что просвѣщеніе гибельно, когда оно не подъ условіемъ быть сообразнымъ съ духомъ Евангелія. Что въ наукахъ безъ благонравія? Жаль, что подобныя сочиненія не выходятъ изъ подъ пера нашихъ Грекороссійскихъ пастырей. Гораздо полезнѣе было бы насъ учить быть добрыми, нежели доказывать намъ такіе догмы, коихъ ни пастырь, ни овца не разумѣютъ, и коимъ должно вѣрить безъ анализа.

16. Я назавтра нашего сюда пріѣзда изъ Москвы слушалъ

Обѣдню, и на канунѣ отъѣзда тоже исполнилъ: Воскресной день подалъ къ тому случай. И сегодни я простился съ Малороссійскими духовными обрядами и напѣвомъ.

Погода перемѣнилась ощутительно. Сильной поднялся вѣтръ и сгущалъ осеннія тучи; небо покрывалось мракомъ. Все намъ предвѣщало непріятное путешествіе домой. Но для того, чтобъ быть дома, чего не вытерпишь? Утро въ деревнѣ бываетъ велико, и я успѣлъ, сидя въ своихъ покояхъ, написать пѣсенку, и посвятилъ ее любезной А. И. Ширковой, съ которой мы такъ пріятно проводили время въ Кіевѣ и теперь въ Нѣжинѣ. Стишки эти будутъ напечатаны: и такъ я ихъ здѣсь не вписываю. Молодые наши прыгуны будутъ на балахъ съ нею вальсировать. Счастливѣйшій изъ нихъ соединится съ нею узами любви и супружества, а намъ, старикамъ, остается только пѣсни сочинять для пригоженькихъ барышень. Поцѣлуй рѣзваго молодца гораздо милѣй цѣлой поэмы беззубаго.

Сосѣда здѣшняго, Домницкаго Архимандрита Өеофана, и слѣдъ простылъ. Я не могъ ни у него съ нимъ еще разъ видѣться, ни къ себѣ зазвать. Въ это время его уже перевели въ Ректоры въ Казанскую Семинарію, и опять дали порядочной ходъ его способностямъ. Я былъ очень радъ, что наконецъ невинно пострадавшій освобожденъ отъ уничтоженія и паки рядомъ сталъ съ собратіей своей ученой. И у духовныхъ властей, какъ у свѣтскихъ, бываютъ свои капризы. Дай Богъ только, чтобъ они не долго продолжались, и чтобъ, за наказаніемъ неправосуднымъ, слѣдовало скоро возмездіе, достойное угнетаемаго! *

* Гонителемъ Өеофана, какъ Ректора Ярославской Семинаріи, былъ тамошній Епископъ Антоній, въ мірѣ Николай Знаменскій, сынъ Протоіерея Новгородскаго Іоанна. Сначала онъ учился въ Новгородской и Петербургской Семинаріяхъ, въ Сентябрѣ 1788 г. Учитель Синтаксиса въ послѣдней, съ 1792 монахъ, Учитель и Префектъ Семинаріи, въ 1794 Архимандритъ, а съ 1795 Ректоръ; при немъ 1797 г. Семинарія обращена въ Академію; въ 1799 уволенъ отъ преподаванія Богословія, но въ Октябрѣ посвященъ въ Епископа Старорусскаго, 1802 Вологодскій, потомъ Архіепископъ Тобольскій, 1806 Ярославскій по 1820 г.; скончался на покоѣ 10-го Августа, 1824, въ Деревяницкомъ монастырѣ. Онъ считался образованнѣйшимъ между современными ему Іерархами, и по тому былъ почетнымъ членомъ Московскаго Университета и Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ, Любителей Словесности, Вольнаго Економическаго и другихъ. Изъ сочиненій его особенно выдавались въ свое время: «Compendium Hermeneuticae

Эстафетъ, посланный мною изъ Нѣжина въ Черниговъ, возымѣлъ полный и желаемый успѣхъ. П. Л. Селецкой къ самому обѣду къ намъ сюда пріѣхалъ, и я ему очень обрадовался. Прямо достойный человѣкъ, мастеръ занимать разговоромъ, и съ нимъ никогда не можетъ быть скучно. Я ему навсегда останусь обязанъ, исключая связь между нами родства, за его ласковость ко мнѣ и снисхожденіе, съ какимъ онъ на вызовъ мой тотчасъ не поставилъ себѣ въ тягость къ намъ явиться.

Музыкальныя наслажденія, украшавшія наши вечера Ковальскіе, не сопровождали насъ въ Дѣвицу. Не слышны были здѣсь ни фортепіяно, ни пріятная мелодія зятниной скрыпки, и потеря сихъ звуковъ отъ двухъ найлучшихъ инструментовъ умножала мрачность нашей пустыни. Серіозная бесѣда требуетъ иногда развлеченія. Для сего-то вѣтеръ нанесъ намъ одного Черниговскаго гостя. Чиповникъ 7-го класса, служащій въ Строѣ (?), былъ посылапъ закупить нужный матеріялъ для приготовленія покоевъ, назначенныхъ подъ помѣщеніе Государя. Онъ, исправя сей великой подвигъ, возвращался въ Губернскій городъ и, пообѣдавши у какой-то имянинницы, изволилъ прикатить къ намъ въ 6 часовъ довольно уже грузенъ. Онъ отъужиналъ у насъ; но отъ 6 часовъ до 12 не умолкая говорилъ одинъ, перебивалъ рѣчь у каждаго изъ насъ, и я никогда еще такъ долго и много не говаривалъ ни съ кѣмъ объ алебастрѣ. Весь его разговоръ состоялъ въ этомъ предметѣ; и когда онъ сбивался съ него на минуту, то скоро опять алебастръ приходилъ ему въ голову, и лѣпная работа обуяла всѣ его помышленія. Сперва мы всѣ чинились, но потомъ, когда увидѣли, что вздору его не будетъ конца, по тому что, при входѣ въ покои чай съ пуншемъ, а во время ужина повторяемыя рюмки разнаго вина, не могли ему возвратить здра-

sacrae,» по Виттенбаху и Рамбаху, напеч. 1806 г., для употребленія въ Семинаріяхъ; «Опытъ о воспитаніи. Спб. 1821;» а изъ переводовъ: «Благоговѣйное занятіе мыслящихъ Христіянъ, сочин. Цолликофера, съ Нѣмецкаго, Спб. 1799;» онъ же издалъ: «Цицерона De officiis, съ Русскими примѣчаніями, и Евтропія. Спб. 1808—1811, нѣкоторыя Слова: на выборъ судей въ Спб. 1795, и въ Ярославлѣ 1812.» Есть и «Записки о Митрополитѣ Гавріилѣ и себѣ (въ библіотекѣ Новгородской Семинаріи, изъ коихъ взято коечто въ Сказаніе о жизни послѣдняго. Спб. 1857), также: «Краткое описаніе Ярославской Губерніи 1809 г.,» и нѣк. др. О. Б.

ваго разсудка, то и мы принялись надъ нимъ смѣяться. Насмѣш-
ки наши могли быть чувствительны трезвому, но у пьянаго до-
гадка пропадаетъ. Господинъ Надворный Совѣтникъ рекомендовал-
ся намъ алебастромъ, и простился лѣпною лаботою. Я въ жизнь
мою не слыхивалъ такой безпрерывной нелѣпицы, и не могъ
довольно надивиться тому, что есть люди, способные толковать
цѣлыя сутки о круховой извести. Естьли вѣрить пословицѣ: «Что
у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ;» слѣдовательно, онъ
и проспавшись завтра всякаго встрѣтитъ повѣстью о своемъ але-
бастрѣ. И чему дивиться? Онъ здѣшняго мѣстечка природный
Козакъ. По Галловой системѣ черепъ его образованъ былъ, мо-
жетъ быть, какъ у штукатура; но судьба повела его другимъ пу-
темъ, и онъ изволилъ попасть въ гражданскіе чины. Въ карма-
нѣ патенты, а въ головѣ известка. Мало ли подобныхъ проказъ
прилежный изслѣдователь можетъ отыскать въ этой толстой кни-
гѣ, которую зовутъ «Адресъ календарь!!!»

17. Между разными анекдотами, которые бродятъ въ молвѣ
народной на счетъ Государева проѣзда здѣшней стороной, я не
могу не оставить для памяти одного весьма забавнаго происше-
ствія, за достовѣрность котораго смѣю ручаться. «Какой-то помѣ-
щикъ, не изъ самыхъ важныхъ, услышавъ о намѣреніи Царскомъ
ѣхать въ Кіевъ, еще съ Мая мѣсяца сберегалъ рождшагося у
него младенца, съ тѣмъ, чтобъ Государь его окрестилъ. Намѣре-
ніе свое онъ сообщилъ многимъ: ни кто не аппробовалъ. Дошло
оно до Репнина, начальника Губерній Малороссійскихъ, и тотъ
ему не совѣтовалъ обременять Государя; но помѣщикъ былъ сто-
екъ въ своей идеѣ, и дождался Государя. Когда онъ мимо его
изволилъ проѣзжать изъ Кіева въ Черниговъ, тутъ все его се-
мейство вышло на встрѣчу. Государь остановился: онъ просилъ
его окрестить младенца. Императоръ отозвался недосугомъ, и по-
ручилъ Губернатору именемъ его окрестить, за чѣмъ и послѣдо-
валъ подарокъ, состоящій въ фермуарѣ, оцѣненномъ въ 2000 руб-
лей. По отбытіи Царя помѣщикъ въ женской круговенькѣ съ на-
смѣшкою сказалъ сосѣдкамъ своимъ: «Вотъ вы, шлюхи, мнѣ от-
совѣтывали Государя звать на крестины: что взяли?» Одна изъ
дамъ, осердясь за слово «шлюхи,» ударила его плотно въ щеку,
и господинъ Дворянинъ хотѣлъ отплатить сторицею, но его схва-

тили и прибрали къ сторонѣ. Теперь изъ этого приключенія вышло судебное дѣло. Онъ на Малороссійскомъ правѣ позываетъ ее къ суду, и не извѣстно еще, чѣмъ кончится запальчивость этой барыни. Я очень смѣялся, когда мнѣ раасказывали сію повѣсть, и любопытенъ бы былъ узнать, что повелятъ Статутовы правила на такой затѣйливой случай.

Я ходилъ въ послѣдній разъ любоваться на Десну, гулялъ по берегамъ ея, долго разсматривалъ тихія волны, и простился съ этимъ прекраснымъ потокомъ, можетъ быть, навсегда. Сколь бы ни маловажны были предметы, занимающіе насъ въ путешествіи самымъ бѣглымъ образомъ, но я примѣтилъ, что почти всегда того жаль, чего не надѣешься увидѣть впредь. Одна эта мысль: «не увижу» заставляетъ меня часто съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ смотрѣть на захожденіе солнца, когда воображу, что, можетъ быть, завтра оно взойдетъ, но уже не для глазъ моихъ!

18. Дни прощанья и разлукъ — самые тяжкіе дни въ жизни. Сегодни назначено было намъ пуститься въ обратной путь въ Москву: и туда хотѣлось, и сестры было жаль! По утру лишились послѣдняго нашего собесѣдника П. Л. Онъ съ вечера съ нами простился: я хватился его — ужь онъ далеко былъ отъ насъ. Просидя полсутокъ очень уныло, и отобѣдавши безъ аппетита, мы отправились: сестра и зять проводили насъ до первой станціи, до Комаровки, въ которой мы такъ нетерпѣливо обѣдали недавно, чтобъ скорѣе доѣхать до родныхъ. Все это прошло, какъ сонъ. Два мѣсяца протекли, какъ молнія, и ихъ уже не поворотишь. Лошади мои ямскія должны были ждать меня на этой станціи; ибо они не захотѣли изъ Нѣжина сбиваться въ сторону; и такъ мы на лошадяхъ Селецкаго достигли Комаровки, и остановились въ ней ночевать, у тѣхъ же помѣщиковъ, у коихъ съ пріѣзда кормили лошадей.

Я надѣялся встрѣтить тутъ опять того флотскаго отставнаго Офицера, которой такъ велерѣчиво съ нами бесѣдовалъ, но его не было. Мы коекакъ провели вечеръ, и какъ говорятъ Французы: «Nous nous sommes chatouillés pour rire;» хозяинъ игралъ на гитарѣ, а мы плясали, пѣли съ сестрой его и разными фарсами прогоняли мрачныя помышленія. Сестра безпрестанно плакала, зять читалъ Брюсовъ Астрономической календарь, и всякой разгонялъ скуку, какъ умѣлъ.

Отужинавши, мы съ сестрой и съ мужемъ ея поцѣловались. Это послѣдняя была минута нашего свиданія. Они пошли на квартиру свою, въ твердомъ намѣреніи уѣхать, прежде нежели мы встанемъ, что и случилось; а мы легли спать, но сонъ насъ не слушался, и мы провели ночь безпокойнымъ образомъ. Здѣсь всякое краснорѣчіе было бы не кстати. Описывать трогательныя минуты нашихъ чувствъ не дано ни какому витійству. Я вспомнилъ стихъ:

Для чувства сильнаго на свѣтѣ нѣтъ пера.

19. Мы проснулись въ чужомъ домѣ, между чужихъ людей, и начали снова путешествовать. Ямщики были пьяны, лошади съ стойки поблаживали, и я, какъ не очень храбрый человѣкъ, долго не могъ удостовѣриться ни въ мастерствѣ вожатыхъ, ни въ смиреніи новыхъ нашихъ скотовъ. Со страхомъ сѣли въ карету и поѣхали полегоньку. Скоро кони наши обрыкались, ямщики проспались, и все пришло въ свой порядокъ.

На дорогѣ встрѣтились намъ прекрасныя верховыя лошади, числомъ до 40. Всѣ подъ попонами съ сѣдлами: ихъ вели въ Варшаву къ Великому Князю и, по словамъ берейтора, за трехъ жеребцовъ изъ всего ихъ количества заплачено до 20 т. слишкомъ. Въ дорогѣ такой кавалерійской парадъ доставляетъ занимательное зрѣлище.

Я имѣлъ отъ зятя письмо къ одному чиновнику города Борзны на тотъ конецъ, чтобъ мы могли у него найти хорошую квартиру въ случаѣ нужды, но я разсудилъ проѣхать кормить лошадей своихъ и обѣдать 9 верстъ далѣе, по причинѣ самой странной. Нѣкто Г. Остолоповъ вздумалъ помѣстить въ «Вѣстникѣ Европы» привѣтствіе мнѣ въ стихахъ. Я обязанъ былъ на оное отвѣтствовать стихами же, и занялся сочиненіемъ ихъ въ первой мой проѣздъ чрезъ Борзну; тогда я не могъ въ этомъ городишкѣ найти ни хорошаго вина купить, ни сливокъ достать для кофею женѣ. Это меня привело въ досаду, и я началъ посланіе мое къ Г. Остолопову сими двумя стихами:

Есть городъ на Руси, по имени Борзна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина.

Въ самое то время, какъ я сталъ сбираться въ обратной

путь, дошло до меня, что помянутые стихи уже напечатаны въ «Сынѣ Отечества,» въ которой отправилъ ихъ герой оныхъ. Журналъ дошелъ въ Черниговъ, попалъ въ руки Князю Репнину. Онъ стихи прочелъ въ насмѣшку нѣкоторымъ Борзненскимъ жителямъ, у него тогда случившимся. Все это я узналъ, и посовѣстился въ томъ же городѣ испрашивать гостепріимства. И такъ мы обѣдали въ селѣ Шаповаловѣ,* а на ночь пріѣхали въ Батуринъ.

Тутъ, за отсутствіемъ економа, младшій по немъ управитель Графа Разумовскаго, Подпоручикъ Котляревскій, отвелъ намъ покои въ Графскомъ домѣ, принялъ гораздо гостепріимнѣе, нежели Яготинской управляющій, который заставилъ насъ стѣсниться въ хатѣ у обывателя недостаточнаго, не давши ночлега въ корпусѣ Графскомъ, при которомъ нѣсколько флигелей, и мы бы ни одного съ собой не увезли; но не вездѣ учтивые люди водятся. Подпоручикъ здѣшній совсѣмъ иначе поступилъ съ нами. Это доказываетъ, что галуны и эполеты не образуютъ человѣка, естьли онъ, до полученія ихъ, не имѣлъ отъ природы хорошаго чувства. Намъ подали тотчасъ чаю, арбузъ, дыню и оказали всѣ возможныя пріятности. Это мнѣ напомнило стараго Англичанина, который управлялъ здѣшнимъ имѣніемъ въ 1810 году, и такъ насъ ласково угостилъ тогда. Его уже не было. Хорошіе люди почти всегда мрутъ прежде худыхъ. Его смѣнилъ Нѣмецъ какой-то, и онъ скоро сюда налетѣлъ изъ Королевца. Увидя въ Графскомъ домѣ нечаянныхъ гостей, онъ насупилъ брови, не допустилъ меня съ собою видѣться. Изъ трехъ комнатъ, кои намъ отвелъ его помощникъ, изволилъ отобрать одну, и деспотически гнѣвался за вѣжливость, намъ оказанную. Однако я сдѣлалъ свое дѣло, написалъ благодарное письмо къ Князю Репнину за услуги его вицъ-управителя, и вѣрно бы не имѣлъ этого труда, естьли бъ економъ ранѣе меня пріѣхалъ въ Батуринъ: съ нами бы, уповательно, повторилась Яготинская встрѣча.

У економа довольно малолѣтныхъ дѣтокъ, и для забавы ихъ поминутно играютъ на органахъ, которые вѣрно покупали не съ тѣмъ, чтобъ тѣшить потомство грубаго Германца. Инструментъ

---

* Или Шаповаловкѣ, при колодцѣ и прудѣ Сорокѣ, въ 8 в. отъ своего Уѣздна-
го города, Борзны, съ 800 дв. или почти 3500 населеніемъ, 2 церквами, сель-
скимъ Училищемъ, Волостнымъ Правленіемъ и винокуреннымъ заводомъ. О. Б.

всѣ уши намъ прожужжалъ, но уйти отъ него было уже не возможно. Здѣсь должно было переночевать, и я желалъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, Князь Репнинъ сказалъ Русскому своему Офицеру за меня спасибо, чтобъ вознаградить укоризны невѣжи Нѣмца.

Съ економомъ воротился Почтмейстеръ. Онъ служилъ какъ-то подъ начальствомъ Селецкихъ отца,* и, будучи благодаренъ, зашелъ къ намъ, какъ скоро узналъ, что мы въ сродствѣ съ семействомъ его благодѣтеля. Отъ него мы узнали, что весь городъ Королевецъ выгорѣлъ, и съ ярмарки все ускакало по домамъ. Исчезли наши пріятныя надежды видѣть тамошнюю ярмарку. Она уже не существовала. Такъ-то въ жизни нашей вечеръ угрожаетъ утру, а полдень вечеру. За три дни передъ симъ мы старались такъ расположить дорогу, чтобъ въ Королевецъ поспѣть за свѣтло, а теперь, за недостаткомъ въ немъ квартиръ, желаемъ успѣть проѣхать его и найти ночлегъ въ какой ни будь корчмѣ.

Этотъ случай утвердилъ меня въ той истинѣ, что Небо все дѣлаетъ къ лучшему. Сколько мы всѣ роптали на Днѣпръ, что не могли его переѣхать тогда, какъ расположились выѣхать въ дорогу! Самая эта остановка спасительную принесла намъ пользу. Естьли бъ мы днемъ ранѣе успѣли выѣхать, мы именно бы попали на пожаръ, и такъ какъ онъ произошелъ въ ночное время, да и отъ зажигателей, то Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы я теперь и чѣмъ, и на чемъ, писать мои записки; ибо говорятъ, что люди, многія лошади ямскія, и обозы съ товарами, и экипажи, все вдругъ горѣло, не видя ни какого спасенія.

20. Господинъ управитель Либенау не удостоилъ насъ чести съ нимъ видѣться и сегодни, да и Подпоручикъ снисходительный такъ былъ напуганъ, что и онъ не зашелъ ко мнѣ выслушать моего спасибо. Я кинулъ слугѣ знатнаго барина, который подносилъ намъ чай, 10 руб., и поспѣшилъ въ путь. Пусть по-

---

* Въ моемъ рукописномъ «Спискѣ, кто имянно отъ Малороссійскаго шляхетства,
гражданъ и Козаковъ въ Предводители, Головы и Депутаты выбраны, и когда, и
отъ которыхъ полковъ и городовъ, учиненный Маія 12 дня, 1767 года,» сказа-
но, что «и отъ Нѣжинскаго Полку выбранъ въ Депутаты Марта 28 Повѣту Нѣ-
жинскаго Земской Судія Лаврентій Селецкій,» отецъ братьевъ Петра и Ва-
силія, изъ коихъ послѣдній былъ женатъ на сестрѣ Князя Ивана Михайловича
Долгорукаго, Княжнѣ Елисаветѣ Михайловнѣ.

слѣ этого хвалятъ гостепріимство народа! Я изъ опытовъ узналъ, что это одна лесть, которая, какъ чесотка, заразила всѣхъ нашихъ писателей. За чѣмъ давать народу такія добродѣтели, коихъ онъ не имѣетъ? Я согласенъ, что есть люди гостепріимные; но гдѣ же ихъ не найдешь? Они и въ Африкѣ родятся. Но чтобъ народъ Русскій былъ страннопріименъ, этого вовсе нѣтъ. Бывалъ, можетъ быть, объ этомъ спорить не стану, но не есть. Мнѣ скажутъ: «Въ семьѣ не безъ урода;» и это говаривали въ старину. Теперь, когда все продается и покупается цѣною денегъ, складнѣе сказать: «Въ народѣ не безъ добраго человѣка.»

Мы переѣзжали Сеймъ на паромѣ, подъ ненастьемъ. Засуха миновалась, да и пора: хоть безпокойно для насъ, но для многихъ не только полезенъ дождь, но даже необходимъ. Жатва нынѣшній годъ была плоха, надежды на будущую такъ же. Отъ засухи нигдѣ не видно всходовъ; всякой откладываетъ изъ нынѣшняго худаго урожая запасъ для ожидаемаго, и хлѣбъ сталъ дорогъ. Въ Нѣжинѣ мука доходила при насъ почти до 2 руб. пудъ. Сегодни, кажется, началось мокрое ненастье: съ неба полетѣла крупа, изморозь и меленькій осенній дождикъ. Отошли красные дни!

Обѣдать намъ приготовили въ Алтыновкѣ, но не у того Попа, который при насъ крестилъ обливанца, а въ хорошей хатѣ простаго поселянина. По дорогѣ мы встрѣчали обозы съ остатками товаровъ, спасенныхъ въ Королевцѣ отъ пожара. Подъѣзжая къ городу, мы увидѣли всѣ печальныя послѣдствія огня. За версту еще раскиданы были тюки, шатались купцы и хоронились подъ цыганскіе наметы. Всѣ гумны и сараи наполнены были товарами. Всякой старался собрать расточенное и бѣжать изъ Королевца въ ту сторону, откуда летѣлъ на крыльяхъ въ оный и заранѣе уже расчитывалъ свои мнимые барыши. Мы такъ счастливы были, что нашли хорошую одну комнату въ домѣ Секретаря Нижняго Земскаго Суда. Онъ насъ пустилъ ночевать, и я ему заплатилъ 10 руб. за одинъ ночлегъ. Въ томъ же домѣ онъ отдалъ въ благополучное время сначала ярмарки двѣ горенки за 300 руб. на одну, или двѣ недѣли. Страшная цѣна! Но обыватели только въ этомъ и находятъ свои выгоды: ярмарка ихъ содержитъ. И все это благосостояніе погибло въ одинъ день, можно сказать, въ нѣсколько часовъ! Теперь для хозяина и моя кра-

сненькая бумажка находка, а за три дни онъ бы и не посмотрѣлъ на нее! Человѣкъ добръ только въ несчастіи. Какое жалкое состояніе нашего сердца! Я успѣлъ посмотрѣть на развалины этого Малороссійскаго Кенигсберга. Все еще дымилось. Я отыскалъ Клицу: онъ сюда пріѣзжалъ съ пушнымъ товаромъ, и пришелъ вечерять къ намъ на квартиру, такъ же, какъ и Полицмейстеръ, молодой Маіоръ, раненый подъ Лейпцигомъ. Мы весь вечеръ проговорили о пожарѣ, причинахъ его и послѣдствіи, и расстались довольно поздно для дорожныхъ.

Ярмарка Королевецкая бываетъ ежегодно недѣли двѣ, начиная съ 14 Сентября. Она одна изъ знатнѣйшихъ въ Малороссіи. На нее съѣзжаются богатѣйшіе Жиды изъ всей Украйны и Польши, какъ-то: изъ Бердичева, Радзивила, Бродъ, Шклова, Нѣжина и прочихъ извѣстныхъ городовъ. Торгъ здѣсь нарочито великъ оптомъ. Подобно, какъ на Контрактахъ въ Кіевѣ, здѣсь дѣлаются разныя гуртовыя мѣны, сдѣлки и обязательства торговыя. Много привозится товаровъ изъ Шуи, Суздаля и разныхъ Россійскихъ городовъ, даже изъ самой Москвы.

По словамъ Городничаго, первый пожаръ начался по полудни, 18 числа, на постоялыхъ дворахъ, и до 50 домовъ сгорѣло, но къ вечеру пожаръ утихъ и всѣ успокоились. Осторожные купцы, однако, и въ томъ числѣ и Грекъ Клица, уложили свои товары, и, почтя этотъ первый огонь какъ бы сигналомъ большаго бѣдствія, поклали все на возы и ожидали пріятнѣйшихъ предчувствій; но несчастная догадка ихъ сбылась: къ ночи вспыхнулъ новый пожаръ въ разныхъ мѣстахъ, буря его увеличила, и всѣ ряды, балаганы ярмарочные, все сдѣлалось мгновенно жертвою огня. Всякой тогда потерялъ голову. Полицмейстеръ не могъ никому дать помощи, будучи безъ огнегасительныхъ орудій, не имѣя трубъ, кромѣ одной ручной, и то какого-то заѣзжаго купца, и при томъ на мѣстѣ почти безводномъ: огонь пожиралъ все, что ему попадалось; до 10 тысячъ торговцевъ метались изъ края въ край съ отчаянными расудками. Между тѣмъ нищіе Евреи, отпраздновавъ свои кучки, крали пожитки въ домахъ и лавкахъ; у нихъ отнимали другіе, и что не сгорѣло, то пропало. Посудой битой завалена площадь. Всѣ Присутственныя Мѣста сгорѣли, и Королевецъ живо напомнилъ намъ состояніе Московскихъ предмѣстій, какъ мы ихъ нашли въ зимѣ 1812 года. Тѣ, кои послѣ

перваго пожара собрали свои товары, какъ скоро услышали новый ночной набатъ, выѣхали за городъ въ поле и потерпѣли менѣе прочихъ, хотя и сіи не вовсе избавились убытка; ибо всѣ платежи долговые не могли не остановиться. Всѣ сдѣлки уничтожились, провозъ товаровъ обратился въ накладъ, вмѣсто чистаго барыша; Клица потерялъ до 10 тысячъ, и цѣня, какъ опытный купецъ и старожилъ зрѣшнихъ торговъ, общую потерю, полагаетъ ее въ нѣсколако милліоновъ. Изъ душъ человѣческихъ ни одна не погибла, но лошадей сгорѣло до 200; телѣги такъ же, многіе извощики заѣзжіе лишилися всего своего имущества; словомъ, пораженіе полное и совершенное для здѣшняго города, который нескоро поправится. Соборъ каменный уцѣлѣлъ, но весь обезображенъ. Вотъ картина, на которую мы съ ужасомъ обращали наши взоры, благодаря за себя Бога, что осталось еще гнѣздо, гдѣ мы могли утра дождаться.

Городничій отмѣнно учтивый человѣкъ и крайне услужливъ. Онъ намъ далъ на ночь караулъ и всевозможныя оказалъ попеченія, чтобъ мы, среди пепла, еще дымящагося вездѣ около насъ, не потерпѣли ни какого безпокойства и страха. Спасибо добрымъ людямъ во всякомъ званіи и народѣ!

Мы, по милости его, очень покойно переночевали. Причина пожаровъ не извѣстна. Всѣ почти увѣрены, что подожжено, но зажигатели не отысканы. Перехватили нѣсколько подозрительныхъ Евреевъ, но слѣдствіе и допросы ни чего еще не открыли при насъ достовѣрнаго.

2. Полицмейстеръ насъ выпроводилъ за городъ. Мы прошли его пѣшкомъ посреди развалинъ и пепла. Сколько погибло работъ, искуствъ, рукодѣлій и затѣй роскоши! Между заѣзжими извощиками попался одинъ соотечественникъ нашихъ. На немъ осталась одна одежа и тройка лошадей безъ телѣги. Моя поварня ѣздила на почтовой. Онъ просилъ позволенія впречь свою тройку подъ нее и за прогоны доѣхать съ нами до Сергіевскаго (село Князя Гагарина). Видя его бѣду, я согласился пріобщить его къ своему экипажу: для него подспорье и лошадямъ кормъ, для меня не убытокъ. Полицмейстеръ далъ ему пропускъ, и онъ догналъ насъ въ Глуховѣ.

Обѣдали мы въ Тулиголовѣ. Тамъ нашелъ я обозъ на 28 лошадяхъ. Съ чѣмъ бы вы думали онъ ѣхалъ и куда? Съ яблоками въ Питеръ. Какой вздорный промыслъ! Половину сгноятъ дорогой, а другую будутъ продавать необъятною цѣною, и мѣщанинъ Петербургскій будетъ кричать: «Какъ яблоки дороги! Видно ихъ не родилось нынѣ!» не зная того, что ежели ихъ вздумаютъ возить изъ Нерчинска, то тогда они и многимъ будутъ не по деньгамъ. Прихоть столичная тянетъ все туда изъ отдаленныхъ краевъ свѣта.

Ночевать мы пріѣхали довольно рано въ Глуховъ. Я вострилъ зубы на тамошній трактиръ, который очень хорошо содержится, но въ немъ красятъ покои и ни кого не пускаютъ. И такъ насъ отвезли на постоялый дворъ, въ которомъ расположились мы въ изрядныхъ горенкахъ. Хозяйка тутошняя потерпѣла такъ же отъ пожара ярморочнаго. Ея родственникъ возилъ туда, по ея сказкѣ, тысячъ на 50 всякаго желѣзнаго издѣлья, и все обратилось въ выплавки. За то она и сердится лихо. Все Правительство Королевецкое разбранила при насъ: досталось и Жидамъ и Правовѣрнымъ. Всюду за нами неслась повѣсть о ярмаркѣ и ея всесожженіи. Всякій винилъ, кого хотѣлъ. Свойственно людямъ даже и лучшаго свѣта, когда ихъ постигнетъ несчастье, отгадывать, кто подалъ къ оному причину, и всякой всякаго клеплетъ по своимъ чувствамъ и личнымъ отношеніямъ.

Мы, не участвуя въ убыткѣ нашихъ хозяевъ, принуждены были вытерпѣть ихъ досаду и провели довольно безпокойно ночь, по тому что торгашъ нашего жилища возвратился ночью съ ярмарки домой. Заскрыпѣли ворота, залаяли псы, поднялся шумъ въ домѣ, и не дали намъ угомону. На нашихъ постоялыхъ дворахъ хозяинъ обыкновенно съ утѣсненіемъ себя отведетъ путешественнику комнату, или уголъ, и заботится только о томъ, чтобъ взять за ночлегъ хорошую плату; а до того, чтобъ постояльцу покойно было, и дѣла ему нѣтъ. Онъ ни мало не помышляетъ о вашемъ удовольствіи: были бы взяты деньги, а ты спи, какъ знаешь, и терпи вонь, смрадъ въ тѣсномъ сожитіи съ его домашней птицей и скотомъ! И это называется ночлегъ!!!! Да и гдѣ же? Въ городахъ!

Пріѣхавши въ Глуховъ, я послалъ на почту, но писемъ своихъ не могу отправить, по тому что Московская передъ нами ушла: ни строчки на мое имя. Давно домашніе мои и друзья молчатъ, и то же, чаю, говорятъ объ насъ, а я вездѣ пишу къ нимъ.

Авось, думаю, тутъ-то застану почту; пріѣду—почта улетѣла, а письма мои ѣдутъ со мною далѣе, и кажется, что эта неудача продолжится до Орла; въ Глуховѣ нѣтъ и газетъ. На что имъ новости заморскія? У нихъ и своей довольно: ярмарка сгорѣла!

22. Ямщикъ разоренный насъ нагналъ въ Глуховѣ, но дорогой у него пала лошадь, и онъ опять насъ оставилъ, чтобъ скорѣй на свободѣ добраться своей родины, и тамъ облегчить свою участь. Хорошо, но трудно иногда быть слишкомъ добросердечнымъ. Этотъ извощикъ напомнилъ мнѣ, что на пути зашла къ намъ гдѣ-то солдатская жена лѣтъ уже немолодыхъ. Она изъ Питера ходила въ Кіевъ, тамъ лежала въ лихорадкѣ мѣсяца два, растеряла своихъ спутницъ и пробиралась одна назадъ. Вотъ собственная ея сказка о себѣ самой. Походъ дальній. Погода уже становилась холодна. Состояніе ея такъ тронуло насъ всѣхъ, что я почти готовъ былъ дать ей мѣсто въ своихъ повозкахъ. Вздумалось мнѣ спросить у нея паспорта, она брызнула вонъ будто бы за нимъ, и съ тѣхъ поръ я уже ее не встрѣчалъ: вѣрно, какая ни будь потаскушка! Такъ-то обманываются люди, и, по несчастію, частые примѣры заставили уже не вѣрить и настоящему бѣдствію, чтобъ не укорять себя послѣ въ неосторожности.

Съ сегодняшняго утра установились хорошие морозы. День былъ прекрасный, но уже холодно и въ каретѣ, не только на дворѣ. Мы выѣхали изъ Глухова рано, а обѣдали въ Толстодубовѣ. Здѣсь, проѣзжая въ Кіевъ, мы ночевали, и съ заѣзжимъ Маіоромъ, женатымъ Нефедьевымъ, проводили изрядно вечеринку. Тогда вечера еще были теплы и коротки. Здѣсь граница Малороссіи. И такъ я разстаюсь съ этой стороной, которая (виноватъ въ чистосердечіи моемъ) мнѣ не понравилась. Однако, я вздохнулъ, оставляя ее за собой. Мнѣ не жаль плодоносныхъ нивъ и садовъ богатыхъ: у насъ въ Москвѣ яблочный рядъ роскошнѣй Малороссіи, а хлѣба всего не скупить и не пріѣсть. Мнѣ не жаль тамошнихъ веселостей: какъ ровнять ихъ съ Московскими! Не жаль климата и зноя его лѣтняго: та же природа лѣтомъ и въ Москвѣ, то же солнышко грѣетъ мою крышку подъ Дѣвичьимъ. Не жаль знакомствъ новыхъ и пріятелей: дерзну ли сравнять ихъ съ старыми друзьями, съ коими свычка и постоянное собесѣдованіе соединило меня въ Москвѣ неразрывнымъ союзомъ? Нѣтъ, не о сихъ потеряхъ грустно стало сердцу моему: я тяжело вздохнулъ отъ разлуки съ сестрою, зятемъ, милымъ ихъ ребенкомъ, которые доставляли мнѣ всѣ прелести жизни, сколько можетъ она имѣть ихъ на сторонѣ чужой, не въ краю родимомъ.

Прощаясь съ Украйной, я кончу расказъ мой объ ней послѣднимъ замѣчаніемъ. Сколько я примѣтилъ, смотря и слушая, Малороссія не гордится счастіемъ, не смотря на благодѣянія къ ней натуры. Политическое солнце ея не столько согрѣваетъ, сколько свѣтило небесное. Она изнурена, терпитъ разныя тягости и чувствуетъ вполнѣ потерю свободныхъ ея вѣковъ. Ропотъ глухой, но почти общій, и явственныя примѣты многихъ неустройствъ тѣмъ болѣе меня удивили, что Малороссія имѣла всегда на первыхъ ступеняхъ престола чадъ, воскормленныхъ ею отъ самой юности. Было кому покровительствовать ея выгоды при тронахъ Елисаветы, Екатерины и послѣдовавшихъ имъ Царей. Разумовскіе, Заводовскіе, Безбородьки и пр. и пр., были вельможи сильные, мочные у Двора; но изъ состоянія Малороссіи нельзя замѣтить, чтобъ кто либо изъ нихъ радѣлъ о пользахъ своей родины и возвысилъ ея участь. Видно, что человѣкъ въ счастіи забываетъ все, кромѣ себя, и что для фортуны вся земля—родина, гдѣ ее ни встрѣтишь, и гдѣ она ни возлелѣетъ. Что изъ этого заключить въ отношеніи къ Малороссамъ? Или они не стоили покровительства, или сыны ея были неблагодарны, и вздохи матерніе не могли проникнуть въ каменныя сердца, сокрытыя подъ золотыми кафтанами!

Отобѣдавши, и прежде нежели влѣзть въ карету, я поклонился слѣду, меня сюда проводившему, вспомнилъ гробъ бабки моей въ Кіевѣ, съ умиленіемъ сердечнымъ вспомнилъ родныхъ моихъ среди холмовъ Ковальскихъ, испросилъ у Неба вѣчной памяти первой, многихъ лѣтъ счастливыхъ послѣднимъ, вздохнулъ крѣпко, и помчался на всѣхъ рысяхъ конскихъ въ матушку Россію. Мало по малу скрывались отъ глазъ нашихъ проспекты, насаженные ветлами. Вмѣсто греблей, по тамошнему нарѣчію, а по нашему плотинъ, или chaussée, появились скверные и ненадежные мосты, на которыхъ всю душу трясетъ въ повозкѣ, но при всемъ томъ толико милые, когда спѣшишь домой. Восхожденіе солнца мы видѣли еще въ области Хохловъ, а захожденію его кланялись въ Россіи. Заря занималась, и мы въ Орловской Губерніи, на ночлегъ, въ Позняковскихъ постоялыхъ дворахъ, 20

верстъ только отъѣхали, а уже другія избы, другой языкъ, другіе люди! Мнѣ казалось, что мы и лучше ужинали, и крѣпче уснули. Сила юныхъ нашихъ предубѣжденій непреодолима ни работою разсудка, ни опытами глубочайшей старости.

23. Хорошая дорога и бойкія лошади поставили насъ очень скоро въ Сѣвскъ, пограничной городъ Великой Россіи. Это весьма примѣтно, по тому что онъ смѣшанную картину представляетъ въ строеніи и обычаяхъ Русскаго съ Малороссійскимъ. Хотя мы пріѣхали ранѣе 10 часовъ, однако уже нигдѣ Обѣдни не застали. Попы вездѣ торопятся поскорѣй и поранѣе ихъ отпѣть, чтобъ послѣ цѣлой день посвятить праздности, или суетамъ безполезнымъ. Для нихъ богослуженіе не удовольствіе души, а работа, отъ которой они спѣшатъ быть свободны.

И здѣсь есть жертвы Королевецкихъ пожаровъ. Мы остановились у прежняго хозяина. Сынъ его ѣздилъ туда за товаромъ, и воротился только съ чаемъ, а прочихъ припасовъ потерялъ тысячъ на 5, и не могъ спасти всего обоза.

Въ Сѣвскѣ мы нашли множество фруктовъ, но не тѣхъ и не въ томъ достоинствѣ, какъ въ краю, нами оставленномъ. Множество арбузовъ и сливъ купишь, отвѣдаешь—и бросишь. Тѣ же имена вещей и видъ, но вкусъ совсѣмъ другой. Сегодни день воскресной и торговой. Я люблю слоняться въ простомъ народѣ, ходить на базары, говорить съ мужиками. Отъ нихъ много услышишь и свѣдаешь такого, чего не узнаешь въ домахъ судейскихъ и обывательскихъ. Этотъ способъ узнавать скрытое весьма удаченъ для частнаго человѣка: отъ него ни кто не кроется, и мужикъ болтаетъ непринужденно, что ему на мысль придетъ. Многіе начальники, принимая на себя, такъ называемое, инкогнито, бѣгутъ иногда развѣдывать тайны на рынокъ. Я самъ то же дѣлалъ въ старину, но послѣ примѣтилъ, что это одно шарлатанство, не приносящее ни какой пользы общему дѣлу. Всякой начальникъ знаемъ въ народѣ. Куда ни покажется, мужикъ сниметъ шапку, и ни одинъ не проврется, чтобъ не попасть въ просакъ. На первыхъ порахъ, пока тотъ новъ, онъ коечто схватитъ съ языка у простолюдина; но скоро маска съ него свалится, и ни кто искренняго слова ему не отпуститъ.

Сѣвскъ славится раками. Но какая странность! Ихъ продаютъ только въ постные дни, а въ прочіе цѣной золота ни одного не сыщешь.

Прежній Архіерей, поживши здѣсь почти 20 лѣтъ, обратился изъ пастыря овецъ въ настоятеля обители и простаго анахорета. На мѣсто его пріѣхалъ уже сюда Іона, поставленный недавно въ Москвѣ. Онъ былъ нѣкогда духовникъ знаменитой особы Царской крови. * Такое званіе при Дворѣ не легче, думаю, китова жилища, въ которомъ патронъ его трое сутокъ оплакивалъ свое малодушіе. Досиѳей уѣхалъ уже въ пустыню наслаждаться миромъ и тишиной, которую трудно вмѣстить послѣ долговременнаго владычества, а Іона не успѣлъ показаться въ свѣтъ, какъ шорохъ Царской колесницы заставилъ его поскакать въ Орелъ и твердить привѣтственную рѣчь на встрѣтеніе Государя, туда ожидаемаго.

Я еще разъ ходилъ съ женой и съ дѣтьми любоваться на здѣшній соборъ. Храмъ прекрасной; построеніе его дѣлаетъ честь вкусу и заботливости прежняго Архіерея. Хотя въ немъ есть много романическаго восторга, какъ, на пр., изображеніе въ олтарѣ на стѣнахъ разныхъ природныхъ видовъ и лѣсовъ и сельскихъ картинъ, однако вообще нельзя не плѣниться стройнымъ размѣромъ храма, красивой отдѣлкой иконостаса и отборной живописью иконъ.

Поклонясь живому Богу въ рукотворенномъ его домѣ, мы выѣхали изъ города на ночлегъ, остановились въ Усожскихъ постоялыхъ дворахъ. Прихотничать въ дорогѣ трудно. Мы попали въ избу черную, и лишь подали огня, то прусаки поползли по стѣнамъ стадами. Способу не было съ ними ночевать вмѣстѣ. Спасибо снисходительному почталіону. Рѣдкое существо на стан-

* Въ свѣтѣ Иванъ Павинскій, учился въ Олонецкой и Петербургской Семинаріяхъ по 1792 г., былъ Священникомъ при разныхъ церквахъ Петербурга, а съ 1797 по 1802 при Посольствѣ въ Даніи; по пріѣздѣ назадъ, Протоіерей и членъ Консисторіи, съ 1809 духовникъ Великой Княгини Екатерины Павловны; въ 1813 принялъ монашество, 1814 г. Архимандритъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, 1817 Епископъ Орловскій, 1821 Архіепископъ Тверскій и членъ Синода, 1826 Казанскій; скончался 1832 г. Онъ перевелъ: «Опытъ краснорѣчія проповѣдническаго, соч. Блера. Спб. 1800; тамъ же: «О преподаваніи пастырскаго Богословія. 1803. Слова и рѣчи его напечатаны въ Москвѣ 1810.» О. Б.

ціи. Онъ отдалъ намъ свою тѣсную, но чистую, комнату, а самъ съ семействомъ перебрался въ каморку. Мы тутъ расположились коекакъ, но таракановъ плотію своей не угощали. Всякой край имѣетъ свои выгоды и непріятности. Путешественникъ стократно испытываетъ эту истину, и столько жь разъ объ ней напишетъ и скажетъ: Въ «Малороссіи хаты бѣдны, низки, часто во весь ростъ стоять трудно, не упираясь челомъ въ потолочину, за то чисто, опрятно, ни гаду, ни лишняго сору, не увидишь; здѣсь, напротивъ, избы сосновыя, широкія, теплыя, но во всякой гадъ, нечистота, навозъ и вонь злосмрадная отъ хозяевъ и домашняго скота.» Какъ быть! Une nuit est bientôt passée.

Чтобъ укоротать длинные вечера, мы прибѣгали къ общему средству во всемъ мірѣ—къ картамъ, и играли каждой день, съ начала обратнаго нашего путешествія, въ казино. Нечувствительно проходило время. Я проигрывалъ, и сердился; надо мной смѣялись. Хорошій дорожной ужинъ прекращалъ ссору игрецкую, и мы въ добромъ согласіи ложились спать каждой подъ свое теплое покрывало. Сонъ въ дорогѣ сладкое удовольствіе.

Здѣсь проскакалъ эстафетъ изъ Орла съ извѣстіемъ, что Государя ждали туда вчерашняго числа; слѣдовательно, мы, пріѣхавши въ Орелъ, услышимъ новые разсказы о его путешествіи. До сихъ поръ только и твердятъ вездѣ про ярмарку Малороссійскую и пожаръ. Въ Москвѣ одна новость черезъ сутки замѣняетъ другую; человѣкъ дорожной отрѣзанъ отъ цѣлаго міра, и часто верстъ триста возитъ за собою одно и то же происшествіе.

24. Расположившись сегодня ночевать въ Дмитріевскѣ, въ хорошей комнатѣ, а не въ избѣ, и безъ прусаковъ, мы остановились обѣдать на половинѣ дороги, въ Упорое: 22 версты мы почти пролетѣли; погода ясная, дорога гладкая: все намъ споспѣшествовало. Выѣхавши съ ночлега въ 8 часовъ утра, мы уже были въ 10 на стойкѣ. Съ вольными лошадьми такая быстрота замѣчательна. Въ Упорое есть помѣщикъ, знакомый моему зятю, Г. Милорадовичъ, Маршалъ или (зачемъ уже говорить по Русски) Предводитель Дмитріевскаго Уѣзда. На случай, естьли бы мы поспѣли къ нему ночевать, я взялъ у зятя письмо, но оно сдѣлалось не нужно. Г. Милорадовичъ и съ супругой своей поѣхали къ теплымъ водамъ: дома ихъ не было. Но постоялый дворъ

ихъ же не хуже многихъ господскихъ покоевъ въ иномъ мѣстѣ; и такъ мы лишились только, не скажу удовольствія, а скучнаго приличія, заводить новыя знакомства на два часа: объ этомъ жалѣть нечего. За то, какой я засталъ на квартирѣ прекрасной каминъ! Въ немъ ужь разложенъ былъ огонь, и я обновилъ осеннюю мою забаву. Тутъ мы отобѣдавши, помчались въ два часа по полудни: и подлинно помчались, по тому что съ тою же быстротой доѣхали за 22 версты въ 4 часа въ городъ. Остановились у того же доброхотнаго купца, который и въ первой пріѣздъ услужилъ намъ ночлегомъ въ своемъ домѣ. Его не было самаго: онъ и все, что ни лучшее въ Уѣздахъ и городахъ Орловской Губерніи, полетѣло въ Орелъ, смотрѣть въ глаза Государю, и въ толпахъ народныхъ давать и получать толчки. Отсюда шла почта въ Москву. Я дорогой заготовилъ туда обыкновенную мою переписку, но не имѣлъ случая отправить, поспѣшилъ всѣ ихъ запечатать и отослать. Это меня заняло. Вечеръ сдѣлался короче, и маленькой его кусочекъ до ночи мы, по обыкновенію дорожному, провели за картами, играя все таки въ казино.

25. По маршруту дорожному надлежало намъ ночевать сего дни въ Кромахъ; но гостепріимный Шиповъ расположилъ за насъ нашимъ временемъ. Полагая его въ Орлѣ, куда всѣ жители сей Губерніи, по случаю Государева прибытія, спѣшили сосредоточиться, я надѣялся, что не застану его въ селѣ Чувардинѣ, и приказалъ передовому моему изготовить намъ обѣдать въ его ресторации. Мнѣ хотѣлось удостовѣриться, такъ ли она хорошо содержится сама собой, безъ хозяина, какъ красива на показъ; вмѣсто того Шиповъ самъ дома встрѣтилъ насъ и зазвалъ къ себѣ обѣдать, а потомъ, силою убѣжденій, рѣшилъ пожертвовать ему остаткомъ дня; и такъ мы его весь тутъ и провели, и ночевали въ его покояхъ. Угощеніе его всегда очень пріятно. Онъ отъ доброй души радъ проѣзжающимъ и, кажется, для того только живетъ въ этой деревнѣ, чтобъ оказывать дорожнымъ людямъ всѣ возможныя услуги. У всякаго свой вкусъ и прихоть. Путешественнику остается, ни мало не разсуждая о свойствѣ такой, впрочемъ, необыкновенной склонности, всегда сказать хозяину пріятное спасибо за крышку, пищу и удовольствіе, тамъ особливо, гдѣ на пяти стахъ верстахъ иногда не встрѣтишь ни какого привѣтствія. Г. Шиповъ тѣшилъ насъ, какъ дѣтей, своею

музыкою. Она довольно хороша, а бальная даже и громка. Цѣлой день мы слушали симфоніи, вальсы, мазурки, ѣли и пили очень вкусно, спали покойно. Не всякой день похожъ былъ на нынѣшній въ нашемъ путешествіи. А сверхъ того, чтобъ мы не опоздали завтра доѣхать засвѣтло до Орла, отъ котораго мы были здѣсь въ 55-ти верстахъ, онъ намъ обѣщалъ своихъ лошадей до половины пути; по чему я извощиковъ своихъ отправилъ впередъ за 30 верстъ, дабы они тамъ, выкормя лошадей, готовы были безъ медленности везти насъ съ станціи прямо въ Орелъ. Планъ обдуманъ былъ хорошо. Между тѣмъ насъ ожидали разные деревенскіе сюрпризы. У Шипова много женщинъ, выученныхъ танцовать по свѣтски. Какъ безъ нихъ холостому помѣщику обойтись? А простая крестьянка меньше нравится городской фиглярки. Одѣтыя въ хорошіе сарафаны, явились до восьми дѣвчонокъ съ гирляндами и плясали при насъ Polonois santante, потомъ по Русски, и все это составило зрѣлище занимательное въ осенній безконечной вечеръ въ деревнѣ.

Я глядѣлъ на него безъ критики и насмѣшки. И подлинно, думалъ я, что дѣлать въ деревнѣ, въ холодную погоду, почти въ Октябрѣ?

За перомъ и за книгою цѣлыхъ сутокъ не просидишь: захочешь роздыха. Разсчеты хозяйственные заставляютъ иногда дожидаться зимняго пути, чтобъ пріѣхать забавляться въ Москву, а одному въ полѣ очень тошно. Нѣтъ ни бесѣды, ни занятія. Неволя велитъ иногда и за посмѣшище приняться, чтобъ не потерять привычки хохотать. Я всѣ затѣи такого рода извиняю, доколѣ онѣ въ настоящей мѣрѣ, и любя Г. Шипова за его добродушіе и готовность къ услугамъ, я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ онъ не на этой точкѣ остановился; а естьли, Боже избави лихой духъ его взманитъ заводитъ балеты и театральныя скоморошества, тогда онъ выйдетъ то же, что мы видимъ въ полубарскихъ затѣяхъ, или въ оперѣ: «Les voitures versées.»

Сидя тутъ, противъ танцовщицъ его, то за grande patience, въ другой комнатѣ, я напоминалъ себѣ подобныя угощенія у одного вельможи, который нѣкогда въ Низовой своей деревнѣ приглашалъ меня къ себѣ на нихъ полюбоваться. У Шипова дѣвки то, что онѣ есть въ правду—служительницы его увеселеній, а тамъ совсѣмъ бывало другое. Собралъ въ большую залу свою

дворню, ровно въ 6 часовъ: всѣ одѣты въ лучшія свои платья и съ отмѣннымъ щегольствомъ; зажгутъ свѣчъ множество; вдругъ двери настежъ, хозяинъ покажется, и всѣхъ обойдетъ привѣтствіемъ; всякую женщину назоветъ по имени и отчеству; потомъ мигнетъ капельмейстеру, оркестръ зашумитъ, и начнетъ все это толпище длинной Польской, а старый холостяга баринъ, посадя съ собой двухъ, трехъ, кліентовъ тутошняго Уѣзда чиновниковъ, изволитъ съ ними играть въ вистъ, и мечтаетъ, что онъ по крайней мѣрѣ, Курфирстъ, къ которому съѣхались на балъ знатнѣйшія особы обоего пола. Такая потѣха стоитъ публичнаго осмѣянія на рыночныхъ даже театрахъ; и чтобъ не сдѣлаться моимъ Дурыломомъ, надобно много осторожности въ вымыслѣ забавъ деревенскихъ.

26. Расположивъ наше путешествіе сегоднишнее, какъ сказано выше, мы получили полный успѣхъ въ нашемъ намѣреніи поранѣе доѣхать въ Орелъ. Съ утра пролетѣли городишко, именуемый Кромы. Обѣдали на скору руку въ Шаховѣ, за 25 верстъ отъ города, и прибыли въ Орелъ часа за два до сумерокъ. На пути встрѣчались съ нами кирасиры верхами. На всѣхъ лица были веселыя. Смотръ удался: Государь былъ доволенъ. Въ Орлѣ застали мы еще щиты, кои тысячами огней освѣщали шествіе Царское. Но Государя уже не было. Мы остановились, по милости прежняго нашего хозяина, къ которому явился мой передовой, въ покойной квартирѣ, пріисканной имъ, по тому что своимъ домомъ, отдавши его въ наймы, онъ не могъ уже распологать въ нашу пользу. За то дрожки его мнѣ очень исправно служили. Пока дочери мои снаряжались въ театръ къ Графу Каменскому, а жена отдыхала у своей родственницы, милой Г-жи Свѣчиной, я ѣздилъ къ Архіерею, но не имѣлъ удовольствія съ нимъ видѣться. Его Преосвященство, проводя Государя, торопился въ баню. Завернулъ съ визитомъ къ Вице-Губернатору, который отдыхалъ послѣ моральной бани, и съ нимъ раздѣлилъ его горе: Государевъ пріѣздъ былъ для него эпохой несчастной, а потомъ и въ театръ.

Сегодни играли «Тонни» и «Наказанную ханжу.» * Повторяю

* Или урокъ каждому въ очередь, въ 2 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Бориса Федорова. Спб. 1817. О. Б.

то же, что сказалъ прежде: декораціи, одѣяніе, оркестръ — лучше Московскаго театра, но талантовъ нѣтъ, и играютъ только сносно, особливо роли патетическія. Конго, застрѣленный на сценѣ, умиралъ, упалъ и вылежалъ мертвецомъ до конца піесы очень натурально. Вотъ все, что заслуживало въ игрѣ актеровъ нельстивыхъ рукоплесканій. Я входилъ къ Графу въ ложу, благодарилъ за 4 билета, кои, хотя по позднему нашему пріѣзду въ городъ достались намъ во второй сотнѣ номеровъ и, слѣдовательно, далеко и невыгодно, особенно для близорукаго, какъ я, однако присылка ихъ все означала вниманіе хозяина къ намъ; ибо онъ прислалъ ихъ безъ платы. Графъ позволилъ мнѣ всю первую драму просидѣть у него въ ложѣ. Громъ, дождь и буря представлены были въ совершенствѣ. Театръ набитъ народу. Множество военныхъ: не всѣ еще разъѣхались. Тутъ я видѣлъ стараго Сенатора, А. Г. Теплова, котораго едва узналъ: такъ онъ состарѣлся; недавно съизнова женился, и на молоденькой!!!

Послѣ спектакля, я и дочери мои съ Госпожею Свѣчиною вмѣстѣ въ ея каретѣ, пріѣхали къ ней ужинать. Тамъ нашли Тарара: онъ болталъ безъ умолку. Два Офицера армейскихъ къ нашему обществу присоединились. Мы вечеряли, ужинали, прыгали, рѣзвились, не смотря на тѣсноту покоевъ, и такъ провели пріятно время, какъ важивалось въ старинную пору въ матушкѣ Москвѣ. На моемъ языкѣ это высшая похвала, какую могу я отдать по справедливости пріятной бесѣдѣ М. Н. и мастерству ея угощать посѣтителей своихъ всякаго пола и возраста.

27. Я взялъ подорожную для передовой своей на пару до Тулы; съ меня взяли пошлины, вмѣсто двухъ, заставили брать трехъ лошадей, и ни одной не дали. Прекрасный способъ усиливать казенные доходы! Этимъ начался сегоднишній день, и я очень рано выѣхалъ.

На дорогѣ объѣхала насъ Графиня Каменская на почтовыхъ. Для сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ людей вездѣ все есть. Подъ кибиткой ея бѣжали и тѣ три лошади, за которыя съ меня даромъ взяли деньги. Въ то же время помѣщикъ какой-то Орловской съ гончими своими сбирался выводить зайцевъ около города. Мы всѣ другъ на дружку оглянулись, и каждый изъ насъ, конечно, дѣлалъ свои размышленія. Графиня думала, я чаю, что мы очень жалки, по тому что не поспѣемъ въ Москву ко

дню пріѣзда туда Императора; я дивился, что такая пожилая дама, не щадя костей своихъ, торопится, проводя Государя изъ Орла, опять кинуться ему въ глаза въ Кремлѣ. О, естьли бъ я имѣлъ ея деньги и свободу, не знаю, для чего бы я согласился садиться въ 8 часу въ карету и цѣлый день въ ней сидѣть, какъ кукла, безъ занятія, по тому что въ холодъ рука не держитъ книги; а собачій охотникъ думалъ вѣрно, что онъ обоихъ насъ счастливѣе, и что травить зайцевъ есть лучшее удовольствіе въ жизни въ теперешнюю погоду. Такъ-то всякой, судя о другомъ, на свой аршинъ мѣритъ и мысли его и чувства.

Мы кормили лошадей въ деревнѣ, по имени Отрада, но въ которой ни чего не нашли отраднаго, а ночевать поспѣли въ самую пору во Мценскъ. Трактиръ былъ свободенъ; намъ отвели прежнія комнаты, дали изрядный ужинъ, и мы очень покойно ночевали. Совѣтую всѣмъ, кто ѣздитъ по сей дорогѣ, пригонять обѣдъ, или ужинъ, свой въ этотъ трактиръ, и онъ, конечно, не потужитъ, что меня послушался.

28. Сегодни мы проѣхали 57 верстъ. Погода была прекрасная, дорога суха, воздухъ свѣжъ, и съ добрымъ утреннимъ морозомъ мы выступили изъ Мценска. Обѣдали въ Большомъ Скуратовѣ, гдѣ нашли путешествующаго Архимандрита Орловскаго и тамошняго Ректора. Съ перемѣной пастыря потревожили и стадо. Онъ былъ переведенъ въ Рязань, а Рязанскій Ректоръ на его мѣсто. По подорожной беретъ 5 лошадей, и казна платитъ прогоны. Я его зазвалъ къ себѣ на квартиру; мы побесѣдовали о причинѣ его странствія, и я, пожелавъ отцу Амвросію счастливаго пути, съ нимъ распрощался. Монахи нынѣ, такъ же какъ и галки, двигаются часто съ мѣста на другое.

Ночевать пришлось бы намъ въ черной избѣ, естьли бъ дворянинъ, живущій въ Селезневкѣ, гдѣ мы остановили бѣгъ свой, не позволилъ намъ расположиться въ его комнатѣ. Онъ живетъ тутъ съ женою одной, и безъ всякой почти прислуги, а съ нами сдѣлалась такая тѣснота, что мы съ трудомъ могли изворотиться, но, по крайней мѣрѣ, горница теплая, гаду нѣтъ. На стѣнахъ висятъ Фридрихи и Вельгельмы. Обманчивая вывѣска бѣднаго просвѣщенія! Супруги оба люди немолодые; не знаю качествъ ихъ душевныхъ, но голова у обоихъ довольно пуста. Хозяинъ былъ когда-то раненъ въ Польшѣ, и съ тѣхъ поръ не взлюбилъ ры-

царскаго званія, но въ последнее ополченіе Богъ его сподобилъ стоять подъ Данцигомъ и защищать Тульскія свои степи, о которыхъ, думаю, Генералъ Раппъ и не помышлялъ. Оттуда воротясь домой, принялся за благую часть — попалъ въ опекуны къ недоимочнымъ именіямъ и, кажется, это для него лучше, чемъ подрываться подъ чужія крепости. На немъ виситъ бронзовая медаль, и когда онъ въ свой Уездный городъ, Чернь, появится, то, безъ сомненія, между своей братьи покрикиваетъ: «Мы Дворяне!!!» а у него только клочекъ земли въ именіи Княгини Щербатовой: село Селезневка принадлежитъ Ея Сіятельству. Оно обширно, крестьянъ много; есть и церковь деревянная, но по полу десятины только земли на душу; съ нуждою платятъ по 12 руб. съ тягла помещице, и живутъ, какъ самые беднейшіе люди въ міре: ни одной путной нетъ избенки, а улица версты въ две. Съ пріезда подумаешь, что тутъ всякое довольство обитаетъ. Какъ наружность обманчива!

29. Нечего писать сегодня, кроме того, что обедали въ деревне знатнаго Армянина, а пріехали ночевать въ 23 верстахъ отъ Тулы, въ селеніи Колпне. Ночлегъ былъ чистъ и покоенъ: въ Тульской Губерніи это диковинка.

У Якима Лазаревича село преогромое. Церковь, домъ господскій съ хорошей фасадой, множество разныхъ строеній. Мужики одни варили пиво къ Покрову, праздничному дню ихъ села, а другіе, т. е., чужеземцы, принадлежащіе тому же господину, но въ Перми, и согнатые сюда для земляныхъ работъ, роютъ большіе пруды, делаютъ плотины, и все это подъ надзоромъ какого-то слуги, съ которымъ я говорилъ. Онъ такъ же Пермякъ, и очень заботливъ: самъ на работе, и все идетъ успешно; а помещика тутъ не было. Кого теперь найдешь въ деревне, кроме стараго да хвораго? Все скачетъ въ Москву, и мы туда же!

30. Мы пріехали въ Тулу почти въ поздния Обедни, и, кажется, торопились для того ранее здесь быть, чтобъ приготовить наше терпеніе къ ожидающимъ насъ безпокойствамъ всякаго рода. Непріятнее всего было то, что мы обманулись въ надежде найти здесь тещу и несколькихъ родственниковъ жены моей, съ ней живущихъ. Я думалъ, что между ими отдохну и проведу дни три въ Туле съ удовольствіяхъ свободы и родственной пріязни. Ни чего не бывало! Кто въ Петербурге, кто въ Москве, а теща одна своимъ домомъ еще въ деревне. Нечего было делать иного, какъ решиться своротить съ большой прямой дороги къ ней въ деревню, что и навлекло намъ большія хлопоты; но я охотнее соглашался перенести все, чемъ лишить жену свиданія съ матерью, которую, по престарелымъ ея годамъ, трудно было надеяться опять увидеть въ Туле.

Ямщики мои ряжены до Тулы. Надобно было нанимать новыхъ. Поговоря съ теми же и не теряя времени въ приторжкахъ, я договорился съ ними довольно дорого; но время дороже мне было тогда денегъ. Я заплатилъ 60 руб. за тройку до Москвы съ темъ, чтобъ ехать на Веневъ и Каширу.

Расположась такимъ образомъ выехать на завтра къ теще въ деревню, мы весь сегоднишній день провели въ пустомъ доме Д. А. Б. одни одинехоньки, и ни кого изъ Тульскихъ не видали, кроме стараго моего знакомца, учителя Евгенова, который почти весь день съ нами пробылъ, и съ нимъ вместе я ходилъ къ Архіерею: посиделъ у него, и часъ, другой побеседовалъ. Впрочемъ, я по воображенію только жилъ въ городе, а уединеніе наше уподоблялось деревенскому. Вечеръ сократился чтеніемъ газетъ, кои давно мне въ руки не попадались. Здесь я все нашелъ, и для меня много стараго сделалось новымъ.

До этого числа время было сухо и хорошо, ныне подъ вечеръ поднялся ветеръ и сталъ спускаться снежокъ. Не трудно было отгадать, что мы подвергаться осуждены осенней непогоде; но мне все казалось, что она не вдругъ усилится до несноснаго своего степени, и я въ сихъ пріятныхъ мечтахъ легъ спать въ теплой, приборной и покойной спальне первой красавицы столичной, во времена баснословныя счастливыхъ дней Москвы.

Октября 1-го. Легли осенью, проснулись зимою. Всю ночь шелъ снегъ. Небо обложилось тучами. Целые сутки не преставала непогода при сильномъ ветре. Такая встреча каждаго изъ насъ поразила ужасомъ. Но делать было негего, поехали. Коекакъ дотащились мы въ карете за 20 верстъ отъ Тулы, на половине дороги. Выехавши въ 8 часовъ утра, пріехали въ мерзловине дороги. Выехавши... въ 2 часа по полудни. Карета помикую деревнишку, Клещово, въ 2 часа по полудни. Карета помимо

лесами, такъ напугала всѣхъ, что способу не было ни далѣе въ каретѣ ѣхать, съ надеждой достигнуть до тещиной деревни къ ночи, ни на пути ночевать спокойно. Я рѣшился, оставя въ Клещовѣ всѣ повозки, взять двое саней парой, и въ нихъ катиться по снѣгу. Пока запрягали, мы вышли въ черную избу, обогрѣлись, обсушились и перехватили кусокъ мяса. Сѣли въ сани, въ одни я съ женой, въ другія дочери обѣ, закутались чѣмъ попало, и такъ продолжали путешествіе. Почти ночью пріѣхали наконецъ къ тещѣ. Дорога санная въ полѣ такъ уставилась въ одинъ день, что можно было въ простыхъ саняхъ скакать во всю рысь безъ нужды. Какая скоропостижность въ перемѣнѣ погоды! У тещи мы отогрѣлись, напились чаю и весь вечеръ тужили о своихъ экипажахъ, въ которыхъ всѣ наши пожитки остались и люди. Но, по счастью, прибыли они къ намъ часовъ въ 9 вечера, и мы за блаженство сочли, что могли уснуть на своихъ постеляхъ, чего не смѣли ожидать.

Признаться должно, что эти сутки были столько же для насъ мучительны въ сѣверномъ климатѣ, сколько натерпѣлись мы страха въ южной полосѣ, ѣхавши въ Триполь степью, подъ тучами громовыми, озаряемы всюду окрестъ насъ молніями, сквозь черныхъ тучъ и густой мглы ночной. На квартирѣ въ покоѣ все скоро забыто. Теща намъ очень обрадовалась, и тѣмъ болѣе, что насъ совсѣмъ не ожидала. У нея въ селѣ сегодни былъ храмовый праздникъ и освященіе новаго иконостаса. Обѣдавшіе гости разъѣхались; мы уже ни кого ни застали, кромѣ хозяевъ; но пѣсни по избамъ, крикъ и сельскіе шумные разъѣзды, живымъ были изображеніемъ Бахусовыхъ жертвоприношеній. У всякаго изъ людей въ глазахъ троилось, и при такой услугѣ пріятно было, не смотря на радостное свиданіе, какъ можно скорѣе день кончить, погасить огонь, запереться покрѣпче и выспаться.

2. Безпокойство прошедшаго дня и крутая перемѣна погоды задали мнѣ сильную головную боль, отъ которой я почти цѣлыя сутки спалъ. Слава Богу, что ни кто изъ нашего экипажа не подвергся ни простудѣ, ни другимъ слѣдствіямъ мороза безвременнаго. Всѣ были безъ шубъ, и мы почувствовали, что и отъ Тулы до Москвы очень далеко еще, когда надобно ѣхать по снѣгу и мерзнуть въ открытыхъ саняхъ. Не приведи, Господи, меня въ остальное время жизни моей переноситься съ мѣста на мѣсто зимою! Стужа есть для меня первое зло въ физическомъ мірѣ. Удовольствіе, которое принесло тещѣ моей свиданіе съ нами, одно сильно было вознаградить безпокойства, нами понесенныя на просельной дорогѣ.

3. Мы отобѣдали въ деревнѣ, и поѣхали въ Каширу. Старуха М. Я., прощаясь съ нами, поплакала, жена моя такъ же. Когда проводы обходятся безъ слезъ? Отсюда дорога до Венева, 10 верстъ, лежитъ проселкомъ, т. е., дурна и къ тому жь гориста. Мосты ненадежны; часто надобно было выходить пѣшкомъ. Мы съ женой ѣхали въ пошевняхъ, которыя я здѣсь купилъ нарочно для сей нечаянной зимы. Карету перекидывало съ боку на бокъ по косогорамъ. Колесы скользили то по стылому ледочку, то по грязному чернозему, и, слава Богу, что ни разу ее не опрокинули совсѣмъ. День былъ не холоденъ, но снѣгу такъ много напало, что сани безъ нужды катились, какъ въ настоящую зиму. Какое несчастіе путешествовать въ эту пору!

Мы прокатили чрезъ Веневъ, не захватывая почти города. Въ немъ есть и улицы, и домы и до 6 церквей. Но городишко степной, бѣдной и ни чего не значущій. Я въ немъ ужь бывалъ прежде, а изъ любопытства можно остановиться лѣтомъ на полчаса времени для того только, чтобъ взглянуть на Никольскую церковь. Мало храмовъ въ Россіи, отстроенныхъ съ подобнымъ вкусомъ и такъ великолѣпныхъ! Соборной престолъ еще не конченъ, но два придѣла уже освящены. Живопись, рѣзная работа и позолота отдѣланы съ отмѣннымъ тщаніемъ, и граждане не жалѣли денегъ. Вотъ все, что можетъ обратить вниманіе въ Веневѣ!

Проѣхавши еще 17 верстъ, со всякимъ трудомъ и дрожью, мы прибыли ночевать въ деревню одного Веневскаго помѣщика, Г. Шишкина. Его не было тутъ, но люди отворили намъ домъ господской, и мы на покойномъ ночлегѣ нашли пріятной отдыхъ и хорошо выспались. Естьли вѣрить старой пословицѣ: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ,» то по людямъ Г. Шишкина судя, надобно думать, что и помѣщикъ человѣкъ вѣжливой и гостепріимство почитаетъ благороднымъ отличіемъ нравственности. Хвала ему и спасибо наше заочно!

4. Съ нуждою и большой стужей проѣхали мы сегодни слишкомъ 40 верстъ; кормили лошадей въ деревнѣ Г-жи Павловой, а ночевать пріѣхали въ Каширу, гдѣ, не смотря, что это го-

родъ, заняли дорого не очень покойную квартиру, хотя и въ каменномъ домѣ. Здѣсь стоитъ Ярославской пѣхотный полкъ, и по тому всѣ домы заняты солдатами. На пути мы встрѣтили два предмета любопытные: огромной гуртъ воловъ, которыхъ гонятъ въ столицу на бифштексъ, для прихотливыхъ ея жителей, и цѣлое стадо заводскихъ овецъ съ густой и прекрасной волной, выписанныхъ Кн. Гагаринымъ, чаятельно, для размноженія тонкаго сукна. Я любовался на оба сіи скопища животныхъ. Одни, думалъ я, станутъ насъ питать, другія одѣвать. Удовольствіе приближенія къ Москвѣ насъ согрѣвало и радовало. Зима стала не на шутку, и доѣхать скоро домой было первое желаніе каждаго изъ насъ.

5. Ямщики заставили насъ обѣдать въ Каширѣ. Морозъ и снѣжной путь поставилъ ихъ самихъ въ необходимость всѣхъ лошадей своихъ перековать; иначе не дошли бы до Москвы. Операція эта продолжалась цѣлое утро, и мы не прежде выѣхали, какъ въ часъ по полудни; слѣдовательно, уѣхать могли одну только впряжку, говоря ямскимъ нарѣчіемъ, т. е., 33 версты. Рано вставши, что было дѣлать поутру! Я услышалъ благовѣстъ, и пошелъ къ Обѣдни. Церковь Введенія недавно отстроена. Въ двухъ придѣлахъ уже служатъ, и въ одномъ изъ нихъ мы помолились Богу. Настоящій храмъ готовится къ освященію: все въ немъ уже готово. Иконостасъ весь изъ золота и живописи: и то, и другое, со вкусомъ отдѣлано.

О Каширѣ говорить много нечего. Городокъ степной и неважной. Естьли бъ въ немъ не протекала Ока; естли бъ, по милости ея, не случилось иногда, какъ и намъ сегодни, поѣсть ухи изъ живой рыбы, а временемъ не удавалось и стерлядь достать, то городъ, впрочемъ, самъ по себѣ ни чего бы не значилъ. За потерю утренней впряжки мы, по крайней мѣрѣ, хорошо отобѣдали.

По Окѣ ходятъ здѣсь два парома. Мы переправились благополучно. На той сторонѣ началась Московская Губернія. Среди песковъ, на самомъ берегу рѣки, бѣдной мужской монастырь, принадлежащій Московской Епархіи.

На паромѣ, во время переправы, случай меня свелъ, въ первой разъ отъ роду, съ однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ жены моей, Г. Грековымъ. Онъ переѣзжалъ изъ сосѣдней своей деревни къ кому-то въ гости въ Каширу. Мы познакомились наскоро, перецѣловались и отчалили, оставя его на Тульскомъ берегу.

Въ первомъ селеніи отъ Каширы, Нижнемъ, объѣхали мы Князя С. И. Гагарина. Онъ ѣхалъ, какъ и мы, въ Москву на своихъ лошадяхъ, и тутъ кормилъ ихъ. Жена и я, сидя то въ каретѣ, гдѣ снѣгу не было, то въ пошевняхъ, гдѣ путь зимній лучше былъ колеснаго, доѣхали, въ самыя глубокіе сумерки и почти ночью, въ деревню Якиматово. При въѣздѣ нашемъ въ Кіясовку, имѣніе Графини Бобринской, видя заходящее солнце, я вознамѣрился тутъ остановиться на ночь. Но селеніе послѣ пожара отстроивалось вновѣ. Одна только была хорошая изба, и ту захватилъ Гагаринъ, пріѣхавши прежде насъ; прочія жилища крестьянскія не обѣщали покойнаго ночлега; и такъ, подъ покровительсвомъ луны, я рѣшился ѣхать далѣе. Оставалось 8 только верстъ до выше сказаннаго селенія. Путь недалекъ, но мѣсяцъ скоро ушелъ въ тучу, поднялся вѣтерокъ, помело по дорогѣ снѣгомъ, въ саняхъ тяжело, а изъ кареты трусость выживала. Я по почамъ плохой ѣздокъ. Въ необходимомъ горѣ одно остается терпѣніе. Шашкомъ наконецъ достигли до Якиматова. Селеніе большое, но ни одной путной избы! Странно, что даже и въ 70 верстахъ отъ столицы, на большой дорогѣ, мужикъ Русской живетъ еще, какъ свинья: ни какой чистоты въ избѣ, ни какой опрятности! Дѣлать было нечего: заняли лучшую избу, какая попалась, и съ крайнимъ безпокойствомъ провели въ ней вечеръ, а ночью спали плохо: поминутно то кошка, то тараканъ, то боровъ разбудитъ. И послѣ мы сердимся, когда иностранцы зовутъ нашъ народъ дикимъ! Конечно, онъ не ѣстъ людей, но ежели дикимъ назвать можно и того человѣка, которой въ одной избѣ живетъ, пьетъ и ѣстъ съ своимъ скотомъ домашнимъ вмѣстѣ, то Русской мужикъ, конечно, дикарь, да и такой, какихъ, можетъ быть, не отыщешь ни въ какомъ образованномъ Государствѣ. Примѣняя Россію, во всѣ стороны за Москву, къ областямъ Европейскимъ чужихъ владѣній, можно объ ней сказать, по пословицѣ: «Далеко кулику до Петрова дня!»

6. Приближаясь къ Москвѣ, мы теряли снѣжную дорогу, и принуждены были съ женою, бросивъ пошевни, которыя потащили за нами, пересѣсть въ карету.

На пути отъ Каширы намъ попались два экипажа изъ Москвы: мы дивились встрѣчѣ. Намъ показалось страннымъ выѣзжать изъ столицы въ самой большой праздникъ ея, когда тамъ весь Дворъ, столь необыкновенное зрѣлище въ готическомъ Кремлѣ; но для печальныхъ праздникъ еще тошнѣе. Изъ Москвы ѣхали въ свои деревни двѣ родныя сестры и вдовы: Генеральша Дохтурова и Княгиня Щербатова.

Мы обѣдали сегодни въ казенномъ селѣ, Шабанцовѣ, и узнали тутъ, что Графа Владиміра Григорьевича Орлова супруга скончалась въ Подмосковной своей, Отрадѣ, не подалеку отсюда. Я думаю, что при кончинѣ, ей эта Отрада показалась хуже тоски. Чтобъ прожить побольше, она бы рада была, я чаю, и избѣ крестьянской преимущественно предъ своими чертогами. Смерть вездѣ ужасна, особливо для тѣхъ, кои пріяли, какъ она, столь много благихъ въ животѣ своемъ.

Ѣхавши до ночлега послѣ обѣда, мы обскакали гуртъ гусей. Я никогда не видывалъ этой птицы въ такомъ множествѣ. Ихъ гналъ въ Москву одинъ мужикъ съ большой лозою, и они всѣ шли очень послушно въ Охотной Рядъ на убой. Мнѣ, глядя на нихъ, пришла на мысль Крылова басня, живая картина того, что намъ въ натурѣ попалось. Сколько въ Москвѣ сибаритовъ, которымъ въ натурѣ попались. Сколько въ Москвѣ сибаритовъ, которые получатъ подушки изъ нихъ пуху; богатыхъ купцовъ, которые станутъ кушать ихъ съ груздями и потчивать стряпчихъ-щечилъ; и стихотворцовъ, кои вырванными изъ крылъ ихъ перьями напишутъ, кто что гораздъ: иной торжественную оду, другой Телемахиду, и все это произойдетъ отъ гуся, шествующаго плавнымъ шагомъ, по манію хворостины въ рукахъ неопрятнаго мужика, у котораго сквозь дыръ стараго тулупа всѣ кости, думаю, продрогли.

Мы ночевали въ Пахрѣ. Изба попалась намъ теплая, чистая, покойная. Хозяинъ уже образованъ. У него дѣти тѣшатся картинками. По стѣнамъ наши побѣдоносцы на коняхъ висятъ на гвоздочкахъ, и всѣ размалеванные яркими красками на мой вкусъ. Въ одномъ углу зеркальцо, въ другомъ кіотъ съ образами. Видно, что мы простились съ степными жилищами человѣческихъ каррикатуръ. Я съ хозяиномъ долго говорилъ о Москвѣ. Онъ видѣлъ всю Императорскую фамилію въ Соборахъ, въ день Покрова. Тамъ время было еще хорошо, небо ясно, снѣгу ни

крошки, не такъ какъ у насъ, въ Тулѣ. Нѣтъ ни чего смѣшнѣе разсказовъ нашихъ поселянъ. Они все видятъ по своему, и описаніе ихъ заставитъ всякаго улыбнуться; а сколько при томъ кривыхъ толковъ, неумышленной лжи и пустословія! Что жь дойдетъ далѣе и далѣе? Спасибо нашему повѣствователю: онъ насъ сперва занялъ, потомъ убаюкалъ, и мы очень крѣпко уснули.

7. При всемъ нетерпѣніи нашемъ общемъ быть на гнѣздѣ, я разсудилъ, отъѣхавъ еще 20 верстъ, пообѣдать въ послѣдній разъ путешественнымъ образомъ въ избѣ, и обѣдъ насъ ожидалъ въ 12 верстахъ отъ Москвы. Съ вечера изъ Пахры передовой поскакалъ туда приготовить домъ нашъ, и извѣстить живущихъ съ нами дѣтей, разсѣянныхъ по чужимъ домамъ во время путешествія, о прибытіи нашемъ, наконецъ, къ вечеру въ Москву.

Признаюсь, что мнѣ непріятно въѣзжать, послѣ долгой отлучки, въ домъ свой, не предваривши ни кого. Я не люблю ни какихъ нечаянныхъ тревогъ и сумятицъ. Пусть, думалъ я, все приберутъ, вымоютъ, вычистятъ, и тогда мы вполнѣ способны будемъ наслаждаться спокойствіемъ и тишиною. Не за что будетъ сердиться и досадовать, всякой будетъ радъ: хозяинъ своимъ домочадцамъ, а тѣ своему господину.

Выкормя лошадей, и сами поѣвши, мы двинулись къ бѣлокаменной Москвѣ и, слава въ вышнихъ Богу, увидѣли скоро золотыя ея маковки! Едва въѣхали въ заставу, какъ зачали намъ попадаться разныхъ цвѣтовъ гвардейскія одѣянія. Всѣ предмѣстія города ими наполнены: явный признакъ, что Дворъ въ столицѣ. Скоро блеснулъ въ глазахъ нашихъ развѣвающійся широкой флагъ на ветхихъ теремахъ Кремлевскихъ, поновленныхъ всею красотою нынѣшняго зодчества и возвышенныхъ почти до облаковъ. По вывѣскѣ сей всякой отгадываетъ, что Монархъ всей Россіи избралъ на нынѣшнюю зиму сей древній Капитолій въ жилище себѣ. Городъ наполненъ народу. Рынки уподобились многолюднымъ Китайскимъ базарамъ. Все въ движеніи; ни кто не дремлетъ въ праздности. Улицы очищены отъ всякаго сору. Тротуары вытянуты повсюду на Петербургской вкусъ. Зданія прибыли въ невѣроятномъ количествѣ. Давно ли мы оставили Москву, а уже трудно было узнать ее. Чего не дѣлаетъ сильное желаніе угодить своему Владыкѣ!

Вотъ уже мы и дома, въ покоѣ, въ теплѣ, въ умѣренпомъ довольствѣ. Домашнія мои снова засуетились; а я, присѣвши къ новому моему камину, отъ всей души возблагодарилъ Бога, совершившаго намѣренія наши во благое, его же святый промыслъ да оградитъ жилище наше и всѣхъ насъ отъ всякаго зла, даруя намъ пребываніе тихое и безмятежное въ старомъ родительскомъ пепелищѣ!